

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-82263
of 23, November, 2021

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

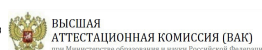
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

WORLD OF NEW ECONOMY

JOURNAL OF SCIENTIFIC HYPOTHESES AND SUCCESSFUL BUSINESS DECISIONS

DOI: 10.26794/2220-6469

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто (Италия);
Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи эндмаркетинг консалтенс» (Германия);
Хан С., д-р, профессор, руководитель департамента экономики Блумсбургского университета (США);
Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН;
Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., генеральный директор Института экономических стратегий (ИНЭС), проф. МГИМО;
Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;
Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН;
Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;
Иванов В.В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН;
Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;
Нуреев Р.М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., Заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;
Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;
Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН;
Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. департамента экономической теории Финансового университета;
Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;
Звонова Е.А., д-р экон. наук, проф., руководитель департамента мировых финансов Финансового университета;
Куприянова Л.М., канд. экон. наук, доцент департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;
Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе департамента мировых финансов Финансового университета;
Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф. департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета;
Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento (Italy);

Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy” (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Research Supervisor of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES), Professor MGIMO;

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Golovnin M. Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Director of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., Ph D. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Mirkin Ya.M., Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-Chief, Ph.D. of Economics, Leading Researcher of the Russian Academy of Sciences (RAS);

Yudanov A. Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Business Analytics, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ /
THE WORLD OF NEW
ECONOMY.
Свидетельство
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: Финансовый
университет

Т. 16, № 3/2022

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Аютина

Переводчик
В.И. Тимонина

Референс-менеджер
В.М. Алексеев

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Оформление подписки
в редакции
8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: +7(499) 553-10-74
(вн. 10-88).
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать:
03.10.2022
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 833
Усл. печ. л. 14,42
Отпечатано
в отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

**Идентификация университетов мирового класса:
деструктивный плюрализм 6**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Мясникович М.В.

Евразийский экономический союз: сегодня и завтра 20

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Антипов В.И., Одинцова Е.В.

**Моделирование выплаты базового дохода
для преодоления абсолютной монетарной бедности,
поддержки безработных граждан и семей с детьми 37**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Воронов Ю.П.

**СССР как экспериментальная экономическая
лаборатория мира 53**

Подвойский Г.Л.

**Вопросы воспроизводства человеческого потенциала
в условиях новых вызовов 63**

Батарин И.В., Алиев И.М.

**Оценка значимости уровня и качества жизни
населения в России 75**

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Чувахина Л.Г., Куприянова Л.М.

**Долговая политика в современных условиях развития
мировой экономики 85**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Чанцзюнь Г., Колесов В.П.

**Потенциал взаимной торговли Китая и России в области
высокотехнологичной продукции обрабатывающей
промышленности 96**

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Пащенко Д.С., Комаров Н.М.

**Управление затратами на постоянные изменения
в деятельности высокотехнологических предприятий 104**

Чернов В.А.

**Экосистемные изменения структуры
социально-экономических отношений 113**

THE ECONOMY OF THE XXI CENTURY*Balatsky E.V., Ekimova N.A.***Identification of World Class Universities:****Destructive Pluralism ..... 6****ECONOMIC POLICY***Myasnikov M.V.***The Eurasian Economic Union: Today and Tomorrow..... 20****EXPERT REPORT***Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Antipov V.I., Odintsova E.V.***Modeling the Payment of Basic Income to Overcome****Absolute Monetary Poverty, Support Unemployed Citizens****and Families with Children ..... 37****ECONOMIC THEORY***Voronov Yu.P.***The Soviet Union as the Pilot Economic Laboratory****of the World ..... 53***Podvoisky G.L.***Human Potential Reproduction in the Context****of New Challenges ..... 63***Batarin I.V., Aliev I.M.***Assessment of the Significance of the Level and Quality****of Life of the Population in Russia ..... 75****FINANCIAL ANALYTICS***Chuvakhina L.G., Kupriyanova L.M.***Debt Policy in Modern Conditions of the World Economy****Development ..... 85****WORLD ECONOMY***Changjun G., Kolesov V.P.***The Potential of Mutual Trade Between China and Russia****in the Field of High-Tech Manufacturing Products..... 96****REAL SECTOR***Pashchenko D.S., Komarov N.M.***Managing the Costs of Constant Changes in the Activities****of High-Tech Enterprises ..... 104***Chernov V.A.***Ecosystem Changes in the Structure****of Socio-Economic Relations..... 113**© WORLD OF NEW
ECONOMY

Journal Certificate

PI No. ФС77-82263.

of 23, November, 2021.

Issued since 2007.

Founders: Financial

University

Vol. 16, No. 3/2022

Founder and editor

of the magazine from 2007

to 2015 Doctor of Economics,

Professor N.N. Dumayeva

*Editor-in-chief***S.N. Silvestrov***Science journal editorship**manager***V.A. Shadrin***Publishing editor***Yu.M. Anyutina***Translator***V. I. Timonina***Reference Manager***V.M. Alekseev***Proofreader***S.F. Mihaylova***Makeup***S.M. Vetrov**

Editorial office address:

123995, GSP-5, Moscow,

Leningradskiy prospekt,

53, room 5.6

Tel.: +7(499) 553-10-74

(internal 10-88).

E-mail: julia.an@maul.ru;

wne.fa.ru

Signed off to printing:

03.10.2022

Format 60 × 84 1/8

Order № 833

Relative printer's sheet 14,42

Printed in the Department

of Polygraphy of the

Financial University

(Leningradskiy prospekt, 49)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19

УДК 378(045)

JEL I23

Идентификация университетов мирового класса: деструктивный плюрализм*

Е. В. Балацкий^{а, б}, Н. А. Екимова^б^а Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия;^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме идентификации университетов мирового класса (УМК) на основе информации, предоставляемой различными рейтинговыми системами. Актуальность работы обусловлена тем обстоятельством, что в 2022 г. Россия была «отлучена» от мирового сообщества, в том числе — прервано сотрудничество с ведущими международными ранкерами университетов, в связи с чем страна рискует потерять возможность проверки своих успехов и неудач по общепризнанным критериям. Цель статьи состоит в исследовании гипотезы о том, что база «дружественного» рейтинга ARWU может служить эффективной заменой базы «недружественного» рейтинга QS, для чего применен ранее разработанный алгоритм идентификации УМК с использованием статистических данных пяти глобальных рейтингов университетов (ГРУ) — Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE), Academic Ranking of World Universities (ARWU), Center for World University Rankings (CWUR) и National Taiwan University Ranking (NTU) — и двух предметных рейтингов университетов (ПРУ) — QS и ARWU. Проведенные расчеты опровергли генеральную гипотезу и выявили принципиальную нестыковку результатов, полученных на основе разных рейтингов. Кроме того, на примере ARWU было вскрыто глубинное противоречие в логике составления ГРУ и ПРУ. Таким образом, встает более общий вопрос об адекватности самого понятия УМК. Для ответа на него был проведен «гуманитарный тест» на валидность современных УМК, показавший наличие у выпускников передовых университетов элементарной безграмотности и бескультурия. Собранные стилизованные примеры позволили установить, что современные лидеры мирового рынка университетов не проходят «гуманитарный тест», а потому и вся система рейтингования не может считаться надежной основой для выводов о деятельности вузов. Обсуждается вопрос о замене термина УМК на менее претенциозную «продуктовую» категорию — практикоориентированные университеты.

Ключевые слова: университеты мирового класса; высшее образование; конкурентоспособность; рейтинг

Для цитирования: Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Идентификация университетов мирового класса: деструктивный плюрализм. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):6-19. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19

ORIGINAL PAPER

Identification of World Class Universities: Destructive Pluralism**

E. V. Balatsky^а, N. A. Ekimova^б^а RAS Central Economics and Mathematics Institute, Moscow, Russia;^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article deals with the problem of identifying world-class universities (WCU) on the basis of information provided by various ranking systems. The relevance of the problem is due to the fact that in 2022 Russia was “cut off” from the world community, including the interruption of cooperation with leading international ranking universities, so the country risks

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2022 год по теме: «Формирование в России университетов мирового класса с целью повышения глобальной конкурентоспособности российского высшего образования».

** The article was prepared within the framework of the state task of the Government of the Russian Federation to Financial University for 2022 on the topic: “Formation of world-class universities in Russia in order to increase the global competitiveness of Russian higher education”.

losing the opportunity to self-check its successes and failures by generally recognized criteria. In this regard, the purpose of this article is hypothesis verification that the “friendly” ranking of ARWU base can serve as an effective substitute for the “unfriendly” QS ranking base. To test the formulated hypothesis, we used the previously developed algorithm for identifying WCU using statistical data from the five Global University Rankings – Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE), Academic Ranking of World Universities (ARWU), Center for World University Rankings (CWUR) and National Taiwan University Ranking (NTU) – and two University Rankings by subject – QS and ARWU. Conducted calculations disproved the general hypothesis and revealed a fundamental inconsistency of results obtained on the basis of different rankings. In addition, by the example of the ARWU, a profound contradiction in the logic of compiling the GUR and the SRU was uncovered. That raises a broader question about adequacy of the concept of the WCU itself. To answer this question, we conducted a “humanitarian test” for the validity of modern WCU, which showed the presence of elementary illiteracy and lack of culture among graduates of advanced universities. Collected stylized examples allowed to establish that modern world market leaders’ universities do not pass the “humanitarian test”, and therefore the entire rating system cannot be considered a reliable basis for conclusions about the activities of universities. The question of replacing the term WCU with a less pretentious “product” category – practice-oriented universities – is being discussed.

Keywords: world-class universities; higher education; competitiveness; ranking

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Identification of world class universities: Destructive pluralism. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):6-19. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19

ВВЕДЕНИЕ

В 2003 г. в мире началась масштабная кампания по составлению рейтингов университетов. Вхождение университета в топ-листы указанных рейтингов свидетельствовало о его высокой интеграции в мировое научное сообщество, больших научно-образовательных успехах и служило позитивным маркером для всех заинтересованных лиц [1, 2]. Сначала составлялись глобальные рейтинги университетов (ГРУ), дающие общую оценку авторитета вуза, а чуть позже начали разрабатываться и предметные рейтинги университетов (ПРУ), фиксирующие их достижения в конкретных научных областях. В настоящее время в мире имеется около двух десятков рейтинговых продуктов и их компаний-разработчиков — ранкеров [3, 4]. Наличие множества рейтингов обнажило их несоответствие друг другу [5] и поставило вопрос об их адекватности и надежности [6, 7].

Сравнивая между собой различные ГРУ, авторы отмечают, что, понимая методологию составления рейтинга, университеты могут улучшить свою практику и стать конкурентоспособнее [8], однако следует иметь в виду, что с методической точки зрения практически не существует двух одинаковых рейтингов [9]. Сравнительный анализ пяти ГРУ (ARWU, QS-THE, Webometrics, Leiden, НЕЕАСТ¹), основанный

¹ ARWU (Academic Ranking of World Universities) — академический рейтинг университетов мира, разрабатываемый Шанхайским университетом (Shanghai Jiao Tong University); QS-THE (QS World University Rankings — Times Higher Education) — до 2009 г. совместный рейтинг британского издания Times Higher Education (THE) совместно с компанией Quacquarelli Symonds

на оценке их ранговой сопоставимости [10], показал большое сходство рейтингов ARWU и НЕЕАСТ, тогда как остальные сильно различались между собой [11]. Наличие корреляции между этими двумя ГРУ было также обнаружено в исследованиях [12, 13], тогда как в работе [14] наиболее тесная корреляция — между тайваньским NTU и турецким *University Ranking by Academic Performance* (URAP). Факторный анализ показателей рейтинговых продуктов ARWU, THE и QS проиллюстрировал, что названные системы не являются взаимоподдерживающими и аддитивными [15]. В свою очередь, анализ наложения пяти ГРУ (ARWU, QS, THE, Leiden, U-Multirank²) продемонстрировал, что только 35 университетов входят в топ-100 всех пяти рейтингов и существуют значительные расхождения в отношении географической представленности университетов [16]. Аналогичные результаты были в работе [17], где автор также показал пересечение только 35 универ-

(QS), который впоследствии распался на два самостоятельных рейтинга; Webometrics (Ranking Web of Universities) — рейтинг университетов, публикуемый испанской лабораторией при Национальном исследовательском совете (Spanish National Research Council, CSIC); Leiden — рейтинг, разработанный Центром науки и технологических исследований Лейденского университета (Centre for Science and Technology Studies, CWTS); НЕЕАСТ — рейтинг Тайваньского совета по оценке и аккредитации высшего образования (Higher Education Evaluation and Accreditation Council of Taiwan, НЕЕАСТ), который в 2012 г. прекратил свое участие в проекте, в результате чего начал выпускаться Национальным университетом Тайваня (National Taiwan University) и стал известен как рейтинг NTU.

² U-Multirank — многомерный рейтинг университетов, инициированный и финансируемый Еврокомиссией.

ситетов в топ-100 трех рейтингов — ARWU, QS и THE. Несмотря на существующие различия, аналитики отмечают, что на международном уровне постепенно формируется общий подход к измерению качества высшего образования, основанный в первую очередь на оценке результативности исследований и академической репутации [18].

Не вдаваясь в подробности рейтингового движения, укажем, что процесс вхождения в мировые рейтинги и сопряженный с ним механизм построения университетов мирового класса (УМК) достаточно дорогой и длительный [19, 20]. Россия примкнула к нему, потратив изрядное количество времени, денег и усилий на вхождение в топ-100 выбранных для этой цели трех ГРУ — *Quacquarelli Symonds (QS)*, *Times Higher Education (THE)* и *Academic Ranking of World Universities (ARWU)*. Данная инициатива не увенчалась успехом: ни один из российских университетов-претендентов даже не приблизился к заветной границе топ-100 и лишь несколько вузов в последние годы смогли войти в топ-50 ПРУ QS. Несмотря на это, неудача не обескуражила российское руководство, и отечественные университеты продолжали ориентироваться на ГРУ и ПРУ в качестве полезного источника оценки их успехов по международным критериям. Однако 2022 г. сделал невозможным следование сложившемуся многолетнему тренду. Из-за специальной военной операции России на Украине страна подверглась беспрецедентным по масштабу и силе международным санкциям. Одной из них стало «отлучение» российской науки от международного сообщества. Это выразилось в отказе от включения российских журналов в международные научные базы данных (МНБД) *Scopus* и *Web of Science*, приостановке индексации журналов, уже вошедших в эти базы, а также в закрытии доступа российским пользователям к названным базам. Одновременно с этим прекратилось информационное сотрудничество российских университетов с международными ранкерами. Если в 2022 г. все перечисленные негативные эффекты еще не проявились в полной мере, то можно с уверенностью утверждать, что уже с 2023 г. научная изоляция России станет полномасштабной.

Присоединение России к ГРУ и ПРУ детерминировалось потребностью создания в стране УМК, которые в будущем могли бы выступать в качестве драйверов технологического развития. Научный остракизм, которому страна подверглась в 2022 г., не снимает проблемы создания эффективных научно-образовательных центров. В связи с этим цель ста-

ть состоит в выяснении вопроса о том, возможно ли в новых условиях найти альтернативные возможности для самоидентификации и самопроверки российских вузов, чтобы окончательно не потерять контакт с мировым научным сообществом. Здесь же возникает и более общий вопрос о том, каким требованиям должны соответствовать УМК в современных условиях.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ МИРОВОГО КЛАССА: ПОИСК ИНФОРМАЦИОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Большинство авторитетных ГРУ и ПРУ разрабатывается и составляется в странах, присоединившихся к санкциям. Однако среди них есть и такие продукты, которые принадлежат дружественным или, по крайней мере, нейтральным в отношении России государствам. В частности, это касается самого старого рейтинга — ARWU, составляемого в Китае *Shanghai Jiao Tong University*. Есть надежда, что данный ранкер не предполагает исключать российские университеты из своей базы. В связи с этим в условиях информационной изоляции Россия могла бы ориентироваться на ГРУ и ПРУ ARWU. Именно эта гипотеза и будет проверена ниже. Учитывая, что опыт идентификации УМК ранее был основан на ПРУ QS, теперь эту базу можно заменить на китайский продукт. Генеральную гипотезу можно сформулировать следующим образом: база данных ARWU послужит эффективным заменителем базы QS.

Ранее авторами было предложено операциональное определение УМК, учитывающее масштаб достижений организации и силу ее бренда: *университетом мирового класса может считаться университет, получивший широкое международное признание и имеющий первоклассные научные результаты по широкому кругу научных направлений* [21]. Такая трактовка, с одной стороны, содержит критерии Джамиля Салми, выделившего три основные характеристики УМК: высокая концентрация талантов, изобилие ресурсов, эффективное управление [20], а с другой — позволяет перейти к процедуре их идентификации. В этом случае «широкое международное признание» аппроксимируется фактом вхождения вуза в топ-100 хотя бы одного из пяти авторитетных ГРУ, «первоклассные научные результаты» — его попаданием в топ-50 предметных рейтингов университетов (ПРУ) определенной рейтинговой системы (QS), «широкий круг научных направлений» — эвристически определяемым чи-

слово ПРУ, в которых вуз оказался в списке топ-50 (5–6). Здесь и далее будем полагать, что первая часть сформулированного определения («университет, получивший широкое международное признание») представляет собой критерий глобальности успехов вуза, который назовем «G-критерием», а вторая — («имеющий первоклассные научные результаты по широкому кругу научных направлений») выступает в качестве локального критерия, определяющего число предметных областей успешной работы университетских исследователей и обозначаемого как «L-критерий». Параметр «L», помимо фактического числа научных направлений, по которым университет является международным лидером, предполагает еще и минимальную границу — L^* , превышение которой позволяет говорить о достаточной научной диверсификации вуза. В дальнейшем будем отталкиваться от такого понимания УМК, на котором был основан базовый алгоритм их идентификации и который уже был неоднократно апробирован ранее (например, [21, 22]). Несмотря на то что базовый алгоритм идентификации впоследствии был несколько модернизирован, дальнейшие расчеты будут базироваться на нем как вполне достаточном для уяснения качественной ситуации.

Суть предлагаемой альтернативы состоит в том, что, как и ранее, G-критерий проверяется на основании того, входит ли вуз в топ-100 одного из пяти авторитетных ГРУ: *Quacquarelli Symonds (QS)*, *Times Higher Education (THE)*, *Academic Ranking of World Universities (ARWU)*, *Center for World University Rankings (CWUR)* и *National Taiwan University Ranking (NTU)*. Если он представлен в сотне лучших хотя бы по одному из указанных ГРУ, то он является претендентом на роль УМК, и осуществляется проверка L-критерия: входит ли вуз в топ-50 не менее чем по 5 или 6 направлениям в ПРУ ARWU [$L^* = 5$ ($L^* = 6$) выступает в качестве минимальной «границы отсечения» вузов]. Подчеркнем, что главный элемент изменения расчетной методики состоит в переходе от информационной базы ПРУ QS к базе ПРУ ARWU.

Предлагаемая рокировка источников информации порождает ряд смежных вопросов, имеющих не только прикладное, но и теоретическое значение:

- насколько инварианты результаты, полученные на основе ПРУ QS и ПРУ ARWU?
- насколько полно и адекватно представлены в системе ARWU российские университеты?
- можно ли на основе данных ARWU делать практические выводы о недостатках российских вузов и направлениях их усиления?

Ниже последовательно ответим на поставленные вопросы.

Так как в 2021 г. только один российский вуз — Московский государственный университет (МГУ) им. М.В. Ломоносова — попадал в ГРУ QS и ARWU, то для следующих лет достаточно использовать только один ГРУ — ARWU. Но так как в 2021 г. Россия еще входила в разные рейтинги, то для этого года мы воспользуемся расширенной базой ГРУ для идентификации УМК.

ПЕРЕХОД ОТ QS К ARWU: НАРУШЕНИЕ ИНВАРИАНТНОСТИ

Для проверки сформулированной гипотезы будем использовать базовый алгоритм идентификации с учетом небольшой корректировки: топ-лист потенциальных УМК подвергается стандартизации посредством отсечения «лишней» части: все вузы с номерами больше «100» отбрасываются, в результате остается список топ-100, в котором присутствуют искомые УМК.

Воспользуемся двумя версиями L-критерия для составления списка УМК — $L^* = 5$ и $L^* = 6$. Это позволит сопоставить устойчивость двух рейтинговых систем к смене границы отсечения. Обе системы сравниваются за 2021 г.

Проведенные сравнения позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, система ARWU менее чувствительна, чем QS, к предметной границе отсечения. Если граница $L^* = 6$ для QS достаточна для формирования компактного топ-листа УМК, то для ARWU этого явно мало (табл. 1). Более того, экспериментальные расчеты показывают, что даже при критерии $L^* = 7$ список потенциальных УМК в ARWU составляет 107 единиц; только переход к еще более жесткому критерию $L^* = 8$ позволяет довести топ-лист до нормативной величины в 100 позиций. Такое положение дел связано с тем обстоятельством, что методика ПРУ ARWU занижает показатель концентрации научных направлений в вузах и тем самым приводит к «размазыванию» ядра ведущих университетов. Например, согласно ARWU, максимальную предметную концентрацию имеет *Stanford University* — 39 позиций, следовательно, ни один вуз мира не достигает отметки в 40 единиц. Вместе с тем, согласно QS, 8 университетов достигают и превышают указанную планку: *University of Oxford* — 40, *Stanford University* — 41, *University of Cambridge* — 41, *University of California, Berkeley (UCB)* — 41, *University of Michigan, Ann Arbor* — 40, *University of California,*

Таблица 1 / Table 1

Число потенциальных УМК с разным критерием отсека (L*) для двух систем – QS и ARWU /
Number of potential WCU with different cut-off criteria (L*) for two systems – QS and ARWU

Показатель / Indicator	2021	
	QS	ARWU
Число УМК при L* = 5	111	124
Число УМК при L* = 6	101	118

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Число стран с УМК с разным критерием отсека (L*) для двух систем QS и ARWU / Number
of countries with WCU with different cut-off criteria (L*) for two systems – QS and ARWU

Показатель / Indicator	2021	
	QS	ARWU
Число стран с УМК при L* = 5	21	16
Число стран с УМК при L* = 6	21	16

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Los Angeles (UCLA) — 43, University of Toronto — 46, University of British Columbia — 41. Таким образом, для системы ARWU характерно чрезмерное распыление УМК по научным направлениям, что и продуцирует повышенное требование к критической границе L*.

Во-вторых, система ARWU охватывает меньшую географию стран, чем QS (табл. 2). Например, в QS помимо стран, присутствующих в ARWU, входят еще Финляндия, Новая Зеландия, Мексика, Бразилия и Россия. Таким образом, китайский ранкер настроен на более строгую фильтрацию объектов, и в поле его зрения оказываются университеты из слишком узкого круга стран. При этом нельзя не отметить тот факт, что выявленное расхождение относится к разряду принципиальных, ибо из-за указанных методологических различий ARWU потерял пять национальных университетских систем, которые сохранялись на протяжении десятилетий в других рейтингах. Данное обстоятельство является особенно поразительным, если учесть, что на фоне более широкого списка потенциальных УМК ARWU теряет почти четверть стран, обладающих таковыми. Кроме того, можно сказать и еще об одном явном противоречии китайского продукта — МГУ в ГРУ ARWU в 2021 г. находится на 93-м месте, а в ПРУ ARWU за этот же год он не вошел в топ-50 ни по одному научному направлению. Такая нестыковка

позволяет говорить о глубинных, носящих принципиальный характер недостатках системы рейтингования ARWU.

Тем самым географическая (страновая) инвариантность состава УМК при переходе от ПРУ QS к ПРУ ARWU нарушается. Данное обстоятельство говорит о сомнительности использования информационной базы ARWU в качестве адекватной альтернативы QS. В связи с этим можно сделать предварительный вывод о том, что генеральная гипотеза относительно использования базы данных ARWU в качестве эффективной замены QS не подтвердилась.

ПЕРЕХОД ОТ QS К ARWU: АБЕРРАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ УМК

Выше было установлено, что по самым общим параметрам инвариантность оценок УМК по рейтинговым системам QS к ARWU не выполняется, причем наблюдаемые расхождения являются принципиальными. В связи с этим углубим анализ и посмотрим, насколько несхожи внутрирегиональные распределения УМК по двум информационным источникам. Для этого рассмотрим число УМК по укрупненным регионам мира в 2021 г. для более строгого критерия отсека L* = 6; число агрегированных регионов равно четырем — Северная Америка (без Мексики), Европа (с Рос-

Таблица 3 / Table 3

Число УМК геополитических центров в 2021 г. согласно QS и ARWU / Number of WCU geopolitical centers in 2021 according to QS and ARWU

Регион мира / Region of the world	Рейтинг QS / Ranking QS	Рейтинг ARWU / Ranking ARWU
	Критерий L* = 6	Критерий L* = 6
США и Канада	39	45
Европа и Россия	35	27
Азия	16	22
Прочие	10	6
Всего	100	100

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сией), Азия и остальной мир. Расчеты представлены в табл. 3, из анализа которой становятся очевидными по меньшей мере два принципиальных различия между оценками на основе QS и ARWU.

Во-первых, система ARWU, по сравнению с QS, дает гораздо более монополизированную картину мирового рынка УМК. Почти половина всех УМК сконцентрирована в США и Канаде. Можно сказать, что ARWU безоговорочно признает главенство американских университетов. Индекс Херфиндаля-Хиршмана для ARWU немного больше, чем для QS — 3274 против 3102. Аналогично дисперсия региональных значений УМК для ARWU на 28,6% больше, чем для QS — 258,0 против 200,7.

Во-вторых, полученные результаты позволяют сделать вывод о принципиальном отсутствии региональной конгруэнтности систем QS к ARWU. Если первая дает примерный паритет между Северной Америкой и Европой с более чем 2-кратным отставанием Азии даже от Европы, то вторая фиксирует абсолютно неоспоримый приоритет Северной Америки с приблизительным паритетом Европы и Азии. Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что рейтинги QS и ARWU задают совершенно разную иерархию основных геополитических центров экономической активности, что подтверждает вывод о невозможности использовать рейтинговые платформы QS и ARWU в качестве взаимозаменяемых.

Сравнение основных геополитических центров УМК подтверждает ранее сделанный вывод о том, что генеральная гипотеза относительно использования базы данных ARWU в качестве эффективной замены QS должна быть отвергнута. В данном случае вполне уместным является вопрос о том, какая из двух рейтинговых систем демонстрирует более

точные результаты. Удовлетворительный ответ на этот вопрос дать невозможно, ибо на сегодняшний день не существует надежных способов верификации рейтинговых продуктов для сложных объектов. Однако в нашем случае важна сама констатация того факта, что в отношении оценок УМК на основе QS к ARWU не наблюдается ожидаемой инвариантности.

ПЕРЕХОД ОТ QS К ARWU: АБЕРРАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕГМЕНТОВ УМК

Различия в диспозиции региональных центров УМК по двум рейтинговым системам дополняются и неодинаковостью их распределения по странам внутри регионов. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

В отношении азиатского региона результаты на основе ARWU несколько обескураживают. Данная система явно занижает потенциал Японии и вдвое, по сравнению с QS, переоценивает потенциал Китая (табл. 4). Пожалуй, это самое впечатляющее расхождение двух рейтингов УМК. Получается, что УМК в Китае почти в 3 раза больше, чем во всей остальной Азии, что выглядит не совсем реалистично. Столь явная симпатия шанхайского рейтинга в отношении китайских университетов смотрится необъективно, особенно если учесть происхождение разработчика ARWU.

Ранжирование европейского научно-образовательного потенциала также весьма экзотично представлено рейтинговой системой ARWU. Так, по сравнению с QS, она на треть уменьшает число УМК Великобритании (табл. 5). Помимо общего занижения успехов европейских стран, обращают на себя внимание два обстоятельства: рокировка в двух рейтингах потенциала Дании и Швеции

Таблица 4 / Table 4

Число УМК стран Азии в 2021 г. согласно QS и ARWU / Number of WCU
Asian Countries in 2021 according to QS and ARWU

Регион мира / Region of the world	Рейтинг QS / Ranking QS	Рейтинг ARWU / Ranking ARWU
	Критерий L* = 6	Критерий L* = 6
Китай	8	16
Япония	3	2
Южная Корея	2	2
Прочие	3	2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 5 / Table 5

Число УМК стран Европы в 2021 г. согласно QS и ARWU / Number of WCU
European Countries in 2021 according to QS and ARWU

Регион мира / Region of the world	Рейтинг QS / Ranking QS	Рейтинг ARWU / Ranking ARWU
	Критерий L* = 6	Критерий L* = 6
Великобритания	12	8
Германия	5	3
Нидерланды	6	4
Франция	2	4
Швейцария	3	3
Швеция	2	1
Дания	1	2
Россия	1	0
Прочие	8	2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и принципиальная перестановка сил Германии и Франции. Так, исходя из QS, в Германии есть 5 УМК, а во Франции — 2, а согласно ARWU — 3 и 4 соответственно. И наконец, единственный УМК России в QS — МГУ — исчезает в ARWU. Более того, если в ПРУ QS МГУ вошел в топ-50 по 6 научным направлениям, то в ПРУ ARWU — ни по одному. В связи с этим возникает закономерный вопрос: каким образом МГУ вошел в топ-100 ПРУ ARWU, не обозначив себя ни по одному предмету в ПРУ ARWU?

Еще более странными представляются показатели бразильского *University of Sao Paulo* (USP) и мексиканского *National Autonomous University of*

Mexico (UNAM), которые в ПРУ QS вошли в топ-50 по 13 и 12 научным направлениям соответственно, а в ПРУ ARWU — ни по одному. Похожая ситуация, но менее выраженная, характерна и для новозеландского *University of Auckland*, который также в ПРУ QS вошел в топ-50 по 10 научным направлениям, а в ПРУ ARWU — только по 3. Таких примеров можно привести множество, а объяснить их довольно трудно.

Сказанное позволяет поставить окончательный вердикт: результаты идентификации УМК на основе ПРУ QS и ARWU демонстрируют отсутствие инвариантности, следовательно, генеральная гипотеза статьи не подтвердилась.

Таблица 6 / Table 6

Методология составления ПРУ QS / Methodology of QS World University Rankings by Subject

Направление оценки / Direction of evaluation	Комментарий / Comment
1. Ранжирование предметов	51 предметная область по направлениям: искусство и гуманитарные науки (11), инженерные науки и технологии (7), наука о жизни и медицина (9), естественные науки (9), социальные науки и менеджмент (15)
2. Университеты-претенденты	Университет должен превысить установленную для каждой предметной области минимальную требуемую оценку по индикаторам «академическая репутация» и «репутация работодателей», а также минимальный порог по количеству публикаций в данной предметной области
3. Показатели	
3.1. Академическая репутация	Опрос 100 тыс. ученых по всему миру, где каждый из них может определить до 10 отечественных и 30 международных ведущих, по их мнению, учреждений (не более чем по двум направлениям)
3.2. Репутация среди работодателей	Опрос 50 тыс. работодателей, где они определяют до 10 отечественных и 30 международных учреждений, выпускающих наиболее востребованных и квалифицированных специалистов, а также указывают, по каким дисциплинам они предпочитают нанимать выпускников
3.3. Количество цитирований на одну публикацию	Количество цитирований (без самоцитирования) на статью в разбивке по направлениям для каждого учреждения по базе данных Elsevier Scopus. При составлении рейтинга 2021 г. учитывались статьи за период 2014–2018 гг., цитирования – за 2014–2019 гг.
3.4. H-индекс	H-индекс ученого
4. Подсчет очков	При ранжировании университетов по предметным областям используется различный вес разных индикаторов
4.1. Искусство и гуманитарные науки	Академическая репутация (60–90%), репутация среди работодателей (5–30%), количество цитирований на одну публикацию (0–15%), H-индекс (0–15%)
4.2. Инженерные науки и технологии	Академическая репутация (40%), репутация среди работодателей (30%), количество цитирований на одну публикацию (15%), H-индекс (15%)
4.3. Науки о жизни и медицина	Академическая репутация (30–40%), репутация среди работодателей (10–20%), количество цитирований на одну публикацию (20–30%), H-индекс (20–30%)
4.4. Естественные науки	Академическая репутация (30–60%), репутация среди работодателей (10–20%), количество цитирований на одну публикацию (15–30%), H-индекс (15–30%)
4.5. Социальные науки и менеджмент	Академическая репутация (40–70%), репутация среди работодателей (10–50%), количество цитирований на одну публикацию (5–20%), H-индекс (0–20%)

Источник / Source: составлено авторами по данным официального сайта QS / compiled by the authors according to the official website QS.

Методология составления ПРУ ARWU / Methodology of ARWU World University Rankings by Subject

Направление оценки / Direction of evaluation	Комментарий / Comment
1. Ранжирование предметов	54 направления в области естественных (8), биологических (4), медицинских (6), инженерных (22) и социальных (14) наук
2. Университеты-кандидаты	Университеты, преодолевшие порог публикаций в WoS, установленный для каждого направления
3. Показатели	
3.1. Q1	Количество статей в журналах WoS с квартилем Q1 за последние 5 лет
3.2. Влияние исследований (Category Normalized Citation Impact, CNCI)	Отношение цитирований опубликованных статей к средним цитированиям статей в той же категории в том же году и в том же типе журнальной публикации учреждением по академическому предмету за последние 5 лет
3.3. Международное сотрудничество (IC)	Отношение количества публикаций с авторами по крайней мере из двух стран к общему количеству публикаций по соответствующей тематике для учреждения за последние 5 лет
3.4. Качество исследований (Top)	Количество статей, опубликованных в ведущих журналах по академическому предмету, за последние 5 лет. Ведущие журналы определяются выдающимися учеными в рамках академического рейтинга журналов ShanghaiRanking
3.5. Международные академические награды (Awards)	Общее число сотрудников университета, получивших значительные награды по академическим предметам с 1981 г. (32 награды по 27 предметам)
4. Подсчет очков	По каждому показателю университета рассчитывается его процентное соотношение от набравшего наибольшее количество баллов учреждения, затем квадратный корень из процента умножается на выделенный вес (определяется по каждому направлению). Итоговый балл получается путем сложения баллов по каждому показателю, а вузы ранжируются в порядке убывания

Источник / Source: составлено авторами по данным официального сайта ARWU / compiled by the authors according to the official website ARWU.

ПРИЧИНЫ НАРУШЕНИЯ ИНВАРИАНТНОСТИ ОЦЕНОК QS И ARWU

Выявленный факт отсутствия инвариантности результатов идентификации УМК на основе ПРУ QS и ARWU требует хотя бы краткого пояснения. Более того, зафиксированные разночтения в оценках являются настолько значимыми, что исключают возможность замены одного источника информации об университетах — QS — на другой — ARWU.

Для объяснений возникающих разночтений обратимся к табл. 6 и 7, в которых представлена методология составления ПРУ QS и ARWU. Сопоставление двух методологий позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в системе QS используются масштабные экспертные опросы, что в ARWU вообще не задействуется. Совсем ее удивительно, что опросные результаты расходятся с библиоме-

трическими данными и порождают плохую сопоставимость двух рейтинговых систем. В этом смысле продукт ARWU представляется даже более объективным, особенно если учесть, что опросы в QS затрагивают не только академическое сообщество, но и работодателей.

Во-вторых, две системы используют сильно различающиеся предметные перечни. Например, в ПРУ QS фигурирует раздел «Искусство и гуманитарные науки» (*Arts & Humanities*), аналога которому в ПРУ ARWU нет. Такое урезание предметной базы ARWU является совершенно необоснованным, и тем самым акцент делается только на естественных и инженерных науках. Возникающие искажения в оценках двух систем вызваны потерей в ARWU таких 11 важных гуманитарных направлений QS, как: археология (*archaeology*), архитектура (*architecture/built environment*), искусство и дизайн (*art & design*), история древнего мира (*classics & ancient history*), английский язык

и литература (*english language & literature*), современные языки (*modern languages*), исполнительские виды искусства (*performing arts*), история (*history*), лингвистика (*linguistics*), философия (*philosophy*), теология, богословие и религиоведение (*theology, divinity & religious studies*). Вместе с тем раздел «Инженерные науки и технологии» (*Engineering & Technology*) в ПРУ QS представлен 7 направлениями, тогда как в ПРУ ARWU — 22. Неудивительно, что такая исходная несопоставимость предметных списков двух систем приводит к несопоставимости конечных результатов.

В-третьих, показатели публикаций и цитирований в QS основаны на МНБД *Scopus*, а в ARWU — на *Web of Science*. Если *WoS* изначально была американской системой, ориентированной на англоязычный мир (а в настоящее время является предельно консервативной, продвижение в которой новым журналам-членам чрезвычайно затруднено), то *Scopus* создавалась как общеевропейская альтернатива *WoS*, в которой английский язык признан в качестве рабочего, но не родного (а сама база является более демократичной и открытой для новых участников). Очевидно, что перечни лучших статей в двух системах заведомо не будут совпадать. Этим обстоятельством — американоцентричностью ARWU — во многом объясняется и тот факт, что ПРУ QS за 2021 г. включает 508 университетов, тогда как ПРУ ARWU — только 458.

Таким образом, три рассмотренных методологических различия при составлении ПРУ QS и ARWU исключают инвариантность результатов рейтингования и ведут к принципиальным расхождениям в отношении места и роли отдельных стран.

ВЕРИФИКАЦИЯ УМК

Установленный факт отсутствия инвариантности между двумя ведущими рейтинговыми системами — QS и ARWU — порождает новые вопросы. Например: какой из этих двух продуктов является более достоверным? а в расширенном ракурсе — насколько вообще можно доверять рейтинговым источникам информации?

Несмотря на тотальную распространенность рейтингов и их влияние на все стороны жизни, а также на то, что уже много лет на рынке труда присутствуют специалисты новой профессии — ранкеры (разработчики рейтингов), до сих пор не создано общенаучных основ верификации рейтинговых продуктов. В связи с этим каждый

раз данная работа превращается в весьма креативную и, как правило, уникальную процедуру, не предполагающую тиражирования на другие типы рейтинговых продуктов. В нашем случае рейтинги УМК на основе QS и ARWU говорят о том, что Россия не только является аутсайдером рынка передовых университетов, но и продолжает деградировать. Но так ли это?

Один из подходов к оценке валидности рейтингов УМК основан, по мнению авторов, на представлении в их списке вузов стран «ядерного клуба». Такой подход делает акцент на *технологической* стороне УМК, однако ниже мы рассмотрим альтернативный метод, в большей степени ориентированный на учет их *гуманитарного* потенциала. Оба подхода — технологический и гуманитарный — не исключают, а дополняют друг друга, что и оправдывает их применение.

Суть предлагаемого метода состоит в использовании стилизованных примеров (СП), которые в силу своей «рафинированности» позволяют делать более общие выводы об изучаемом явлении. В данном случае СП отражают ту или иную сторону деятельности авторитетного УМК, которая раскрывает когнитивный диссонанс между ожиданиями и реальностью.

Первый СП касается Гарвардского университета (*Harvard University*) и его «выпускника» Билла Гейтса (*William Gates*). Во-первых, довольно скандальной выглядит история с Б. Гейтсом, который в 1973 г. поступил в Гарвард, спустя 2 года был отчислен из него, а с 07.06.2007 г. официально считается выпускником Гарварда, ибо администрация университета приняла решение вручить ему диплом (за особые заслуги) спустя 34 года после поступления³. Примечательным фактом является и то, что профиль обучения Гейтса в Гарварде — юриспруденция — не соответствует его последующей сфере занятий, связанной с компьютерными технологиями⁴. Кроме того, Гарвардский университет удостоил Б. Гейтса почетной степени доктора права.

Во-вторых, антинаучным выглядит начинание Б. Гейтса по налаживанию производства растительного мяса для перехода от нормального качественного мяса на растительный белковый концентрат или молотых мучных червей. Разработку этой технологии поддержали Гарвардский

³ URL: <https://lenta.ru/articles/2007/03/23/gates/>

⁴ URL: <https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/40248/>

и Стэнфордский университеты⁵. В данном случае действия Гарвардского университета, на наш взгляд, совершенно не укладываются в стандарты поведения УМК, к числу которых он относится. С одной стороны, Гарвардский университет демонстрирует двойные стандарты в выдаче своих научных и образовательных сертификатов (торгует дипломами), а с другой — участвует в сомнительных, если не сказать антисоциальных и антинаучных, проектах. Следовательно, не отрицая научных заслуг Гарвардского университета, можно констатировать, что он лишь с явной натяжкой является УМК: реальность не оправдывает ожидания в отношении лидера Лиги Плюща.

Дополнительным подтверждением сказанному выступает еще один несостоявшийся выпускник Гарварда, Марк Цукерберг (*Mark Zuckerberg*), который проучился в университете всего два года, но, как и Гейтс, спустя 13 лет все-таки получил диплом об его окончании, пополнив ряды «почетных» выпускников Гарварда. Данный факт не вызывает удивления, если вспомнить, что одним из критериев оценки университетов при составлении ГРУ является наличие выдающихся выпускников.

Второй СП касается действующего министра иностранных дел Великобритании Лиз Трасс (*Elizabeth Mary «Liz» Truss*), изучавшей философию, политику и экономику в Мертон-колледже Оксфордского университета (*The House or College of Scholars of Merton in the University of Oxford*), который она закончила с отличием⁶. Несмотря на полученное блестящее образование, политик столь высокого ранга «прославился» своими откровенно шокирующими высказываниями, демонстрирующими полное незнание примитивных основ истории и географии. Так, руководитель британского МИД предложила защищать страны Балтии от агрессии России через Чёрное море; отказалась признавать суверенитет России над Ростовской и Воронежской областями, заявила, что Украина — гордая страна с многовековой историей, пережившая немало вторжений — от монголов до татар⁷. Такая поразительная безграмотность человека, входящего в топ-40 выпускников Мертон-колледжа, заставляет задуматься об истинной

ценности образования, которое все привыкли считать «элитным».

Третий СП связан с рекордсменом по числу абсурдных высказываний — Джорджем Бушем-младшим (*George W. Bush*), 43-м президентом США. Человек, получивший степень бакалавра в Йельском университете (*Yale University*) и окончивший Бизнес-школу Гарвардского университета (*Harvard Business School*), за свою карьеру допустил столько оплошностей и ляпов, что его ошибки породили неологизм — «бушинизмы». В частности, Африку он назвал страной, страдающей от немыслимого заболевания; греков — гречанами; Австралию — Австрией; Елизавету Вторую — Елизаветой Одиннадцатой; во время визита в Японию перепутал «дефляцию» с «девальвацией», обрушив тем самым курс йены; интересовался, в каком штате США находится Уэльс; верил, что люди и рыбы могут вести мирное сосуществование; увеличивал ассигнования «втрое» — с 50 до 195 млн долл.; Восточный Берлин и Лейпциг считал частью Центральной Америки⁸. Вереницу высказываний можно было бы продолжить, однако даже приведенных примеров достаточно для того, чтобы усомниться в блестящем образовании одного из лидеров американского истеблишмента, полученном в университете, — лидере на мировом рынке образования.

Подобные примеры, демонстрирующие элементарную необразованность выпускников ведущих УМК, далеко не единичны. Достаточно вспомнить высказывания 44-го президента США Барака Обамы (*Barack Obama*), закончившего Колумбийский университет (*Columbia University*) и Школу права Гарвардского университета (*Harvard Law School*), заявившего о 58 штатах в США; действующего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона (*Boris Johnson*), получившего образование в Оксфордском Бейлиол-колледже (*Balliol College*) и продолжившего традицию Джорджа Буша-младшего (*George W. Bush*) называть Африку страной; 68-го Государственного секретаря США Джона Керри (*John Kerry*), окончившего Йельский университет (*Yale University*) и заявившего о поддержке американцами демократических институтов в Кыргызстане; 45-го президента США Дональда Трампа (*Donald Trump*), обучавшегося в Пенсильванском университете (*University of Pennsylvania*) и лич-

⁵ URL: <https://rusorel.info/obed-dlya-rabov-muchnye-chervipolezny-i-pitatelny/>

⁶ URL: <https://topwar.ru/195904-kto-uchil-dzhen-psaki-i-liz-trass-mif-zapadnogo-jelitnogo-obrazovanija.html>

⁷ URL: <https://yamal-media.ru/narrative/glupye-ljapy-zapadnyh-politikov-o-rossii>

⁸ URL: <https://ria.ru/20220212/kazusy-1772348568.html?in=t>

но встречавшегося с президентом Виргинских островов, входящих в состав США⁹.

На первый взгляд, может показаться, что все приведенные выше примеры являются лишь единичными исключениями из правила, которые не могут служить в качестве серьезного аргумента дискредитации упомянутых университетов. Однако это не так. Дело в том, что одно из свойств СП состоит в том, что они отражают не уникальные, а массовые явления [23]. Это означает, что похожих примеров с различными вариациями и аранжировками можно привести сколь угодно много. При этом международное признание, лежащее в основе идентификации УМК, базируется на публичности и открытости информации об их деятельности — репутации в глазах экспертного сообщества и высокорейтинговых публикациях в журналах открытых баз данных. В литературе уже отмечалась неадекватность такого подхода (например, [24, 25]), однако, даже если все-таки признать публичные результаты деятельности университета в качестве приемлемого критерия оценки его состоятельности, то тогда позор и публичные скандалы, связанные с «проколами» его преуспевающих выпускников, должны выступать в качестве значимого аргумента о его несостоятельности. Именно этот контраргумент и раскрывает приведенные выше стилизованные примеры.

Сказанное позволяет констатировать, что УМК, признанные таковыми в соответствии с современными критериями оценки, уже не гарантируют ни качества образования, ни тем более высокого уровня культуры своих выпускников. И этот факт позволяет усомниться в необходимости самого понятия УМК в постиндустриальном обществе.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие немаловажные выводы.

Во-первых, на сегодняшний день не существует объективных критериев и надежных источников информации для определения и идентификации УМК.

Во-вторых, публичное признание неких показателей деятельности университетов в качестве

ключевых для оценки их состоятельности «пробуждает» закон Чарльза Гудхарта¹⁰ (*Charles Goodhart*), что порождает манипулирование указанными показателями и искажает истинную картину.

В-третьих, современная методология и практика составления рейтингов университетов не позволяют привести их к единому знаменателю, что приводит не только к противоречиям между рейтинговыми продуктами разных разработчиков, но и к инструментальной коллизии между продуктами одного и того же ранкера (например, ГРУ и ПРУ). Многочисленность рейтинговых центров и разнообразие их подходов в составлении списков участников рынка лишь усугубляет отмеченные проблемы. Сложившееся положение дел можно охарактеризовать как *деструктивный плюрализм*: информации много, но вся она противоречива и ненадежна.

В свою очередь, отталкиваясь от сказанного выше, приходится констатировать, что понятие УМК в современном мире превратилось в своеобразный положительный эвфемизм. Фактически отнесение вуза к разряду УМК зачастую просто вуалирует агрессивность менеджмента соответствующей организации, ее нечестные методы конкуренции, а порой и «грязные» технологии в достижении определенных результатов. Тем самым это понятие уже не может выступать в качестве надежного маркера для экономических агентов, а, наоборот, дезориентирует или даже откровенно обманывает их.

В XXI в. некоторые понятия и представления безнадежно устаревают. Не исключено, что к числу таковых относится и УМК, особенно опирающееся на рейтинговые продукты. На наш взгляд, единственной разумной заменой УМК должны стать практико-ориентированные университеты, принимающие активное участие в передовых технологических и управленческих инициативах. Активность определяется масштабностью и значимостью вклада (разработок) в указанные инициативы. Подчеркнем, что данное понимание, строго говоря, не тождественно исследовательским, инновационным и предпринимательским университетам, хотя и не всегда противоречит им.

¹⁰ Закон Гудхарта звучит следующим образом: хороший индикатор перестает быть хорошим, если его начать использовать в качестве регулятора.

⁹ URL: <https://ria.ru/20220211/ongovorki-1772271793.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Hazelkorn E. Rankings and the reshape of higher education: The battle for world-class excellence. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2011. 259 p. DOI: 10/1057/9780230306394

2. Liu N.C., Cheng Y. The academic ranking of world universities. *Higher Education in Europe*. 2005;30(2):127–136. DOI: 10.1080/03797720500260116
3. Wang Q., Cheng Y., Liu N.C., eds. Building world-class universities. Different approaches to a shared goal. Rotterdam: SensePublishers; 2013. 230 p. DOI: 10.1007/978-94-6209-034-7
4. Turner D.A. World class universities and international rankings. *Ethics in Science and Environmental Politics*. 2013;13(2):1–10. DOI: 10.3354/esepp00132
5. Olcay G.A., Bulu M. Is measuring the knowledge creation of universities possible?: A review of university rankings. *Technological Forecasting and Social Change*. 2017;123:153–160. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.03.029
6. Harvey L. Rankings of higher education institutions: A critical review. *Quality in Higher Education*. 2008;14(3):187–207. DOI: 10.1080/13538320802507711
7. Frenken K., Heimeriks G.J., Hoekman J. What drives university research performance? An analysis using the CWTS Leiden ranking data. *Journal of Informetrics*. 2017;11(3):859–872. DOI: 10.1016/j.joi.2017.06.006
8. Pavel A.-P. Global university rankings — A comparative analysis. *Procedia Economics and Finance*. 2015;26:54–63. DOI: 10.1016/S 2212-5671(15)00838-2
9. Usher A., Savino M. A global survey of university league tables. *Higher Education in Europe*. 2007;32(1):5–15. DOI: 10.1080/03797720701618831
10. Bar-Ilan J., Levene M., Lin A. Some measures for comparing citation databases. *Journal of Informetrics*. 2007;1(1):26–34. DOI: 10.1016/j.joi.2006.08.001
11. Aguillo I.F., Bar-Ilan J., Levene M., Ortega J.L. Comparing university rankings. *Scientometrics*. 2010;85(1):243–256. DOI: 10.1007/s11192-010-0190-z
12. Huang M.X. The comparison of performance ranking of scientific papers for world universities and other ranking systems. *Evaluation Bimonthly*. 2011;(29):53–59.
13. Khosrowjerdi M., Kashani Z.S. Asian top universities in six world university ranking systems. *Webology*. 2013;10(2):1–9. URL: <http://www.webology.org/2013/v10n2/a114.pdf> (accessed on 16.05.2022).
14. Shehatta I., Mahmood K. Correlation among top 100 universities in the major six global rankings: Policy implications. *Scientometrics*. 2016;109(2):1231–1254. DOI: 10.1007/s11192-016-2065-4
15. Soh K. What the overall doesn't tell about world university rankings: Examples from ARWU, QSWUR, and THEWUR in 2013. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2015;37(3):295–307. DOI: 10.1080/1360080X.2015.1035523
16. Moed H.F. A critical comparative analysis of five world university rankings. *Scientometrics*. 2017;110(2):967–990. DOI: 10.1007/s11192-016-2212-y
17. Chen K., Liao P. A comparative study on world university rankings: A bibliometric survey. *Scientometrics*. 2012;92(1):89–103. DOI: 10.1007/s11192-012-0724-7
18. Buela-Casal G., Gutiérrez-Martínez O., Bermúdez-Sánchez M.P., Vadillo-Muñoz O. Comparative study of international academic rankings of universities. *Scientometrics*. 2007;71(3):349–365. DOI: 10.1007/s11192-007-1653-8
19. Салми Дж., Фруммин И.Д. Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России. *Вопросы образования*. 2013;(1):25–68. DOI: 10.17323/1814-9545-2013-1-25-68
Salmi J., Frumin I.D. Excellence initiatives to establish world-class universities: Evaluation of recent experiences. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2013;(1):25–68. (In Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2013-1-25-68
20. Салми Дж. Создание университетов мирового класса. Пер. с англ. М.: Весь Мир; 2009. 132 с.
Salmi J. The challenge of establishing world-class universities. Washington, DC: The World Bank; 2009. 136 p. (Russ. ed.: Salmi J. Sozdanie universitetov mirovogo klassa. Moscow: Ves' Mir; 2009. 132 p.).
21. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Геополитические меридианы университетов мирового класса. *Вестник Российской академии наук*. 2019;89(10):1012–1023. DOI: 10.31857/S 0869-587389101012-1023
Balatsky E.V., Ekimova N.A. Geopolitical meridians of world-class universities. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(5):468–477. DOI: 10.1134/S 1019331619050022 (In Russ.: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2019;89(10):1012–1023. DOI: 10.31857/S 0869-587389101012-1023).

22. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Идентификация университетов мирового класса. *Мир новой экономики*. 2017;(3):81–89.
Balatsky E.V., Ekimova N.A. Identification of world class universities. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2017;(3):81–89. (In Russ.).
23. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Пер. с англ. М.: АСТ; 2015. 720 с.
Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business; 2013. 544 p. (Russ. ed.: Acemoglu D., Robinson J.A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. Moscow: AST; 2015. 720 p.).
24. Van Raan A.F.J. Fatal attraction: Conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods. *Scientometrics*. 2005;62(1):133–143. DOI: 10.1007/s11192-005-0008-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник Лаборатории математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

Evgeny V. Balatsky — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Director of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia; Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Natalia A. Ekimova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Leading Researcher at the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

n.ekimova@bk.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.05.2022; после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 10.07.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.05.2022; revised on 15.06.2022 and accepted for publication on 10.07.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-20-36
УДК 334(045)
JEL F02

Евразийский экономический союз: сегодня и завтра

М.В. Мясникович

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь

АННОТАЦИЯ

Укрепление суверенитета государств Евразийского экономического союза должно осуществляться в рамках ЕАЭС за счет взаимодополняющей специализации экономик, кооперации в наукоемких отраслях и сферах экономики по полному циклу. Но евразийской интеграции нужен новый «заряд». Прошедший с момента создания ЕАЭС период продиктовал необходимость провести качественную ревизию проделанной работы, честно констатировать, что целый ряд позиций Договора не выполнен, а также сформулировать и предложить конкретные механизмы дальнейшей реализации его положений, начертить новые интеграционные горизонты, принять соответствующие решения и начать действовать. Статья дает представление о том, куда движется евразийская интеграция. Дан обзор Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года – документа, олицетворяющего переход от этапа становления (2015–2019 гг.) к этапу проектной интеграции (2020–2025 гг.), суть которого состоит в том, чтобы обеспечить условия для конкретных совместных экономических проектов как на межгосударственном уровне, так и на уровне отдельных субъектов хозяйствования. Отмечено, что уже удалось сделать в этом направлении и что запланировано. Отражено влияние интеграции на экономики стран-участниц: существующее и прогнозное. Затронуты вопросы дедолларизации взаимной торговли стран Союза, цифровизации, международного сотрудничества ЕАЭС, а также глобальных экономических рисков и способов их нивелирования за счет интеграционного сотрудничества. В завершение предложены новые принципы работы интеграционного проекта.

Ключевые слова: ЕАЭС; Стратегия-2025; евразийская интеграция; дедолларизация; государства – члены ЕАЭС; Большое евразийское партнерство; глобализация; экономическое развитие; цифровизация

Для цитирования: Мясникович М.В. Евразийский экономический союз: сегодня и завтра. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):20-36. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-20-36

The Eurasian Economic Union: Today and Tomorrow

M.V. Myasnikovich

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ABSTRACT

The Eurasian Economic Union States should strengthen their sovereignty within the EAEU through the complementary specialization of economies, cooperative ties in knowledge-intensive industries and economic sectors around the entire economic cycle. However, the Eurasian integration needs a new impetus. The period having passed since the EAEU creation imposed a necessity to qualitatively revise what has been done, to frankly state that a whole range of the Treaty's provisions was not fulfilled as well as to formulate and propose specific mechanisms for further implementation of its provisions, to outline new integration horizons, to adopt appropriate decisions and to start acting. The article provides an idea of where the Eurasian integration is currently moving. It offers an overview of the Strategic Directions for Developing the Eurasian Economic Integration until 2025, the document that embodies the transition from the shaping stage (2015–2019) to the project integration stage (2020–2025). The new stage's essence is about ensuring conditions for the specific joint economic projects at both interstate and individual economic entity level. The article mentions what has already been accomplished in this direction and what lies ahead. It reflects the integration's impact on the participating countries' economies: both existing and forecast one. Furthermore, it touches upon the issue of dedollarizing the Union countries' mutual

trade, digitalization, the EAEU international cooperation as well as global economic risks and ways to overcome those through integration cooperation. In conclusion, the article proposes new principles of the integration association's work.

Keywords: EAEU; Strategy-2025; Eurasian integration; dedollarization; EAEU Member States; Greater Eurasian Partnership; globalization; economic development; digitalization

For citation: Myasnikovich M.V. The Eurasian Economic Union: Today and tomorrow. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):20-36. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-20-36

НАУЧНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

27 мая 2022 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета в г. Бишкеке главы государств Евразийского экономического совета (ЕАЭС), в который входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация, приняли решение об учреждении 29 мая Днем Евразийского экономического союза. Эта дата выбрана не случайно. 29 мая 2014 г. был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе Беларуси, Казахстана и России, к которому позже присоединились Армения и Кыргызстан. Принятое решение — это не только дань знаменательной дате создания экономического союза, но и закрепление его статуса, и оценка его состоятельности.

С одной стороны, пройден достаточно серьезный путь в интеграционном строительстве. Множество мероприятий проходит с чтением докладов о реализации принятых документов и планов, полученных результатах. Официальные представители Евразийской экономической комиссии и государств — членов ЕАЭС регулярно озвучивают соответствующие достижения. Не обходится и без критики, основанной на ожидании большей эффективности или же — за имеющиеся упущения¹.

Современный динамично меняющийся мир требует гораздо большей гибкости и мобильности, инновационных подходов и идей [1]. Ожидается, что Евразийский экономический союз должен не только выработать соответствующую повестку, но и как-то трансформировать стиль своей работы, развернуть спектр направлений деятельности, удивить масштабными инициативами и проектами.

Но активной дискуссии по этим вопросам пока не наблюдается [2]. И не следует это списывать на Евразийскую экономическую комиссию, которая в настоящем своем статусе лишь исполняет реше-

ния государств-членов. Соответствующий запрос и предложения должны быть выработаны самими странами-участницами, в первую очередь их научным сообществом, которое всегда и везде является инициатором всех изменений, локомотивом вырабатываемых предложений.

Большинство мировых интеграционных объединений имеют статус зоны свободной торговли или находятся на стадии формирования Таможенного союза.

Наиболее высокого уровня интеграции достигли только МЕРКОСУР, ЕС и постсоветские страны [Зона свободной торговли, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз (ЗСТ, ТС, ЕЭП, ЕАЭС)].

Формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является логическим продолжением интеграционного процесса в рамках ТС и ЕЭП. Принципы функционирования ТС, ЕЭП и ЕАЭС определяют практически всю систему мер и механизмов по реализации целей и задач на этапах их создания.

Евразийский экономический союз базируется на согласованных действиях в ключевых областях экономики — макроэкономике, обеспечении правил конкуренции, сфере технических регламентов и др. Это позволяет создать общее экономическое пространство, общий рынок товаров, сбалансированную бюджетную и валютную политику, единые подходы в сфере внешней политики².

Минимально необходимый для эффективного функционирования Союза набор делегируемых на наднациональный уровень функций в рамках Единого экономического пространства уже фактически передан. Наднациональный орган — Евразийская экономическая комиссия, сменившая в 2012 г. Комиссию Таможенного союза, — уже сейчас имеет

¹ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/>

² Экономические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. 2021 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/I-IV_quarter_2021.pdf

полномочия принимать решения по 180 функциям государственного регулирования.

Особое значение имеет делегирование наднациональным органам Союза функций торговой политики, включая введение единого таможенного тарифа и принятие защитных мер; техническое регулирование и фитосанитарный контроль; проведение антимонопольной политики; ведение таможенно-торговой статистики; унификацию таможенного и налогового законодательства, торгового режима и ведения торговых переговоров с внешними партнерами. Это способствует созданию целостной и эффективной системы регулирования внешнеторговой деятельности на территории Союза [3].

В то же время такие вопросы, как охрана границ с соседями, национальная оборона, внешние энергетические связи, юстиция и внутренние дела, социальная политика, регулирование трудовых отношений, денежно-кредитная и валютная политика, находятся в исключительной компетенции национальных властей. Кроме того, выдвигание нормотворческих инициатив и исполнение принимаемых Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) норм также остается в ведении национальных правительств.

В итоге, в соответствии с имеющейся договорно-правовой базой, ЕЭК вырабатывает нормы регулирования путем межгосударственных соглашений. Это определяет характер ее работы как наднационального органа по форме принимаемых решений и межгосударственного — по процедурам их разработки и исполнения.

Страны постсоветского пространства особенно чувствительны к передаче недавно обретенного суверенитета на наднациональный уровень. Поэтому сегодня самая важная задача заключается в том, чтобы гармонично комбинировать элементы межправительственного и наднационального характера.

В сочетании сфер регулирования, переданных на наднациональный уровень и остающихся в национальных юрисдикциях, кроется множество сложных вопросов, которые еще предстоит решить. Пока же недостаточная развитость межгосударственных институтов ведет к тому, что процесс согласования национальных интересов возвращается на двусторонний уровень, а это — угроза интеграции. Если удастся достичь баланса между наднациональными исполнительными органами и межгосударственными институтами, компромиссы между странами-участницами возможны по большинству

законодательных инициатив. Это позволит снять проблему двустороннего обсуждения важнейших вопросов.

Договор о ЕАЭС, подписанный в 2014 г., носит всеобъемлющий характер: государствам-членам удалось одновременно договориться о полноценной интеграции по широкому кругу вопросов. Он дал мощный импульс к развитию интеграции, и предложенная парадигма сотрудничества зарекомендовала свою состоятельность. Однако «кинетическая энергия» Договора иссякла. Страны стали использовать инструменты и последующие договоренности для укрепления собственного экономического суверенитета. Возникли национальные интересы, появились попытки «национального лоббизма» на площадке ЕЭК, заявления о «преждевременности тех либо иных шагов». Между тем, опасения беспочвенны. Угрозы и вызовы кроются не в укреплении интеграционной составляющей, а в недостаточной конкурентоспособности отдельных экономик.

Обеспокоенность вызывает недостаточное понимание необходимости ускоренной модернизации материальной сферы экономик на принципах взаимодополняемой специализации реальных секторов экономик государств — членов ЕАЭС. Бытует мнение о более успешной интеграции в финансовом секторе ЕАЭС по сравнению с промышленностью.

Финансовая стабилизация, безусловно, важна, но она нереальна в случае проблем, касающихся макроэкономики и финансов предприятий, а таковые имеют место.

Интеграции в ЕАЭС нужен новый «заряд». Полноценная экономическая самодостаточность государств-членов возможна только в рамках Союза — это факт. Укрепление суверенитета государств-членов должно осуществляться в рамках Союза за счет взаимодополняющей специализации экономик, кооперации в наукоемких отраслях и сферах экономики по полному экономическому циклу.

По истечении времени, прошедшего с момента создания Евразийского экономического союза, стало понятно, что необходимо провести качественную ревизию проделанной работы, честно констатировать, что целый ряд позиций Договора не выполнен, а также сформулировать и предложить конкретные механизмы дальнейшей реализации его положений, начертить новые интеграционные горизонты, принять соответствующие решения и начать действовать. Комиссии совместно с правительствами государств-членов было поручено

Рис. 1 / Fig. 1. Основные социально-экономические показатели деятельности ЕАЭС / The main socio-economic indicators of the EAEU activity

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

разработать Стратегические направления развития интеграции до 2025 года (далее — Стратегия-2025, Стратегия) [4].

В 2019 г., несмотря на установленные сроки, Стратегия-2025 разработана не была. Причин много. В качестве главных называются: неготовность правительств государств — членов ЕАЭС углублять интеграцию больше, чем определено Договором о ЕАЭС, а также неясность целей Союза на перспективу. Безусловно, эти вопросы не являются надуманными, хотя, кроме положений Договора о ЕАЭС, в 2018 г. главы государств-членов приняли Декларацию «О дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС», которая по сути и содержанию являлась техническим заданием на разработку Стратегии-2025.

Глобальный экономический кризис, вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции, существенным образом повлиял на экономику всех регионов мира. В 2020 г. распространение вируса вызвало нарушение глобальных цепочек поставок, нестабильность на финансовых рынках, оказало негативное влияние на ключевые сектора экономики. Реализуемые меры социальной изоляции привели к снижению занятости, падению потребительского спроса в результате снижения реальных располагаемых доходов населения. Паника на финансовых рынках и снижение цен на сырьевые товары привели к значительным экономическим потерям. В результате повсеместного введения активных карантинных мер наблюдается резкая рецессия экономик с разными уровнями развития.

Несмотря на это, Коллегия ЕЭК предпринимала в 2020 г. серьезные усилия, чтобы разработать

и представить главам государств — членов ЕАЭС проект Стратегии-2025. Пессимисты говорили руководству Коллегии ЕЭК, что сейчас главное — минимизация влияния пандемии, а не Стратегия. Вместе с тем сплоченность государств — членов ЕАЭС в борьбе с COVID-19 реально показала свою состоятельность, и ЕАЭС продемонстрировал более успешную работу в период пандемии, чем обособленные действия разных стран. В декабре 2020 г., со второго раза, Стратегия-2025 была утверждена Высшим Евразийским экономическим советом.

СТРАТЕГИЯ-2025

Развитие евразийской экономической интеграции до 2025 г. ориентировано на стратегическое планирование в ЕАЭС. Договор о ЕАЭС 2014 г. касается в основном торговли, а Стратегия-2025 несколько расширяет горизонты, предусмотренные им.

По итогам первого года, темпы реализации Стратегии в целом соответствуют запланированным. Благодаря совместным усилиям наблюдаются положительные тенденции по большинству показателей: ВВП, внешняя и взаимная торговля, промышленное производство и др. (рис. 1).

Результаты проявляются не только в статистическом, но и в практическом «срезе».

В части формирования общего рынка труда определен порядок и механизм экспорта пенсии из одного государства-члена в другое, а также суммирование стажа работы в государствах-членах для определения права на пенсию, что затрагивает интересы миллионов человек.

Заработала востребованная в текущих условиях цифровая унифицированная система поиска «Работа без границ». В настоящее время на сервисе содержится более 500 тыс. вакансий и более 2 млн резюме.

Поэлементно формируется общий финансовый рынок — членами Межправсовета подписано Соглашение о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй в рамках Союза.

Для содействия промышленному развитию Евразийским межправительственным советом (ЕМПС) утверждены Основные направления промышленного сотрудничества до 2025 года, создающие его правовую и организационную основу. Комиссией сформированы Карты индустриализации и развития агроиндустрии ЕАЭС. Первая включает в себя более 180 крупных инвестиционных и значимых проектов в более чем 25 отраслях промышленности, а вторая — более 70 крупных инвестпроектов в сфере АПК и дает представление о территориальном размещении этих проектов. Оба ресурса призваны быть инструментом для координации действий стран ЕАЭС по импортозамещению и позволяют избежать дублирования производств.

В принятых Общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности закреплено обеспечение продовольственной безопасности в ЕАЭС за счет собственного производства продовольствия. Разработаны балансы производства и потребления по основным продовольственным группам. Документы свидетельствуют, что производимого продовольствия достаточно для собственного потребления. Вместе с тем согласованной системы в отношении взаимной торговли, а также взаимодополняющей специализации и кооперации не существует. Поэтому нужна соответствующая программа.

Что касается цифровой повестки, то продолжают работу по развитию платформы промышленной кооперации и трансфера технологий, начата реализация новых проектов по системе технического регулирования и транспортных сервисов.

Для беспрепятственного перемещения товаров подписано Соглашение о применении в ЕАЭС навигационных пломб. С помощью них предусматривается отслеживание товаров, перемещаемых в рамках таможенного транзита, а также — во взаимной торговле (санкционные товары, алкоголь, табак). В целом реализация Соглашения позволит минимизировать контрольные мероприятия на

внутренних границах Союза, поэтому необходима скорейшая ратификация странами данного документа.

Приняты документы о равном доступе всех хозяйствующих субъектов к госзакупкам в государствах-членах. Объем договоров о закупках товаров (работ, услуг) на территории ЕАЭС в 2021 г. в стоимостном выражении составил 152,8 млрд долл. США (на 9,5% больше, чем в 2020 г.). Наиболее значительная динамика объема государственных закупок наблюдается в Республике Беларусь и Российской Федерации (33,7 и 10% соответственно).

Пересмотрены методологические основы по выявлению и устранению препятствий на внутреннем рынке Союза.

Создаются основы для реализации сотрудничества в новых сферах: в области образования, здравоохранения, «зеленых» технологий, защиты окружающей среды, климатической повестки.

В целях научного сопровождения направлений интеграции создан Научно-технический совет при Председателе Коллегии ЕЭК, начата работа над долгосрочными прогнозами развития.

Стратегия-2025 — документ эволюционный, и, по сути, сохраняет преемственность ранее принятых в ЕАЭС решений с учетом вызовов и перспектив мирового и евразийского экономического развития, а также содержит новые подходы в становлении интеграционных процессов.

Главы государств-членов в Декларации от 2018 г. обозначили 4 макронаправления для развития интеграции. Их раскрытие обеспечено в Стратегии-2025.

ЗНАЧИМОСТЬ СТРАТЕГИИ-2025

1. Принятие Стратегии олицетворяет переход от этапа становления (2015–2019 гг.) к этапу проектной интеграции (2020–2025 гг.), суть которого состоит в том, чтобы обеспечить условия (правовые, управленческие, научно-методические, финансовые) для конкретных совместных экономических проектов как на межгосударственном, так и на уровне отдельных субъектов хозяйствования (п. 2 Декларации, направления 6–8 Стратегии) [5].

Примеры сотрудничества в ЕАЭС уже имеются: одобрен первый кооперационный проект в космической сфере, сформирован проект карты индустриализации с заявками суммарной стоимостью почти 200 млрд долл. США, начата разработка карты развития агроиндустрии, создается система учета производства и обращения сельскохозяйственных

товаров для мониторинга продовольственной безопасности ЕАЭС.

2. Для перехода на новый этап интеграции необходимо было договориться, как устранять выявленные на первом этапе недостатки. Комиссия их хорошо идентифицировала — они в основном сосредоточены в сфере функционирования внутреннего рынка, обеспечения безопасности и качества обрабатываемой продукции, таможенного регулирования и др. Стратегия предлагает конкретный функционал, в отношении которого государства-члены уже достигли договоренностей (п. 1 Декларации, направления 1–4 Стратегии).

3. За прошедший с момента подписания Договора период произошел взрывной рост инноваций и технологий. Цифровой мир в 2020 г. по сравнению с 2014 г. очень изменился. Интеграция должна основываться на современных цифровых решениях во всех сферах. Комиссия «обкатала» некоторые из них в рамках цифровой повестки ЕАЭС, где по части вопросов были оживленные дискуссии, обнаружились «узкие места». Направление 5 Стратегии (коррелирует с п. 2 Декларации) предлагает сбалансированный инструментарий в цифровой сфере.

4. При работе над реализацией Декларации и Стратегии стало очевидно, что в ЕАЭС требуется институциональное совершенствование. Нужно устранить объективные недочеты (в первую очередь, отсутствие механизмов реализации решений Комиссии), делающие невозможным полноценную реализацию наднациональной компетенции; укрепить право ЕАЭС и поддержать полномочия органов Союза (Комиссии и Суда). Шаги по продвижению в этом направлении сформулированы в направлении 9 Стратегии.

5. Если в период становления (2015–2019 гг.) основной задачей было формирование «каркаса» Союза, то на новом этапе (2020–2025 гг.) необходимо не только сделать «ремонт» (наполнить конкретными проектами), но и «обустроить быт», т.е. раскрыть потенциал интеграции для людей, сделать комфортной их повседневную жизнь.

Контуры этой работы закреплены в п. 3 Декларации, направлении 10 Стратегии (образование, здравоохранение, туризм, спорт).

6. Потенциал Союза как международной организации на первом этапе не был реализован. ЕАЭС должен формулировать свою повестку, например, продвигать создание выгодной для государств-членов модели регулирования торгово-экономического сотрудничества в Евразии и извлекать из

этого экономические выгоды. Союзу необходимо стать значимым центром развития современного мира (п. 4 Декларации, направление 11 Стратегии).

7. Принятие Стратегии — это баланс интересов. На новом этапе необходимо достижение национальных интересов и союзных целей в комплексе — это запрос государств-членов и объективная реальность. Стратегия отражает именно такой подход. Это свидетельство того, что страны готовы договариваться.

Все решения в рамках реализации Стратегии будут приниматься согласованно, открыто, путем достижения консенсуса между государствами-членами.

8. Стратегия — основа нового этапа интеграции. Документ предусматривает:

- разработку порядка 13 международных договоров;
- принятие более 60 иных нормативных правовых актов ЕАЭС;
- внесение порядка 25 изменений и дополнений в Договор;
- дальнейшую гармонизацию национальных законодательств государств — членов ЕАЭС.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЛАНА СТРАТЕГИИ

Стратегией-2025 по 11 ключевым направлениям интеграции утверждены 332 меры и механизма ее реализации. Советом Комиссии утвержден детализированный план по реализации Стратегии, который содержит 523 мероприятия. В соответствии с поручениями глав государств примерно 75% мероприятий приходится на первые три года реализации Стратегии. Из 383 мероприятий с конечным сроком исполнения 289 запланированы на 2021–2023 гг.; 140 проводятся ежегодно или имеют неопределенный срок.

Из 86 мероприятий 2021 г. на исполнении остаются 4: утверждение механизма признания ограничений устраненными (п. 1.2.1), определение целесообразности создания единого информационного портала в сфере образования (п. 10.2.1), оптимизация общих процессов (п. 5.3.2), разработка концепции территориально распределенной цифровой платформы ЕАЭС (п. 5.3.4).

Стратегией предусмотрено принятие 28 международных договоров и соглашений, свыше 50 дополнений и изменений в праве Союза. Часть из них уже принята, на ратификации находятся поправки, предусмотренные II Большим протоколом, который подписали главы государств 31 марта 2022 г.

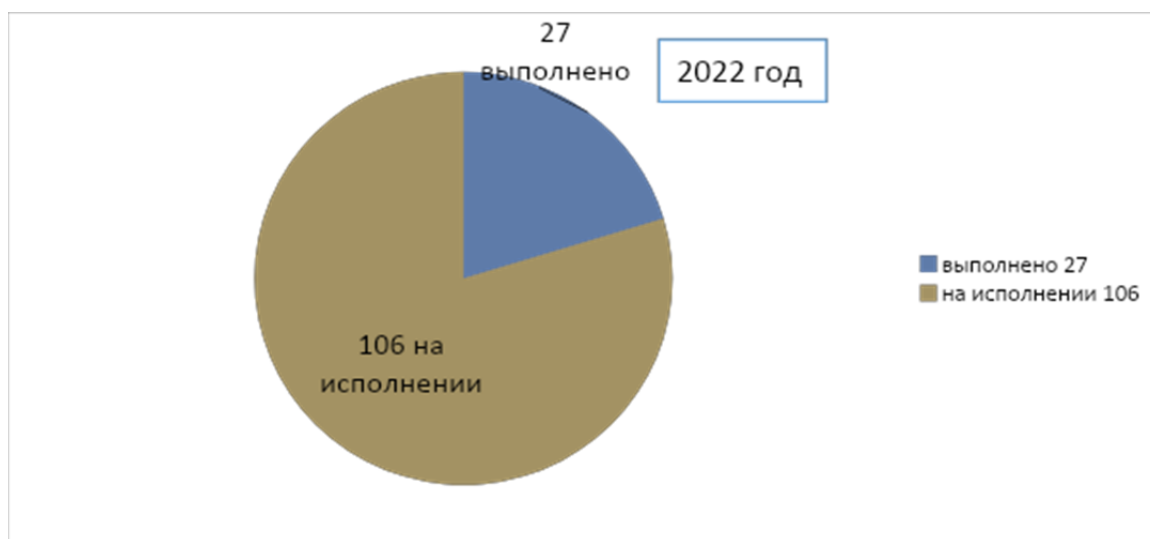

Рис. 2 / Fig. 2. Мероприятия, запланированные Стратегией-2025 / Activities planned by the Strategy-2025

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

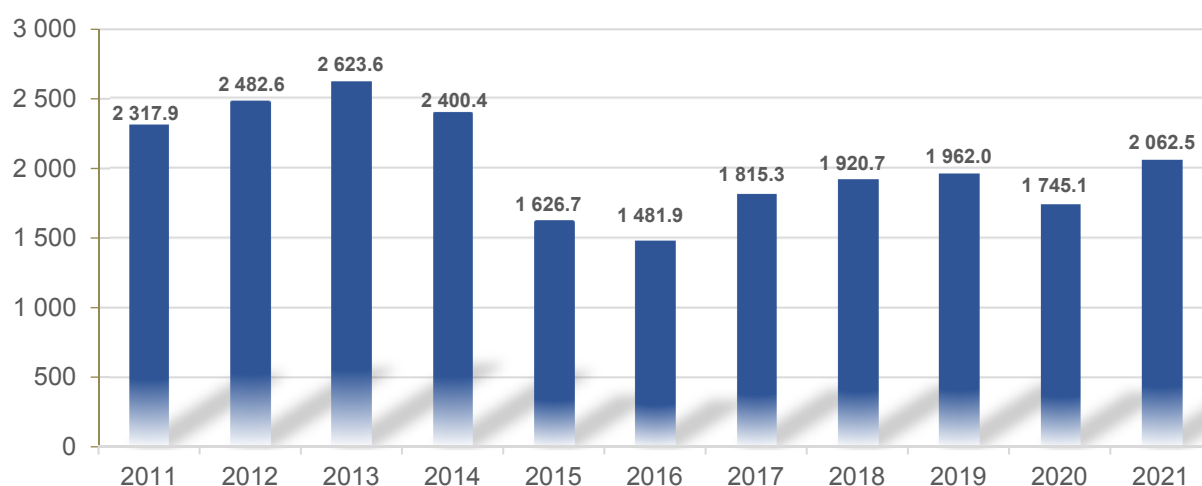

Рис. 3 / Fig. 3. Валовой внутренний продукт (в текущих ценах, млрд долл. США) / Gross domestic product (in current prices, billion US dollars)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

2022 г. — один из самых напряженных в реализации Стратегии: запланировано 133 мероприятия, 27 из них уже выполнены (рис. 2).

Дальнейшая реализация Стратегии напрямую зависит от активной позиции стран ЕАЭС. Наиболее актуальными вопросами являются: необходимость ускоренного завершения ратификации подписанных международных договоров (в том числе II «Большого» протокола); своевременное формирование и представление единой позиции при согласовании проектов документов; проработка вопросов в отношении наличия/отсутствия

у органов Союза соответствующей компетенции на реализацию предусмотренных Стратегией мероприятий; имплементация положений Стратегии в национальных актах государств-членов и др.

О МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В 2021 г. удалось не допустить неконтролируемого ухудшения экономической ситуации, обеспечив реализацию антикризисных программ финансовой поддержки; восстановить деловую активность, занятость и взаимную торговлю, а также показать

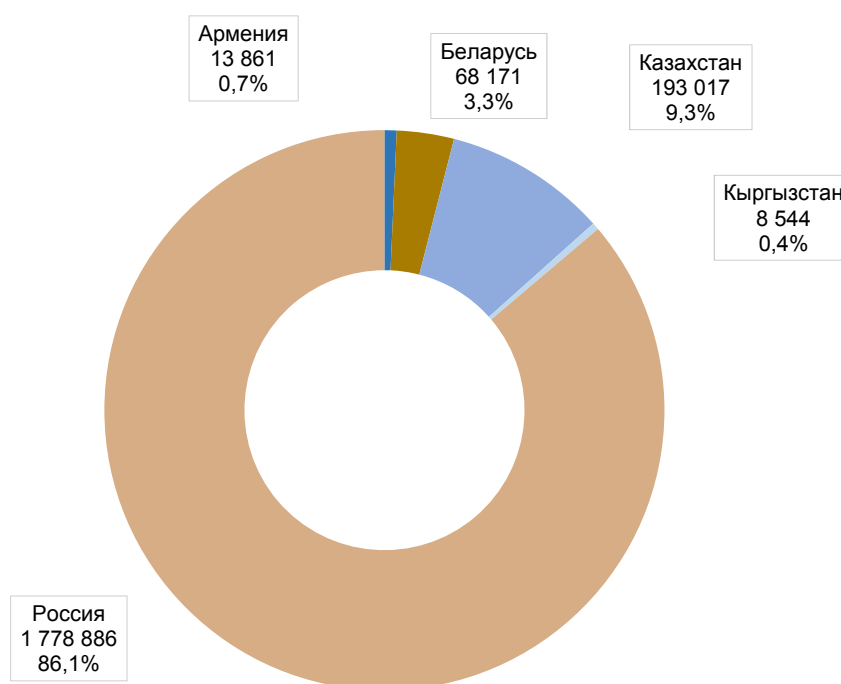

Рис. 4 / Fig. 4. Валовой внутренний продукт по странам (в текущих ценах, млн долл. США, % от общего ВВП ЕАЭС) / Gross domestic product by country (in current prices, USD million, % of the total GDP of the EAEU)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

более высокие темпы экономического роста, чем за допандемийный период.

В 2021 г. объем ВВП составил 2,1 трлн долл. США, по сравнению с предыдущим годом он вырос на 4,6% и достиг нижней границы интервала (4,5–5,5% в год), предусмотренного основными ориентирами макроэкономической политики на 2021–2022 гг., утвержденными Решением ВЕЭС 21 мая 2021 г. № 9.

Восстановление отмечалось во всех отраслях экономики за исключением сельского хозяйства. Среднедушевой ВВП в текущих ценах превысил 11 тыс. долл. США и стал максимальным за последние 7 лет. Его значение соответствует среднемировому (по последним данным за 2020 г. — 10,9 тыс.) (рис. 3).

Индекс физического объема ВВП 2021 г. к 2011 г. составил 116%.

Темп роста ВВП ЕАЭС в I квартале 2022 г. составил 103,5%. Положительная динамика роста экономик сложилась в Армении: +8,6%, Казахстане: +4,4%, Кыргызстане: +4,5% и России: +3,5% (по оценке Росстата). В Беларуси — снижение на 0,4% (рис. 4).

Объем промышленного производства ЕАЭС в 2021 г. составил 1,4 трлн долл. США и увеличился на 5,3%. При этом объем производства обрабатывающей промышленности увеличился

по сравнению с 2020 г. на 5,1% (919,3 млрд долл. США)³ (рис. 5).

Индекс промышленного производства ЕАЭС 2021 г. к 2011 г. составил 123,7%.

Индекс промышленного производства ЕАЭС в январе-апреле 2022 г. составил 103,7%, в том числе горнодобывающей промышленности — 105,7%, обрабатывающей промышленности — 103%.

Увеличение промышленного производства наблюдалось в Кыргызстане (110,3%), Казахстане (104,7%), России (103,9%) и Армении (102,6%); снижение — в Беларуси (97,5%).

В Армении зафиксирован прирост на 2,6%, который обусловлен восстановлением выпуска продукции обрабатывающей промышленности (+10,1%), увеличением производства продуктов питания, текстильных изделий, металлургии.

³ Наиболее высокий рост наблюдался в высокотехнологичных отраслях: фармацевтическом производстве (111,7%), производстве машин и оборудования (114,5%), автотранспортных средств (114,1%). В рамках реализации программ продовольственной безопасности существенно выросло к 2015 г. среднедушевое производство основных продуктов питания: мяса — в 1,5 раза, масла растительного — в 1,4 раза, масла сливочного — в 1,2 раза, сыров — на 14%, молока — на 3%.

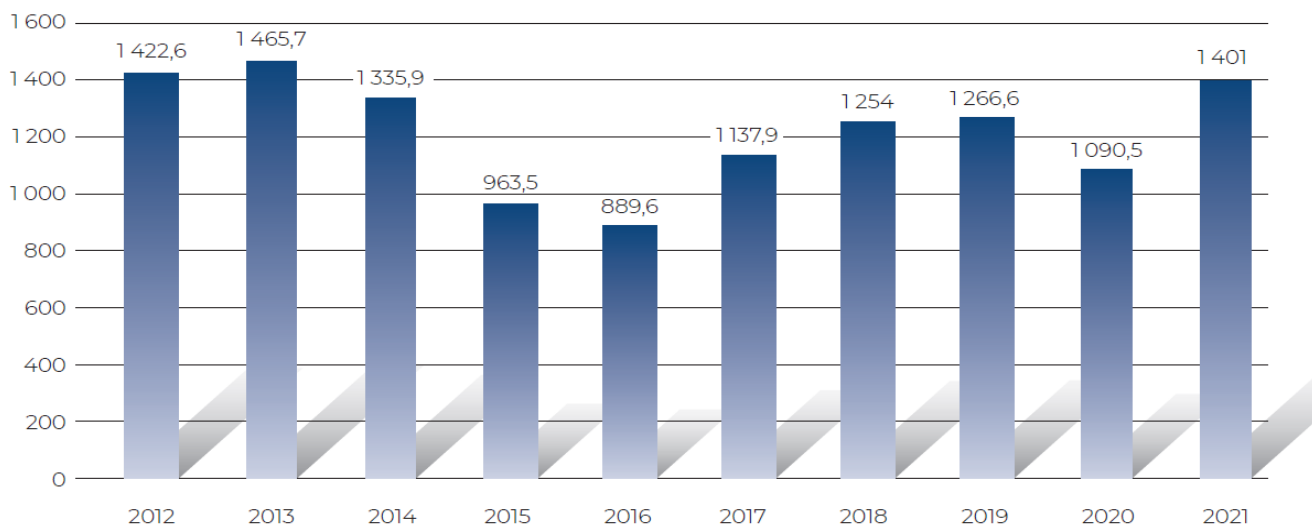

Рис. 5 / Fig. 5. Объем промышленного производства (в текущих ценах, млрд долл. США) / Industrial production volume (in current prices, USD billion)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 6 / Fig. 6. Объем производства продукции сельского хозяйства ЕАЭС (в текущих ценах, млн долл. США) / The volume of production of agricultural products of the EAEU (in current prices, million US dollars)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

В Беларуси снизилось производство металлургии, электрооборудования, автотранспортных средств, одежды.

Кыргызстан стал лидером по росту обрабатывающей промышленности (+18,9%) в основном за счет производства готовых металлических изделий.

Динамика промышленного производства в Казахстане и России замедлилась, в том числе по отраслям

горнодобывающей и обрабатывающей промышленности.

В 2021 г. производство сельскохозяйственной продукции ЕАЭС составило 135,7 млрд долл. США, снизившись по сравнению с 2020 г. на 1,4%.

Индекс производства продукции сельского хозяйства ЕАЭС 2021 г. к 2011 г. — 117,8% (рис. 6).

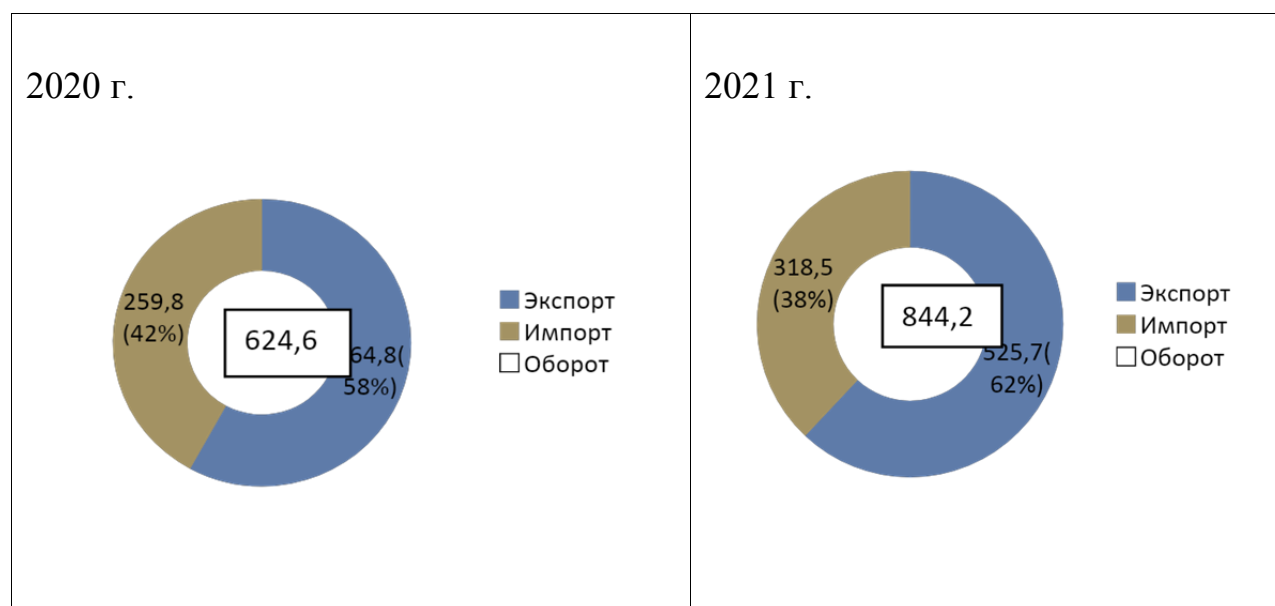

Рис. 7 / Fig. 7. Объем внешней торговли / Volume of foreign trade

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Снижение сельскохозяйственного производства в 2021 г. связано с сокращением урожайности основных сельскохозяйственных культур. Валовой сбор зерна в 2021 г. составил 146,8 млн т, что меньше уровня предыдущего года на 10,8%. Производство картофеля и овощей снизилось на 5,9 и 1,6% соответственно. Увеличился валовой сбор основных технических культур: сахарной свеклы — на 17,8%, семян подсолнечника — на 17,9%.

Динамика развития животноводства была более благоприятной. Производство скота и птицы на убой (в убойном весе) выросло на 1,2% по сравнению с 2020 г., молока — на 0,9%, яиц — сократилось на 0,5%⁴. Производство продукции сельского хозяйства в январе-апреле 2022 г. увеличилось на 1,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Рост отмечен в России — на 2,3%, Кыргызстане — на 2,2% и Казахстане — на 1,9%.

По итогам 2021 г., объем внешней торговли со странами вне ЕАЭС достиг 844 млрд долл. США, что на 35% больше, чем в 2020 г. (наибольший вклад внесли: Россия, рост экспорта товаров у которой увеличился на 47%, Беларусь — на 48% и Казахстан — на 25,8%). Внешнеторговый оборот по сравнению с 2015 г. вырос на 145,7%.

⁴ Производство скота и птицы, молока на душу населения в 2021 г. достигло максимума с 2015 г. (77 и 265 кг против 65 и 243 кг соответственно).

Основными покупателями экспортируемых из ЕАЭС товаров стали страны Европейского союза (их доля составила 42,2% экспортных поставок) и АТЭС (28,3%). В страновом разрезе лидируют Китай (15,1%) и Нидерланды (9,3%). Главные импортеры товаров на рынок Союза — Китай (27,4%) и Германия (9,8%) (рис. 7).

Объем взаимной торговли в 2021 г. достиг максимального значения в истории ЕАЭС и составил 72,6 млрд долл. США, увеличившись на 31,9% по сравнению с 2020 г. и на 17,8% — с 2019 г. (рис. 8).

В 2021 г. доля взаимной торговли в товарообороте была равна 14,6%. Наиболее значимо она увеличилась в Кыргызстане (с 42,9 до 47,4%) и Казахстане (с 23,6 до 25,7%).

Взаимная торговля кооперационными товарами в 2021 г. составила 25,7 млрд долл. США и по сравнению с 2015 г. увеличилась почти в 2 раза. Доля кооперационных товаров в объеме взаимной торговли увеличилась с 30% в 2015 г. до 35% (рис. 9).

В условиях высокой волатильности на валютном рынке и усиления протекционизма в мире возрастает роль использования национальных валют в расчетах по взаимной торговле товарами. Российский рубль сохраняет статус основной валюты в расчетах по взаимной торговле (71,3%), второй по значимости является доллар (17,9%). В то же время дополнительные возможности для дедолларизации существуют в Армении, Казахстане, Кыргызстане,

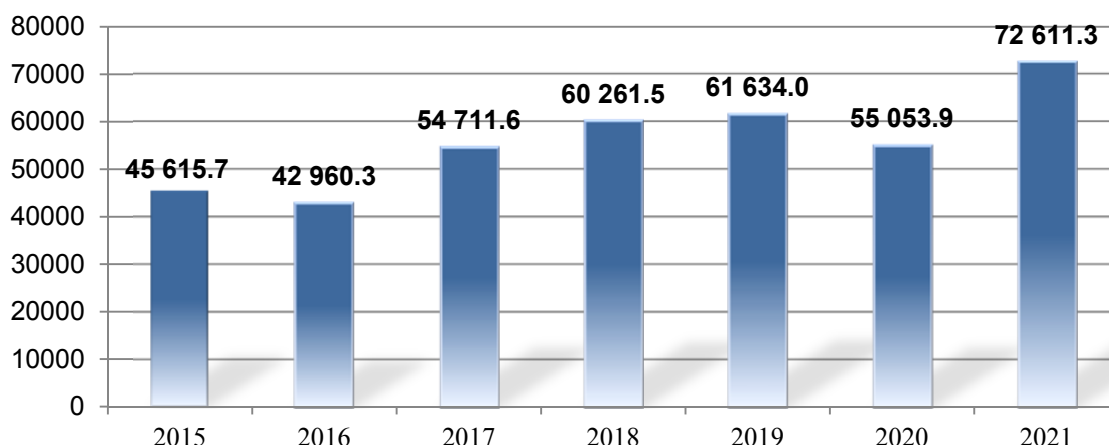

Рис. 8 / Fig. 8. Объем взаимной торговли в ЕАЭС с 2015 по 2021 г., млн долл. США /
The volume of mutual trade in the EAEU from 2015 to 2021, USD million

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

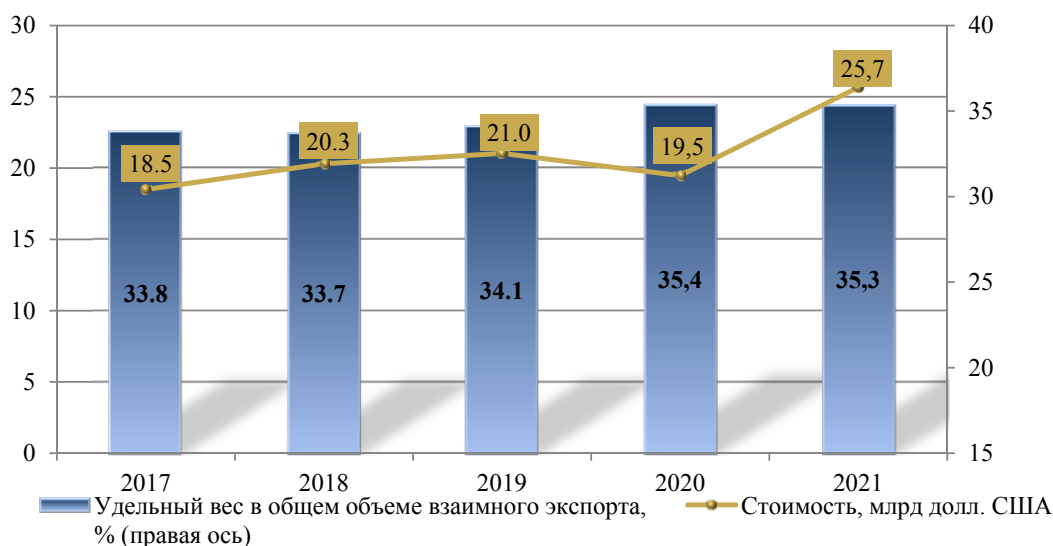

Рис. 9 / Fig. 9. Удельный вес в общем объеме взаимного экспорта в ЕАЭС /
Share in the total volume of mutual exports to the EAEU

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

которые соответственно 43, 36 и 53% взаимного экспорта в 2021 г. оплачивали этой валютой⁵.

Одним из важнейших факторов экономического роста является опережающий прирост инвестиций в основной капитал, который для достижения среднемировых значений должен составлять не менее 8–12% в год (в 2021 г. — 6,8%)⁶.

⁵ Официальный сайт Международного валютного фонда. URL: <https://www.imf.org/ru/Home>

⁶ Положительная тенденция сложилась в 2021 г. в отраслевом распределении инвестирования: доля капиталовложений в горнодобывающие отрасли уменьшилась (с 17,2 до 16,0%)

Объем взаимных инвестиций в ЕАЭС в 2021 г. быстро восстановился после падения в условиях пандемии. Он составил около 2 млрд долл. США, что в 3 раза превышает уровень 2020 г. и на 74% выше уровня 2019 г. (рис. 10).

и выросло финансирование в строительство и модернизацию обрабатывающих производств (с 14,3 до 14,8%). По итогам I квартала 2022 г. зафиксирован рост инвестиций в основной капитал по всем государствам — членам ЕАЭС, кроме Беларуси. Максимальный прирост продемонстрировали Россия (на 12,8%) и Армения (на 6,2%). В целом по Союзу индекс инвестиций в основной капитал составил 111,0%.

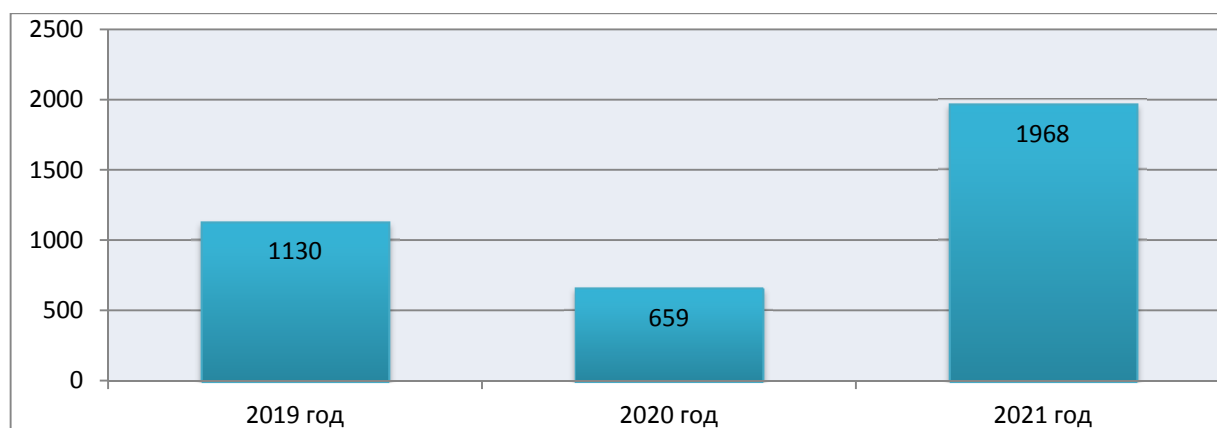

Рис. 10 / Fig. 10. Взаимные инвестиции в ЕАЭС / Mutual investments in the EAEU

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Положительное влияние на восстановление динамики экономического роста оказывало в 2021 г. увеличение потребления домохозяйств. Так, оборот розничной торговли ЕАЭС вырос в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 7,1%. Рост продаж товаров на потребительском рынке отмечался во всех государствах. Выше, чем по ЕАЭС, он зафиксирован в Кыргызстане (на 14,9%) и России (на 7,3%).

В I квартале 2022 г. оборот розничной торговли увеличился на 3,4%. Выше, чем по ЕАЭС, он был в Кыргызстане (на 13%), Беларуси (на 6,5%) и России (на 3,6%). При этом в Казахстане отмечалось его снижение на 3,3%.

Во всех странах Союза в 2021 г. ускорилась инфляция и выросла в декабре 2021 г. на 8,6% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Это максимальное значение с 2015 г. Выше, чем по ЕАЭС, инфляция отмечалась в Кыргызстане (11,2%) и Беларуси (10%).

В текущем году высокий уровень инфляции в ЕАЭС по-прежнему сохраняется. В апреле 2022 г. к декабрю 2021 г. индекс потребительских цен составил 110,9% против 102,9% — в апреле прошлого года. Выше, чем по ЕАЭС, он зафиксирован в России — 111,7% и Беларуси — 111,1%. В Казахстане потребительские цены за этот период увеличились на 7,3%, Кыргызстане — на 7,1%, в Армении — на 5,8%.

Для нейтрализации инфляционных факторов в 2022 г. все национальные (центральные) банки государств — членов ЕАЭС ужесточили денежно-кредитную политику путем увеличения размеров банковских ставок. В Армении размер ставки на начало июня составил 9,25% (+1,25 п.п. относительно предыдущего значения), в Беларуси — 12% (+2,75 п.п.), в Казахстане — 14% (+0,5 п.п.), в Кыр-

гызстане — 14% (+4 п.п.), в России — 11% (–3 п.п.). Максимальное значение ставок в ЕАЭС наблюдалось в России в конце февраля (20%).

Процентные ставки коммерческих банков по выдаваемым кредитам в национальной валюте выросли вслед за ростом ставок центральных банков. Дальнейшая политика «дорогих денег» может серьезно повлиять на экономическое развитие.

Кредитная активность в странах высокая. За последнее десятилетие (с 2010 по 2021 г.) размер кредитов увеличился во всех государствах-членах. В Армении — в 2,6 раза, Беларуси — в 8,4 раза, Казахстане — в 3,6 раза, Кыргызстане — в 5,7 раза, России — более чем в 4 раза. При этом сопоставимыми темпами росли депозиты юридических лиц: в Армении — в 7,2 раза, в Беларуси — в 12,7 раза, в Казахстане — в 2,7 раза, в Кыргызстане — в 5,5 раза, в России — более чем в 4 раза. Объем депозитов населения с 2010 по 2021 г. вырос в Армении более чем в 5 раз, в Беларуси — в 9 раз, в Казахстане — в 6 раз, в Кыргызстане — в 10 раз, в России — почти в 4 раза. При этом во всех государствах-членах, кроме Беларуси, депозиты в национальной валюте выросли более значительно, чем — в иностранной валюте.

В I квартале 2022 г., по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., кредитование юридических лиц выросло во всех государствах-членах, в том числе: в Армении — в 1,2 раза, в Беларуси — в 1,3 раза, в Казахстане — в 1,2 раза, в Кыргызстане — в 1,1 раза. В России прирост минимальный — менее 1%.

Благоприятная экономическая ситуация в странах в 2021 г. способствовала росту занятости населения. Уровень безработицы (по методологии МОТ) находился на историческом минимуме — 4,8–4,9%.

В текущем году численность безработных ЕАЭС продолжает сокращаться. В I квартале 2022 г. уровень безработицы, рассчитанный в соответствии с методологией МОТ, составил 4,4% (в I квартале 2021 г. — 5,6%).

Государствами-членами приняты меры по повышению устойчивости экономик государств — членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности.

В среднесрочной перспективе основные риски для экономического развития государств-членов связаны с рядом внешних вызовов и внутренних ограничений. Вместе с тем это открывает путь к импортозамещению, в том числе в сфере платежей, к ускоренному полному переходу к торговле в рамках Союза в национальных валютах. Использование имеющегося у ЕАЭС потенциала позволяет обеспечить внутреннюю устойчивость экономик государств-членов, что в перспективе создаст условия для ежегодного прироста ВВП Союза на 4,5–5,5%. Необходима разработка и реализация новых инвестиционных национальных и союзных программ и проектов в наукоемких и капиталоемких отраслях.

Программа «самодостаточности» ЕАЭС — это бизнес-кооперация. Нужно активнее создавать совместные компании и производственные кластеры, предоставив им для этого соответствующие меры господдержки, особенно на стадии формирования и закрепления на рынке.

Следует уточнить мандат и ответственность ЕАБР, ЕФСР, Межгосбанка, чтобы они работали как институты развития. Коммерческие банки также могли бы быть более активными в инвестиционной деятельности. Нужен переход к проектному сотрудничеству, которое преобразует контрактные взаимоотношения в связанную воедино команду, имеющую долгосрочные обязательства, с целью достижения конкретных бизнес-целей путем повышения эффективности ресурсов каждого участника.

Объединение торгового, промышленного и финансового капиталов в составе транснациональной корпорации даст больший эффект, чем в случае встраивания в технологическую цепочку обособленного предприятия. Кроме того, минимизируются производственные, логистические, торговые риски. Только крупным промышленным кластерам представляется возможным быстро внедрять новейшие технологии и конкурировать на мировых рынках. Следует думать не только о торговле и платежах

в национальных валютах, но и о построении самостоятельной денежно-кредитной системы.

В мире происходят изменения в международных экономических, политических и гуманитарных отношениях: санкции, отказ ряда стран от мегасотрудничества (ВТО, ОЭСР, МОТ, ВОЗ), минимизация глобальных вызовов и угроз. Необходимо учитывать эту тенденцию в сотрудничестве.

Несмотря на очевидные достижения последних лет и интенсификацию взаимной торговли, сотрудничество внутри Союза может быть более активным и масштабным. Для этого надо стремиться использовать новые инструменты интеграции и проявлять оперативность в принятии решений, чтобы обеспечить эффективный рост экономик отдельных стран и Союза в целом. Сплоченность, взаимодополняемость и взаимовыгодная специализация обеспечат товарами и услугами внутренний рынок и конкуренцию в странах дальней дуги.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2021 г. стал важным с точки зрения развития уже существующих направлений международной деятельности Союза на практике (совершенствование механизмов сотрудничества, расширение практики реализации планов совместных мероприятий, проведение бизнес-форумов, интенсификация взаимодействия с профильными международными организациями).

В 2021 г. товарооборот с партнерами, с которыми формализовано сотрудничество на уровне Союза и Комиссии, вырос на 32% и составил 332,1 млрд долл. США (40,5% всего внешнеторгового оборота ЕАЭС), в том числе экспорт Союза вырос на 38,2% (до 185,5 млрд долл. США, 36,5% экспорта ЕАЭС), импорт — на 24,9% (до 146,6 млрд долл. США, 46,9% импорта Союза).

Продолжилось расширение географии и качества сотрудничества Союза с международными организациями. Формализация взаимодействия Комиссии с ШОС, а также поступательное развитие сотрудничества с АСЕАН позволили выйти на оформление, по сути, нового интеграционного контура: ЕАЭС-ШОС-АСЕАН. Новое содержание получил трек взаимодействия ЕАЭС с СНГ — на первый план вышла работа Комиссии по выработке подходов по сопряжению права Союза и нормативной базы СНГ, в том числе в части устранения противоречий между проектами нормативных правовых актов, разрабатываемых в рамках ЕАЭС и СНГ.

Первые месяцы 2022 г. мы сохранили положительную динамику в промышленности и АПК,

во внешней торговле с нашими дружественными партнерами, включая Китай и Индию, во взаимной торговле, что отразилось в показателях платежных балансов и консолидированных бюджетов. Сохранялся высокий уровень интереса со стороны партнеров к дальнейшим шагам Союза по развитию евразийской экономической интеграции.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Цифровые технологии являются одним из основных драйверов эффективности и конкурентоспособности. Сектор «Информация и связь» в странах ЕАЭС в 2021 г. обеспечил 2,6% совокупного ВВП, причем в Армении — 3,9%, Беларуси — 7,4% (из них Парк высоких технологий — 4,8%). Мировой ИТ-рынок вырос на 9%.

При этом собственно ИТ обеспечивают не более половины вклада отрасли в ВВП. В РФ, по оценке Высшей школы экономики, это 1%. Для сравнения, в ЕС и Китае аналогичный показатель составляет больше 3%, в США и Японии он еще выше. Прогноз на 2022 г. благоприятный. По оценке консалтинговой компании Gartner, мировые расходы на цифровые технологии составят 4,4 трлн долл. США.

Положительное сальдо внешней торговли телекоммуникационными, компьютерными и информационными (ИКТ) услугами сложилось в 2021 г. в Армении (340 млн долл. США), Беларуси (2726 млн долл. США) и России (579,5 долл. США). Отрицательное — в Казахстане (281,3 млн долл. США) и Кыргызстане (5,5 млн долл. США). Доля ИКТ в экспорте услуг из государств — членов ЕАЭС в 2021 г. составила 14,9%. В стоимостном выражении экспорт достиг 11 021,8 млн долл. США.

В 2017 г. было принято заявление глав государств ЕАЭС о цифровой повестке. При этом они исходили из предположения, что на наднациональном уровне будут созданы цифровые платформы и продукты, используемые всеми странами. Сегодня мы видим, что национальные системы получили достаточное развитие и главными вопросами эффективной работы на евразийском пространстве стали: информационное взаимодействие, гармонизация регулирования, установления единых форматов и правил обработки различных категорий информации.

Среди трудностей, которые сдерживают темпы цифровой трансформации экономики на евразийском пространстве, можно отметить следующие:

- разный уровень проникновения цифровых технологий в отрасли экономики и социальной сферы стран ЕАЭС;

- разная степень готовности национальных компонентов, которые должны быть интегрированы в наднациональные платформы в соответствии со Стратегией развития евразийской интеграции;

- разные подходы к регулированию ИТ-индустрии в странах Союза.

Из-за этого рынок ИТ-услуг недостаточно эффективен.

Например, достаточно сложной остается в РФ система закупок программного продукта, произведенного резидентами других государств — членов ЕАЭС. А в условиях релокации эта проблема усугубляется.

Для продажи программного продукта в РФ разработчику необходимо входить в специальный реестр, однако механизм для этого отсутствует. В РФ действует преференциальная поправка (20%) для отечественной электроники и компьютерного оборудования, аналогичные требования устанавливаются и для ПО. При заключении договоров с белорусскими, армянскими, казахстанскими организациями возникает НДС, от которого ИТ-компании в своих странах освобождены.

В настоящее время в рамках цифровой повестки Союза Комиссия завершила работу над первым этапом «Евразийской биржи труда» — проектом «Работа без границ» (в системе в настоящий момент зарегистрировано более 90 тыс. уникальных пользователей, количество обращений превысило 400 тыс.).

С целью дальнейшего развития цифровой повестки в сфере трудоустройства и занятости рассматривается создание комплекса новых сервисов «Евразийской электронной биржи труда». Их внедрение должно обеспечить расширение информационной поддержки соискателей и работодателей для прохождения онлайн-собеседования, усовершенствовать подсистемы аналитики и мониторинга, а также добавить новые функциональные возможности поиска вакансий.

Продолжается работа по созданию Евразийской сети промышленной кооперации и трансфера технологий, направленной на вовлечение малых и средних предприятий в производственные цепочки крупных производителей (первый этап предполагает подключение к сети 6 тыс. субъектов хозяйствования, второй — 17 тыс.).

Принятые в первом полугодии 2022 г. меры позволяют завершить запланированные работы до конца года и частично наверстать отставание от

графика, сложившееся в 2019–2021 гг. Исполнитель проекта — МЕИФ (Международный евразийский индустриальный фонд) завершает работу над интеграционным компонентом системы, подготовлена передача национальным операторам прототипа базового компонента. С Фондом развития промышленности РФ достигнуто соглашение об использовании в проекте 4 сервисов ГИСП (Государственная информационная система промышленности).

Перспективным является проект, направленный на импортозамещение и максимальную представленность продукции производства стран — членов ЕАЭС на общем рынке путем создания системы взаимовязанных электронных каталогов евразийской продукции. При этом целесообразно использовать все виды торговых, кооперационных и логистических процессов (на первом этапе — по позициям внутреннего экспорта).

Приняты решения Совета Комиссии ЕАЭС по формированию базовой цифровой инфраструктуры экосистем цифровых транспортных коридоров. Она должна стать основой для более 100 различных сервисов, связанных с осуществлением транспортных операций на территории Союза, а также иметь возможность интеграции с аналогичными цифровыми экосистемами третьих стран.

Первый этап — «витрина национальных сервисов цифровых транспортных коридоров», предполагающий цифровизацию 10 первых транспортных сервисов, уже в работе — сторонам представлен доступ к демонстрационному стенду. Прототипы сервисов будут подготовлены к октябрю.

Завершаются конкурсные процедуры по проекту «Цифровое техническое регулирование в ЕАЭС», который предназначен для формирования в цифровом виде технических регламентов и стандартов с перспективой их использования в автоматизированных (роботизированных) производственных системах.

В ближайшие планы входит перевод в электронный формат процедур госзакупок (декабрь 2022 г., распоряжение Совета Комиссии от 05.04.2021 № 4). Проблема заключается в том, что пока не согласован порядок взаимного признания электронной подписи.

Существенный интеграционный и экономический эффект могут дать мероприятия, над которыми работает ЕЭК.

Для упрощения взаимной торговли товарами и услугами, снятия барьеров на общем рынке ЕАЭС предполагается осуществить полный пе-

реход на электронный юридически значимый документооборот на всем цикле обращения товара (услуги).

В целях сокращения конкуренции между странами — членами ЕАЭС в развитии национальных IT-индустрий («конкуренции юрисдикций») намечено: выработать рекомендации по гармонизации мер поддержки IT-отрасли в странах ЕАЭС, определить приоритетные цифровые технологии ускоренного развития реального сектора экономики и меры по стимулированию их освоения, завершить работу по устранению барьеров для участия предприятий стран — участниц ЕАЭС в государственных закупках на территории друг друга.

Разрабатывается евразийская программа импортозамещения по ключевым позициям в сфере электроники, телекоммуникационного оборудования, программного обеспечения.

Во взаимодействии с центральными (национальными) банками стран — членов ЕАЭС рассматривается возможность подготовки концепции формирования единого расчетного пространства ЕАЭС (в частности, с учетом опыта Республики Беларусь по созданию и развитию Единого расчетно-информационного пространства — ЕРИП).

Формируется единая система мониторинга угроз в сфере кибербезопасности по ключевым объектам (отраслям) экономики стран ЕАЭС.

Повышению эффективности работ в рамках цифровой повестки Союза будет способствовать формирование сети центров цифровых компетенций государств-членов, работа постоянно действующих экспертных площадок по отдельным вопросам цифровой повестки, совершенствование правовой базы Союза в сфере проработки и реализации цифровых инициатив. Соответствующие проекты решений будут в установленном порядке вынесены на рассмотрение органов во втором полугодии 2022 г.

В государствах — членах ЕАЭС имеются соответствующие IT-инфраструктуры, приняты решения о мерах господдержки. Наиболее системно решен этот вопрос в Беларуси.

ПВТ аккумулирует 1064 компании-резидента, в том числе 11 государственных (из НАН Беларуси, Минпрома, Минсвязи, Минтруд, Минэкономики, Нацбанка). Совокупность принятых решений позволила ПВТ в 2021 г. обеспечить экспорт IT-услуг на сумму 3,2 млрд долл. США с темпом роста 118%. При этом доля экспорта в выручке составила 86%, положительное сальдо — 2,8 млрд долл. США. Всего в компаниях ПВТ работают 78 тыс. чел.

Все проекты в цифровой сфере рассматриваются в контексте общих целей евразийской интеграции, планируются и реализовываются как комплекс взаимосвязанных технологических мероприятий, имеющих целью цифровизацию не как процесс, а как достижение с помощью цифровых технологий конкретных результатов, предусмотренных Стратегией развития евразийской интеграции.

ВЫВОДЫ

В современной ситуации, обусловленной, с одной стороны, объективными внутренними факторами, а с другой, неблагоприятными внешними условиями, предстоит реализовать качественно новый подход к дальнейшему развитию евразийского интеграционного проекта. Основными принципами работы должны стать:

Доверие. Необходимо повысить уровень доверия к ЕАЭС, институтам и интеграционным процессам в целом среди национальных органов, предпринимателей и общественности государств-членов. Для этого ЕЭК должна установить надежные партнерские отношения с национальными институтами, в первую очередь с уполномоченными государственными органами, бизнес-сообществами, отдельными компаниями и предприятиями, а также общественными и академическими объединениями.

В контексте деятельности ЕЭК необходима предметная и целенаправленная работа по повышению эффективности внутренних процессов и практической значимости принимаемых решений.

Залогом формирования доверия к ЕЭК и интеграции в целом является открытость принимаемых решений как на национальном, так и на наднациональном уровнях. При этом в процессе исполнения решений не должно наблюдаться «разрывов» между политической волей и практической реализацией. Только сплоченность и безоговорочное доверие наших стран и совместный труд на благо населения государств-членов приведут к успешному развитию Союза.

Самодостаточность. Пандемия коронавируса COVID-19 обнажила текущий кризис глобализации, а также противоречия между ведущими акторами мировой экономики. Стала очевидна возрастающая роль национальных институтов и важность обеспечения экономической самодостаточности государств. В сложившихся условиях преимуществами обладают крупные экономики, в первую очередь Китай и США.

Для эффективной конкуренции с экономическими гигантами менее масштабным экономикам

необходимо объединяться и укреплять институциональное взаимодействие. В настоящее время ЕС проходит проверку на прочность. ЕАЭС оказался в схожем положении. Нужно своевременно признать, что для успешного выполнения национальных целей по обеспечению самодостаточности и сохранения суверенитета (включая хозяйственный и производственно-технологический) необходима региональная экономическая интеграция. Государства ЕАЭС по отдельности не смогут выполнить эту масштабную и стратегически важную задачу.

Самодостаточность Союза, его растущая привлекательность и инновационная активность будут способствовать развитию экономик государств-членов. В 2014 г. основатели Союза дальновидно взяли курс на интеграцию, которому мы должны следовать неукоснительно и решительно двигаться вперед. Комиссия с уверенностью заявляет, что готова взять на себя роль флагамена этого процесса, ту роль, которая была отведена ей Договором о ЕАЭС.

Взаимодополнение. Принципиально важным является переход от конкуренции к сотрудничеству в рамках Союза. Экономическая политика в основе своей должна способствовать взаимодополняемости национальных экономик как в сфере производственного базиса, так и в создании производств высоких переделов. В этом — «ключ к успеху» ЕАЭС. Соперничество в производстве одних и тех же товарных групп является заведомо проигрышной тактикой. Странам необходимо объединять усилия и готовить общие товарные предложения для рынков третьих стран. Несущим и эффективным каркасом Союза должны быть общая инфраструктурная платформа, включая транспорт и топливно-энергетический комплекс.

Незыблемость права Союза. Право Союза является фундаментом евразийского интеграционного проекта, создающим необходимые условия и предопределяющим возможности интеграционной работы во всех сферах. Именно поэтому необходимо внимательно относиться к состоянию правовой системы, ее эффективности и инструментам практической реализации закрепленных положений.

Реализация компетенций наднациональными органами Союза (прежде всего ЕЭК) в рамках их полномочий, равно как и унификация законодательств в сферах единой политики, должны осуществляться в полном объеме, в том числе на основе базового инструмента, предусмотренного в Договоре о ЕАЭС, а именно — права Союза. Необходимо своевременно находить и эффективно

устранять пробелы в праве, зачастую существенно затрудняющие реализацию заложенных в базовых документах положений, осуществлять постоянное, в том числе концептуальное, развитие права Союза. В свою очередь, гармонизация национальных законодательств либо же формирование общих подходов к правовому регулированию в части тех сфер, по которым в соответствии с Договором о ЕАЭС

проводится согласованная и скоординированная политика, должны осуществляться соразмерно тем задачам, которые определяют государства-члены, в том числе в Договоре о Союзе.

Должное обеспечение функционирования права ЕАЭС будет способствовать всестороннему развитию интеграции в интересах всего Союза и его государств-членов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Н.И., ред. Инновационная конкуренция. М.: Весь мир; 2020. 216 с.
2. Мясникович М.В. Практические вопросы евразийской экономической интеграции. Мн.: Беларуская навука; 2021. 294 с.
3. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории. М.: Проспект; 2021. 416 с.
4. Мясникович М., Глазьев С. Методологические подходы к разработке стратегии развития ЕАЭС в условиях мирового кризиса. *Наука и инновации*. 2020;(6)10–21.
5. Глазьев С.Ю. Управление развитием экономики. Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та; 2019. 759 с.

REFERENCES

1. Ivanova N.I., ed. Innovation competition. Moscow: Ves' mir; 2020. 216 p. (In Russ.).
2. Myasnikovich M.V. Practical issues of Eurasian economic integration. Minsk: Belaruskaya navuka; 2021. 294 p. (In Russ.).
3. Glaz'ev S. Yu. Beyond the horizon of the end of history. Moscow: Prospekt; 2021. 416 p. (In Russ.).
4. Myasnikovich M., Glazyev S. Methodological approaches to the EAEU strategy development in a global crisis. *Nauka i innovatsii = The Science and Innovations*. 2020;(6)10–21. (In Russ.).
5. Glaz'ev S. Yu. Management of economic development. A course of lectures. Moscow: MSU Publ.; 2019. 759 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Михаил Владимирович Мясникович — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь
Mikhail V. Myasnikovich — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
 myasnikovich@ecommission.org

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.06.2022; после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 10.07.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.06.2022; revised on 15.07.2022 and accepted for publication on 10.07.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-37-52
УДК 330.59(045)
JEL C5

Моделирование выплаты базового дохода для преодоления абсолютной монетарной бедности, поддержки безработных граждан и семей с детьми

В.Н. Бобков^а, И.Б. Колмаков^б, В.И. Антипов^с, Е.В. Одинцова^д

^а Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

^б Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

^с Институт проблем управления РАН, Москва, Россия; ^д Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме введения универсального базового дохода [УБД, universal basic income (UBI)] в России. С учетом реальных возможностей российской экономики рассматриваются вопросы разработки моделей переходных форм УБД, так называемого «базового дохода (БД)» [basic income (BI)] для целевых категорий граждан. Проведено обоснование возможности и целесообразности проведения моделирования эффектов от выплат БД по отечественной имитационной модели воспроизводства ВВП России P1–4–2(2022–8). Приведены результаты прогнозных расчетов по этой модели. Показано, что дополнительные доходы консолидированного бюджета Российской Федерации не только компенсируют первоначальные расходы на реализацию программы БД, но и ежегодно превышают первоначальные затраты. Сделан вывод о реальности реализации «программы БД» в нашей стране. Руководству государства предложено сочетать действующую систему адресной социальной поддержки с введением выплат БД наиболее уязвимым домохозяйствам и категориям российских граждан в целях повышения уровня и качества жизни населения России и повышения потребительского спроса. **Ключевые слова:** универсальный базовый доход (УБД); базовый доход (БД); модели функционирования переходных форм БД; абсолютная монетарная бедность; региональный прожиточный минимум; дополнительная социальная выплата (ДСВ); повышение выплат безработным; адресная помощь семьям с детьми до 18 лет; имитационная модель воспроизводства ВВП России типа P1–4–2(2022–8); конечное потребление домашних хозяйств (КПДХ); консолидированный бюджет (КБ)

Для цитирования: Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Антипов В.И., Одинцова Е.В. Моделирование выплаты базового дохода для преодоления абсолютной монетарной бедности, поддержки безработных граждан и семей с детьми. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):37-52. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-37-52

ORIGINAL PAPER

Modeling the Payment of Basic Income to Overcome Absolute Monetary Poverty, Support Unemployed Citizens and Families with Children

V.N. Bobkov^a, I.B. Kolmakov^b, V.I. Antipov^c, E.V. Odintsova^d

^a Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; ^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; ^c Institute of Control Sciences of RAS, Moscow, Russia; ^d Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the actual problem of the introduction of universal basic income (UBI) in Russia. Taking into account the real possibilities of the Russian economy, the issues of developing models of transitional forms of UBI, the so-called “basic income (BI)” are considered for target categories of citizens. The substantiation of the

© Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Антипов В.И., Одинцова Е.В., 2022

possibility and expediency of modeling the effects of BI payments according to the domestic simulation model of reproduction of Russia's GDP P1-4-2 (2022-8) is carried out. The results of predictive calculations based on this model are presented. It is shown that the additional revenues of the consolidated budget of the Russian Federation not only compensate for the initial costs of implementing the BI program, but also exceed the initial costs annually. The conclusion is made about the reality of the implementation of the "BI program" in our country. The state leadership is proposed to combine the current system of targeted social support with the introduction of BI payments to the most vulnerable households and categories of Russian citizens in order to improve the level and quality of life of the Russian population and increase consumer demand.

Keywords: universal basic income (UBI); basic income (BI); models of functioning of transitional forms of BI; absolute monetary poverty; regional subsistence minimum; additional social payment (ASP); increase in payments to the unemployed; targeted assistance to families with children under 18; imitation model of reproduction of Russia's GDP type P1-4-2(2022-8); final consumption of households (FCH); consolidated budget (CB)

For citation: Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Antipov V.I., Odintsova E.V. Modeling the payment of basic income to overcome absolute monetary poverty, support unemployed citizens and families with children. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):37-52. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-37-52

ВВЕДЕНИЕ

Универсальный базовый доход (УБД) [Universal basic income (UBI)] представляет собой социальное пособие, регулярную выплату фиксированной денежной суммы от государства всем гражданам страны, гарантирующую им минимальный уровень потребления товаров, услуг и информации независимо от рода деятельности, экономического и социального положения.

Проблематика УБД, возможности и риски, возникающие при его имплементации, относятся к числу активно дискутируемых в зарубежном и российском научно-исследовательском поле [1-9], а вызванные коронакризисом социально-экономические последствия только усилили интерес к УБД и актуализировали обсуждение целесообразности введения инструментария УБД [10, 11].

Наряду с проработкой теоретической платформы УБД, важным направлением его исследований является изучение практических вопросов, связанных с внедрением (в той или иной полноте) присущих ему критериев, т.е. введение переходных форм УБД [будем их называть «базовый доход (БД)»]. Тестирование введения БД проводится в рамках: а) пилотных экспериментов или имитационного моделирования¹ [5, 12], результаты которых демонстрируют различные векторы влияния БД на те или иные параметры уровня жизни, сферы занятости и рынка труда и пр.; б) изучения мнений различных групп на-

селения по проблематике внедрения инструментария БД² [13, 14].

Вместе с тем формирование концепции УБД далеко от завершения. Несмотря на многочисленные теоретические и практические интерпретации, целостного представления о теоретических основах УБД, обобщения экспериментальной практики введения его переходных форм (т.е. БД) и оценивания возможных последствий пока не выработано.

Возможности и формы введения УБД в России широко обсуждаются научной общественностью [1, 2, 4, 15]. Из этих обсуждений вытекает необходимость продолжения исследования данной проблемы, особенно в аспекте переходных форм и инструментария для тестирования в России в качестве регулятора повышения уровня и качества жизни и устойчивости общества.

Авторы настоящего исследования стоят на позициях необходимости тестирования инструментария УБД в российских условиях. При их участии ранее уже была проведена пилотная апробация одной из переходных форм БД — гарантированного минимального дохода (Вологодская область, 2017–2018 гг.) [16]. Кроме того, был сделан опрос российских экспертов (2020 г.) по теоретико-методологическим и практическим аспектам проблематики УБД [15], а также опрос целевых категорий населения (2021 г.) для апробации его переходных форм (БД), которые показали согласованные позиции экспертов и населения о готовности нашей страны к введению БД и целесообразности пилотных проектов.

¹ URL: https://images.meinbge.de/image/upload/v1/pilot/projektmappe/Basic_Income_Pilot_Project_Magazine.pdf; BIG Coalition Namibia. URL: <http://www.bignam.org/Index.html>

² URL: citizensincome.org/wp-content/uploads/2017/11/European-Social-Survey-survey-on-Basic-Income.pdf

Преодолев острую фазу коронакризиса (2019–2020 гг.), экономика России в настоящее время находится на новом этапе развития, направленном на обеспечение полного экономического суверенитета, в условиях обострения глобального противостояния с Западом. Согласно официальным правительственным прогнозам, в зависимости от его вариантов (базовый или консервативный), прирост ВВП России по итогам 2022 г. должен был быть 2,5–3,0%, инфляция — немного выше 4%, безработица — 4,6–4,8%, рост реальных располагаемых доходов населения — 1,9–2,4%. Однако в новых условиях 2022 г. данные оценки были пересмотрены в сторону ухудшения динамики показателей (табл. 1). Экспертные оценки, собранные Банком России в ходе специализированного опроса в 2022 г., демонстрируют негативную динамику макроэкономических показателей относительно прогнозных оценок на 2022 г., которые были сделаны в конце 2021 г. Вместе с тем «градус» негативных ожиданий экспертов в течение 2022 г. снижается. Данные официальной статистики за 2022 г. показывают негативную динамику показателей уровня жизни: по уровню бедности («плановое» значение — 10,8%, факт по итогам I квартала 2022 г. — 14,3%) и по реальным располагаемым доходам (снижение в I–II кварталах 2022 г. по сравнению с соответствующим периодом 2021 г. — 1,2–0,8%).

Несмотря на трудности настоящего периода, в России приоритетно решаются вопросы расширения внутреннего рынка и повышения уровня и качества жизни населения, подразумевающие, в частности, рост его реальных денежных доходов.

Среди мер, направленных на повышение благосостояния населения, было решение Правительства о внеочередном увеличении с 01.06.2022 г. минимального размера оплаты труда (МРОТ) с 13 800 до 15 279 руб. и величины прожиточного минимума — с 12 654 до 13 919 руб.³ Кроме того, дополнительно была проведена индексация пенсий с 01.06.2022 на 10%⁴ (сверх уже проведенной индексации на 8,6% в начале года).

В настоящей статье предлагается рассмотреть актуальные задачи повышения уровня жизни населения России (по возможности, начиная уже 2023 г.)

³ Путин объявил о повышении пенсий, прожиточного минимума и МРОТ с 1 июня 2022 года. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27397/4592723/>

⁴ Указ Путина об индексации пенсий с 1 июня 2022 года: Сколько теперь будут получать пенсионеры. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27397/4592705/>

за счет установления БД для трех целевых категорий домохозяйств и граждан:

1) для малоимущих домохозяйств — ликвидировать абсолютную монетарную бедность [ввести дополнительную ежемесячную выплату до душевого прожиточного минимума (ПМ)];

2) для безработных граждан, зарегистрированных в государственных центрах занятости, — установить ежемесячное пособие в размере двух прожиточных минимумов трудоспособного населения (ПМтр);

3) для всех детей до 18 лет — ввести ежемесячные пособия на ребенка в размере прожиточного минимума ребенка (ПМд).

Сравнение БД с «вертолетными деньгами» в российских условиях, мягко говоря, некорректно. Термин «вертолетные деньги» использовал М. Фридмен [17], чтобы продемонстрировать отсутствие реального эффекта денежной эмиссии в сбалансированной экономике. Фридмен представил эмиссию упрощенно — в виде разбрасывания денег с вертолета. Если люди в сбалансированной системе производственных отношений соберут сброшенные деньги и начнут их тратить, это не приведет к росту реального выпуска (ВВП) в экономике. Будет наблюдаться лишь номинальный эффект в виде роста цен (инфляции) и номинального выпуска.

В настоящее время экономика в России является разбалансированной, и выплачиваемый в таких условиях БД восполнит потерянные доходы от занятости, которые вернутся в экономику в виде дополнительного потребительского спроса и вызовут мультипликативный эффект⁵ [18, 19].

ОБЪЕМ СРЕДСТВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВЫПЛАТЫ БД ЦЕЛЕВЫМ КАТЕГОРИЯМ РОССИЯН

Объем средств, необходимых для ликвидации абсолютной монетарной бедности. Наиболее востребованным в условиях Российской Федерации является моделирование выплаты БД для преодоления абсолютной монетарной бедности.

Для построения модели, демонстрирующей возможности решения этой задачи, использовались официально опубликованные отчетные данные Росстата и законодательно закрепленные методоло-

⁵ Антипов В.И., Колмаков И.Б. Программа расчета мультипликатора целевых затрат домашних хозяйств. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016616984. 22.06.2016. Заявка № 2016614237 от 22.04.2016.

Таблица 1 / Table 1

Прогнозные значения макропоказателей экономики России на 2022 г. /
Forecast values of macro indicators of the Russian economy for 2022

	Минэкономики России ^а		Банк России ^б		Росстат	
	оценки в сентябре-октябре 2021 г.	оценки в мае 2022 г.	оценки в апреле 2022 г.	оценки в июле 2022 г.	1 квартал 2022 г.	II квартал 2022 г.
ВВП, темп роста, %	3,0/2,5	-7,8/-8,8	-9,2	-6,0		
Индекс потребительских цен, в среднем за год	4,3/4,4	16,5/16,1	22,0 ^с	15,0 ^д	107,6 ^е	99,65 ^ф
Уровень безработицы, %	4,6/4,8	6,7/7,0	6,9 ^г	5,6 ^h	4,2 ^и	4,0 ^j
Уровень бедности, %	10,8 ^к				14,3	
Реальные располагаемые доходы населения, %	2,4/1,9	-6,8/-7,4			-1,2 ^l	-0,8 ^м

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Минэкономики России, Правительства России, Банка России, Росстата / compiled by the authors on the basis of data from the Ministry of Economy of Russia, the Government of Russia, the Bank of Russia, Rosstat.

Примечание / Note: ^аДанные Минэкономики России. Оценки в соответствии с базовым и консервативным вариантами прогнозов / Data from the Ministry of Economy of Russia. Estimates in accordance with the basic and conservative versions of forecast. ^бДанные Банка России. Консенсус-прогноз на основе оценок экспертов / Data of the Bank of Russia. Consensus forecast based on expert estimates. ^сДекабрь к декабрю предыдущего года / December to December of the previous year. ^дДекабрь к декабрю предыдущего года / December to December of the previous year. ^еМарт 2022 г., на конец периода, в % к предыдущему месяцу / March 2022, at the end of the period, as % of the previous month. ^фИюнь 2022 г., на конец периода, в % к предыдущему месяцу / June 2022, at the end of the period, as % of the previous month. ^гДекабрь, без исключения сезонности / December, without exception of seasonality. ^hДекабрь, без исключения сезонности / December, without exception of seasonality. ^иВ среднем за месяц / On average per month. ^jВ среднем за месяц / On average per month. ^кДанные Правительства России / Data from the Russian Government. ^lПо сравнению с соответствующим периодом предыдущего года / Compared to the corresponding period of the previous year. ^мПо сравнению с соответствующим периодом предыдущего года / Compared to the corresponding period of the previous year.

гические положения по определению прожиточного минимума (ПМ), а также данные о величине и составе прожиточного минимума населения в субъектах Российской Федерации. По последним данным Росстата, в 2021 г. уровень абсолютной монетарной бедности (далее — бедность) составил 11%, за чертой бедности находилось 16,1 млн чел⁶. Совокупный дефицит денежного дохода малоимущих россиян (сумма, которой им не хватало до прожиточного минимума) оценивался Росстатом в 633 млрд руб.⁷

Для решения этой конкретной задачи, по мнению авторов, формирование БД целесообразно рассматривать не как единую, одинаковую для граждан России с доходами менее ПМ персональную регулярную денежную выплату, а как дифференцированную регулярную денежную социальную

выплату (ДСВ) взрослому представителю бедного домохозяйства, которая повысит душевые доходы этого домохозяйства до регионального прожиточного минимума. Иными словами, БД для преодоления абсолютной монетарной бедности (БДБ) будет представлять собой гарантированный минимальный душевой доход малоимущего домохозяйства, равный региональному прожиточному минимуму, определенному с учетом типа семьи. Из этого вытекает, что система реализации БДБ будет направлена на определение величины дифференцированной денежной выплаты для малоимущих (бедных) домохозяйств, доведение ее до домохозяйств и организацию целевого расходования этих средств на удовлетворение наиболее насущных потребностей.

Порядок расчета дифференцированной денежной выплаты малоимущему домохозяйству представлен следующим алгоритмом:

$$\begin{aligned}
 \text{БДБ} = & \text{ПМДЭ} = (\text{Ч}_p * \text{ПК}_{\text{тр}} + \text{Ч}_d * \text{ПК}_d + \text{Ч}_п * \text{ПК}_п) * \\
 & * \frac{\text{Кэ}i}{i} + \text{Ч}_p * \text{Сб}_{\text{тр}}, \quad (1)
 \end{aligned}$$

⁶ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности и дефицит денежного дохода. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

⁷ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности и дефицит денежного дохода. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

где БДБ — базовый доход малоимущей семьи для преодоления абсолютной монетарной бедности, равный дифференцированному региональному прожиточному минимуму;

ПМДЭ — региональный прожиточный минимум, дифференцированный для домохозяйств разной численности и состава с учетом экономии на потреблении, определенной с применением шкал эквивалентности;

Чр — число проживающих в семье трудоспособных лиц;

ПКтр — стоимость минимальной потребительской корзины трудоспособного населения;

Чд — число проживающих в семье детей;

ПКд — стоимость минимальной потребительской корзины детей;

Чп — число проживающих в семье пенсионеров;

ПКп — стоимость минимальной потребительской корзины пенсионеров;

i — численный размер семьи ($i = Чр + Чд + Чп$);

$Kэi$ — коэффициент эквивалентности, характеризующий экономию на расходах для семьи i -го численного размера⁸;

Сбтр — расходы на обязательные платежи и сборы в составе ПМ трудоспособного населения.

Алгоритм для определения регулярной дополнительной социальной выплаты представителю семьи (ДСВ) имеет вид:

$$ДСВ = БДБ - ОДДС, \quad (2)$$

где ДСВ — регулярная (ежемесячная) дифференцированная дополнительная социальная выплата представителю малоимущего домохозяйства;

ОДДС — очищенный душевой доход малоимущей семьи, представляющий собой разновидность фактического среднедушевого дохода семьи / одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи⁹. ОДДС определялся как сум-

⁸ Шкала эквивалентности, представлена коэффициентами эквивалентности, характеризующими экономию на потреблении при совместном проживании, дифференцированными по размерам и составу семей. Источником экономии на потреблении при совместном проживании послужили общесемейные расходы в части непродовольственных товаров и услуг. За базу с весовым коэффициентом «1» принята семья с 1 человеком трудоспособного возраста. Шкалы эквивалентности широко применяются в международных и отечественных разработках [16].

⁹ Федеральный закон от 05.04.2003 № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода оди-

ма поступлений денежных средств от доходов от занятости и иных источников доходов, включая государственную регулярную социальную поддержку, оказываемую в соответствии с федеральным и региональным законодательством, но без единовременных денежных выплат и социальной помощи на оплату жилья и коммунальных услуг. Определения «ОДДС» и его расчет впервые использовались в Вологодском пилотном проекте (2017–2018 гг.) для нахождения величины единовременной дополнительной социальной выплаты родителям в малоимущих семьях с детьми [16].

При проведении собственного моделирования авторами использовались вероятностные модели распределения населения по уровню среднемесячных среднедушевых денежных доходов (СДД), модели прогнозирования параметров этих распределений и модели прогноза прожиточного минимума. Задача прогноза уровня бедности решается путем вычисления интеграла по плотности распределения населения по уровню СДД от нуля до верхнего предела, ограниченного величиной прожиточного минимума. Прогнозу уровня бедности предшествуют определения: 1) прожиточного минимума; 2) параметров плотности распределения населения по уровню СДД на основе прогнозных значений макропоказателей развития экономики.

Расчет необходимых годовых стартовых средств для выплаты БДБ (Q) показал следующее. Если всем людям, находящимся за чертой бедности, адресно выплачивать ДСВ в размере, который соответствует доплате до регионального ПМ каждому, находящемуся за чертой бедности, то проблема абсолютной монетарной бедности решается полностью. Выполним оценочные расчеты на примере 2022 г. По прогнозным данным на 2022 г., в целом по Российской Федерации:

- оценка численности бедного населения сохранится на уровне 2021 г. — 16 млн чел. (N_{2022});
- среднемесячный душевой прожиточный минимум — 13 919 руб. ($ПМ_{2022}$);
- суммарный месячный объем денежных доходов, необходимых для выделения каждому бедному по ПМ в месяц (OD), определяемый как $ПМ_{2022} * N_{2022}$, — 222,704 млрд руб./мес.;
- суммарный годовой объем денежных доходов, необходимых для выделения каждому

одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41647/

бедному по ПМ в месяц (GD), определяемый как $OD * 12$, — 2,672488 трлн руб./год;

- объем фактических ежемесячных денежных доходов бедного населения (FD) — 157,6 млрд руб./мес.;
- объем годовых фактических денежных доходов бедного населения GFD, определяемый как $FD * 12$, — 1,8912 трлн руб./год.

В годовом исчислении дефицит денежного дохода (Q), определяемый как $GD - GFD$, составит 781,288 млрд руб./год.

Таким образом, для полной ликвидации абсолютной монетарной бедности в 2023 г. потребуется около **0,8 трлн руб.**

Объем средств, необходимых для ежемесячной выплаты безработным. По данным Росстата, во II квартале 2022 г. численность безработных по методологии МОТ составила 3,0 млн чел., уровень безработицы — 4,0%¹⁰. Во что обойдется государству годовое содержание такого количества безработных? Чтобы удовлетворить минимальные потребности безработных с учетом семейной нагрузки, им необходимо выплачивать базовый доход безработным гражданам (БДБГ) в форме пособия в размере не менее двух прожиточных минимумов трудоспособного населения (ПМтр). Годовые расходы на содержание 4% безработных составят около 1,1 трлн руб./год.

$$3 * 10^6 * (\text{ПМтр}_{2022} * 2) * 12 = 1,09236312 \text{ трлн руб./год}, \quad (3)$$

где ПМтр_{2022} — прожиточный минимум трудоспособного населения, определяемый как $\text{ПМ}_{2022} * 1,09$, т.е. 13 919 руб. * 1,09 = 15 171,71 руб.

Если программа начнется в 2023 г. и продлится до 2035 г., это формально означает добавление в первый год на этом промежутке времени указанной суммы (3) к текущей величине расходов на конечное потребление домашних хозяйств (КПДХ).

Объем средств, необходимых для помощи семьям с детьми до 18 лет. Предлагается установить всем детям, без выделения малоимущих семей, выплаты от даты рождения до 18 лет в размере прожиточного минимума. Расчет выполняется методом прямого счета. Прожиточный минимум ребенка $\text{ПМ}_{\text{дети}_{2022}}$, определяемый как $\text{ПМ}_{2022} * 0,97$,

¹⁰ Социально-экономическое положение России Москва. Январь-июнь 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2022.pdf>

в 2022 г. составляет 13 501 руб./мес. (13 919 руб. * 0,97). По данным Росстата, численность населения в 2022 г. в возрасте от 0 до 18 лет ($\text{Ч}_{\text{д}}$) составит 32 755,44 тыс. чел.¹¹

Общий годовой объем средств, необходимых для помощи семьям с детьми в год, определяемый по формуле (4), составил бы 5,30677434528 трлн руб./год.

$$\text{Ч}_{\text{д}} * 10^3 * (\text{ПМ}_{\text{дети}_{2022}} * 12). \quad (4)$$

Если программа выплаты базового дохода детям (БДД) начнется в 2023 г. и продлится до 2035 г., это формально означает добавление в первый год на этом промежутке времени указанной суммы (4) к текущей величине расходов на конечное потребление домашних хозяйств (КПДХ).

Максимальная сумма годовых расходов на решение трех перечисленных задач составит **7,179 трлн руб./год**, т.е. 0,781 + 1,092 + 5,306.

Инфляция ежегодно будет повышать необходимые затраты. Результаты ежегодных затрат на выплату БД в зависимости от времени начала модельного эксперимента с учетом инфляции приведены в табл. 2.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОГНОЗНЫХ МОДЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ ВЛИЯНИЯ ВВЕДЕНИЯ БД НА ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ ЦЕЛЕВЫХ КАТЕГОРИЙ РОССИЯН

Для расчета прогноза инерционного развития экономики России (под санкциями) на интервале 2023–2035 гг. и получения опорной траектории использовалась действующая модель воспроизводства ВВП России в варианте P1–4–2(2022–8), которая была разработана сотрудниками ИПМ РАН и ИПУ РАН и подробно описана в [18, 20].

Модель P1–4–2(2022–8) позволяет определить в динамике годовые темпы валового внутреннего продукта (ВВП/pW), конечного потребления домашних хозяйств (КПДХ/pWD), конечного потребления государства (pYG), доходов консолидированного государственного бюджета (СБР), инвестиций в основной капитал (pIN) и реальных денежных доходов населения (RDH).

¹¹ Численность населения по отдельным возрастным группам. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

Таблица 2 / Table 2

Таблица ежегодных расходов на конечное потребление домашних хозяйств с учетом поправок / Table of annual household final consumption expenditures, adjusted

Год	Индекс потребительских цен	1 вариант, млрд руб.	2 вариант, млрд руб.	3 вариант, млрд руб.
2021	1,084	–	–	–
2022	1,167	–	–	–
2023	1,053	800	2000	7000
2024	1,046	837	2092	7278
2025	1,040	870	2175	7566
2026	1,034	900	2250	7827
2027	1,030	927	2317	8062
2028	1,026	951	2379	8275
2029	1,023	974	2434	8468
2030	1,021	994	2484	8642
2031	1,018	1012	2529	8799
2032	1,016	1028	2570	8942
2033	1,014	1043	2608	9072
2034	1,013	1057	2641	9189
2035	1,012	1069	2672	9296

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В ней используется понятийный аппарат международной системы национальных счетов (СНС). Она позволяет проводить имитационное моделирование при экспертной формулировке сценариев исходных данных и получать возмущенные траектории развития. В последней модификации модели Р1–4–2(2022–8) параметры экономики представляются как совокупность некоторых «основных трендов» и «помех», причем сумма «тренд + помеха» наблюдается в ретроспективном интервале (1995–2021 гг.), а на интервале прогноза (2023–2035 гг.) «помехи» отсутствуют.

Экспериментально строятся два блока траекторий показателей развития экономики России в интервале 2023–2035 гг. — опорные траектории инерционного развития и возмущенные траектории. Их сравнение определяет вклад мероприятий по выделению средств на выплаты по «программе БД» в экономику России.

Первая возмущенная траектория предусматривает увеличение конечного потребления домашних хозяйств на 0,8 трлн руб., рассчитанного на полную

ликвидацию абсолютной монетарной бедности населения России.

Вторая возмущенная траектория предусматривает увеличение конечного потребления домашних хозяйств на 2,0 трлн руб., рассчитанного одновременно на полную ликвидацию монетарной бедности населения России и увеличение пособия по безработице до двух ПМтр для всех безработных, зарегистрированных в центрах занятости.

Третья возмущенная траектория предусматривает увеличение конечного потребления домашних хозяйств на 7,0 трлн руб., рассчитанного одновременно на полную ликвидацию монетарной бедности населения России, увеличение пособия по безработице до двух ПМтр для всех безработных, зарегистрированных на бирже труда, и необходимой помощи семьям с детьми до 18 лет, по одному ПМдети на каждого ребенка ежемесячно.

Чтобы сделать доказательные прогностические оценки (при вероятностных сценарных вариантах развития экономики), необходимо:

Таблица 3 / Table 3

Приросты доходов консолидированного бюджета (КБ) относительно значений опорных траекторий инерционного развития / Increases in consolidated budget revenues and final consumption of the state relative to the values of the reference trajectories of inertial development

		Монетарная бедность (0,8 трлн руб.)	Монетарная бедность и безработные (2,0 трлн руб.)	Монетарная бедность, безработные и семьи с детьми (7,0 трлн руб.)
№	Год	Прирост доходов КБ	Прирост доходов КБ	Прирост доходов КБ
1	2023	1031	2577	9018
2	2024	1126	2815	9795
3	2025	1217	3042	10 586
4	2026	1304	3259	11 341
5	2027	1336	3339	11 617
6	2028	1358	3396	11 814
7	2029	1372	3431	11 935
8	2030	1378	3445	11 986
9	2031	1379	3447	11 993
10	2032	1375	3439	11 963
11	2033	1368	3421	11 901
12	2034	1358	3396	11 813
13	2035	1346	3364	11 705

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

1. Получить прогноз инерционного развития экономики России (под санкциями) на интервале 2023–2035 гг. и опорные траектории развития.

2. Получить прогнозы траекторий развития экономики России для трех предложенных вариантов управляемого развития (под санкциями) на интервале 2023–2035 гг.

Процедура трансформации сценария исходных данных опирается на следующее рассуждение: сумма выплаты БД в начальном году прогнозного периода (для конкретного сценария модели) означает ступенчатое увеличение на эту величину статьи расходов «конечное потребление “Домашних хозяйств”».

Все прогнозные расчеты развития экономики на этих моделях, проведенные с параметрами программы БД на интервале 2023–2035 гг., в итоге дают ситуационно актуальные контурные оценки. Величины первоначальных увеличений КПДХ указаны в ценах 2022 г.

Проверке подлежала гипотеза, состоящая в том, что «волны» ежегодных приростов консолидиро-

ванного бюджета в результате мультипликативного эффекта от возросшего платежеспособного спроса населения будут не только компенсировать необходимые ежегодные затраты на повышение конечного потребления домашних хозяйств, но и давать дополнительные приращения доходов консолидированного государственного бюджета.

Для доказательства осуществимости такого финансового маневра выполнены численные модельные эксперименты, в которых сравнивались показатели экономического развития экономики России на интервале 2023–2035 гг. без проведения программы и с проведением трех разных программ выплаты БД.

Первоначальную сумму, необходимую для выплаты БД, предполагалось взять из фонда национального благосостояния (ФНБ). Конечно, любые пересечения предложенных вариантов имеют некоторую избыточность. Экспертные оценки вероятностей такой избыточности находятся в диапазоне 20–25%. Рассматривался круг мероприятий

без учета пересечения предложенных вариантов. Расчеты выполнялись при сохранении всех существующих социальных (и адресных, в том числе) выплат и системы их администрирования.

Оказалось, что растет не только конечное потребление домашних хозяйств, но и конечное потребление государства, возрастают инвестиции в основной капитал и другие важные показатели экономики России.

Полученные в результате моделирования значения приростов доходов консолидированного бюджета (КБ) относительно значений опорных траекторий инерционного развития при решении каждой из трех задач введения БД приведены в табл. 3 для интервала 2023–2035 гг.

Дополнительные доходы КБ полностью компенсируют первоначальные расходы. То есть функционирование программы БД в рассматриваемом варианте, после однократных стартовых затрат на запуск программы, обеспечивается в дальнейшем ежегодным приростом доходов КБ.

При этом все пропорции уже утвержденного (и при необходимости корректируемого) бюджета (на 2023–2025 гг.) остаются неизменными. Расчеты по модели показывают, что в интервале 2023–2025 гг. реализуются товары и услуги на сумму, значительно превышающую первоначальные затраты.

РАСЧЕТ ОПОРНЫХ И ВОЗМУЩЕННЫХ ТРАЕКТОРИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЧИСЛЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭФФЕКТА ОТ ВЛИВАНИЯ В НЕЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ НА ВЫПЛАТУ БД В ПЕРИОД 2023–2025 ГГ.

Конкретизация некоторых основных результатов проведенных численных модельных экспериментов для третьего варианта программы выплаты БД (суммарные затраты государства в год на эти мероприятия составляют около 7,0 трлн руб.) за период 2023–2025 гг. приведена на рис. 1–4. Индексации начальной суммы БД для учета инфляции не предусматривалось.

После скачкообразного повышения КПКДХ в первый год запуска «программа БД» заработает на «полную мощность», т.е. на интервале 2023–2035 гг. будут реализовываться товары и услуги на сумму, превышающую ежегодно первоначальные затраты. «Волна» ежегодных приростов консолидированного бюджета будет компенсировать необходимые ежегодные затраты. При этом все пропорции уже утвер-

жденного (и при необходимости корректируемого) бюджета (на 2021–2022 гг.) остаются неизменными. Для доказательства осуществимости такого финансового маневра в качестве примера выполнен численный модельный эксперимент, в котором сравнивались показатели экономического развития экономики России в интервале 2020–2025 гг. без проведения программы и с проведением программы БД. Оказалось, что прирост доходов консолидированного бюджета перекрывает первоначальные расходы на запуск этой программы.

Чтобы оценить эффект от мероприятия, вычислялась опорная траектория — прогноз развития хозяйства России при инерционном сценарии исходных данных (годовые темпы ВВП опорной траектории показаны на рис. 1, черные), а затем вычислялась «возмущенная» траектория развития ВВП России.

Для этого начиная с 2023 г. в модель были внесены «возмущения» в виде дополнительных сумм, расходуемых «Домашними хозяйствами» (годовые темпы ВВП возмущенной траектории показаны на рис. 1, красные). Разница между показателями этих траекторий — эффект от мероприятия — показала, что начиная с 2023 г. возрастает конечное потребление домашних хозяйств. Величина ВВП (в текущих рыночных ценах) также возрастает, а дополнительные доходы консолидированного бюджета начиная с 2023 г. полностью компенсируют расходы государства на программу БД. Результатом проведения «программы БД» станет повышение годовых темпов роста ВВП (рис. 1).

На рис. 2 показана динамика годовых темпов конечного потребления домашних хозяйств для опорной и возмущенных траекторий. Прирост годовых темпов развития показателя КПКДХ очевиден.

В конечном итоге нас интересуют графики опорной и возмущенной траекторий доходов консолидированного бюджета, которые приведены на рис. 3. Они показывают, что прирост доходов консолидированного бюджета полностью компенсирует затраты на проведение программы БД. Как видим, он остается достаточно высоким на всем интервале прогноза.

Возрастают и реальные денежные доходы населения (рис. 4).

Различные формы выплат (ДСВ, БДБГ, БДД) для обеспечения БД могли бы начисляться на индивидуальные счета специальных карточек. В рамках программы БД для категорий граждан, охватываемых ею, на банковской карте будут размещаться целевые эквиваленты денежных средств на приобретение

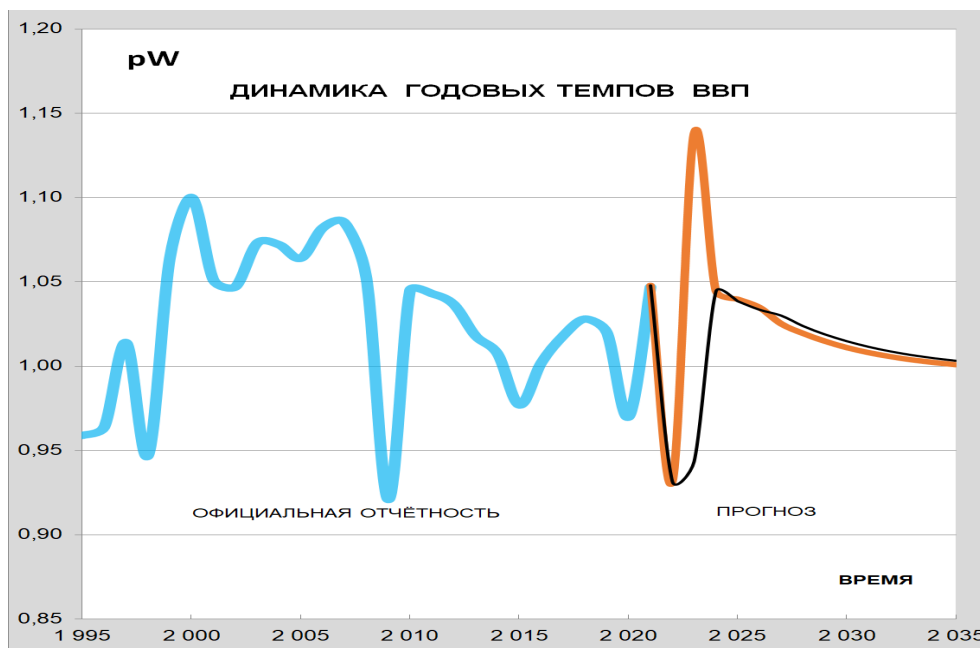

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика годовых темпов ВВП России / Dynamics of annual GDP rates in Russia

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: опорная траектория прогноза – черная, возмущенная траектория прогноза (+7,0 трлн руб. КПДХ с 2023 г.) – красная / the reference trajectory of the forecast is black, the perturbed trajectory of the forecast (+7.0 trillion rubles of final consumption of households since 2023) is red.

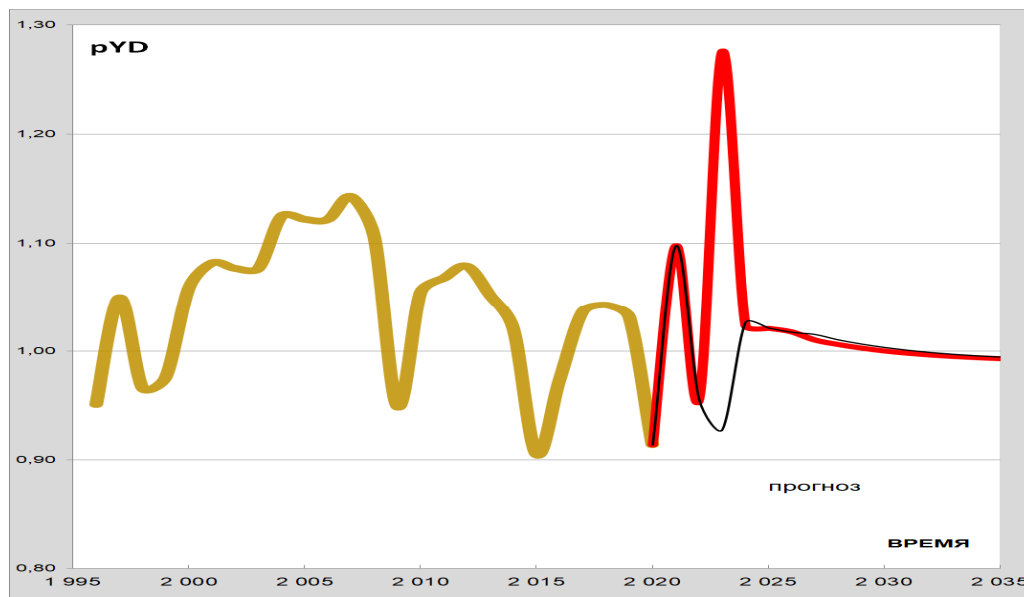

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика годовых темпов конечного потребления домашних хозяйств / Dynamics of annual rates of final consumption of households

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: опорная траектория прогноза – черная, возмущенная траектория прогноза (+7,0 трлн руб. с 2023 г.) – красная / the reference trajectory of the forecast is black, the perturbed trajectory of the forecast (+7.0 trillion rubles from 2023) is red.

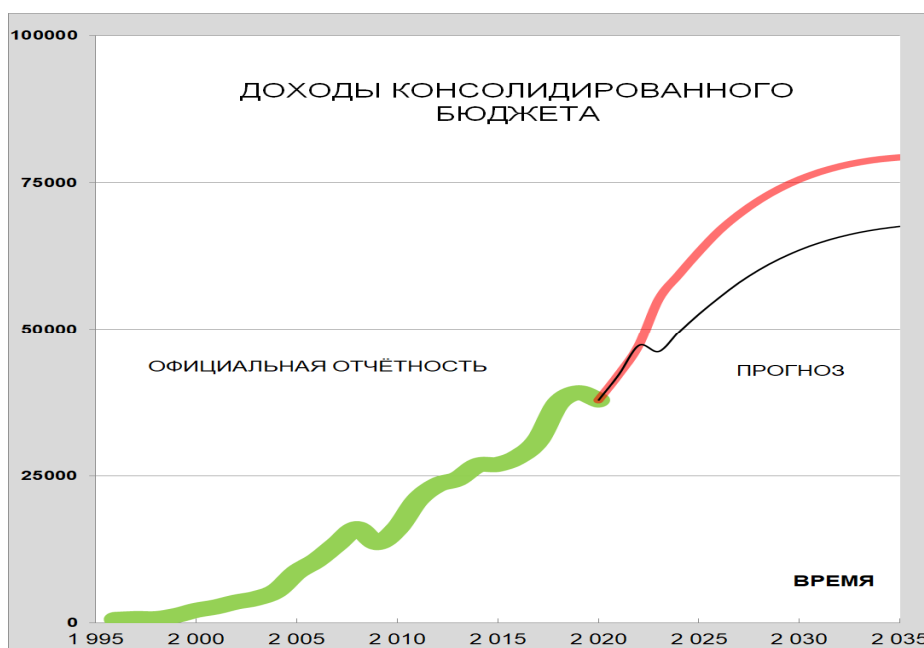

Рис. 3 / Fig. 3. Доходы консолидированного бюджета / Consolidated budget revenues

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: опорная траектория прогноза – черная, возмущенная траектория прогноза (+7,0 трлн руб. КПДХ с 2023 г.) – красная / the reference trajectory of the forecast is black, the perturbed trajectory of the forecast (+7.0 trillion rubles of final consumption of households since 2023) is red.

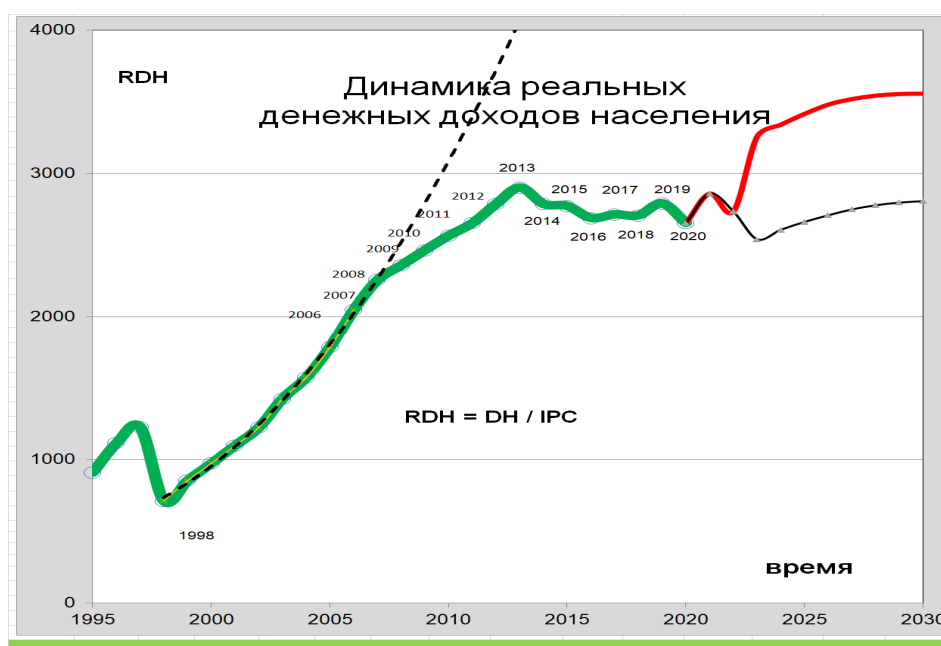

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика реальных денежных доходов населения / Dynamics of real monetary incomes of the population

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: опорная траектория прогноза – черная, возмущенная траектория прогноза (+7,0 трлн руб. КПДХ с 2023 г.) – красная / the reference trajectory of the forecast is black, the perturbed trajectory of the forecast (+7.0 trillion rubles of final consumption of households since 2023) is red.

определенных товаров. Использование специализированных финансовых инструментов для стимулирования потребительского спроса (или выпуска продукции) не является чем-то новым в мировой финансовой практике. Так, например, в настоящее время США — богатейшая страна мира — используют продуктовые карточки, которыми пользуются 45 млн чел.¹²

ВЫВОДЫ

В настоящей статье на основе экспертно-имитационной динамической модели проанализированы макроэкономические последствия предлагаемого круга мероприятий по введению выплат переходных форм УБД (UBI) для решения трех взаимосвязанных задач повышения уровня и качества жизни уязвимых категорий населения и домохозяйств. Сделан вывод о реальности реализации «программы БД» в нашей стране. Показано, что предложенные программы применения БД существенно ускорят экономическое и социальное развитие России.

Первым шагом (который даст быстрый эффект) должно стать расширение внутреннего спроса за счет повышения реальных денежных доходов населения. Именно это и подтвердили численные эксперименты. Кроме того, они доказали, что одновременно растут расходы на конечное потребление государства и увеличиваются инвестиции в основной капитал. При обеспечении скоординированного роста производства потребительских товаров и услуг и использования специализированных финансовых инструментов все это приведет к решению целого ряда острых социальных проблем и выстраиванию новой траектории развития национальной экономики, ориентированной на внутренний спрос и рост производства отечественных товаров и услуг.

Полагаем, что проведение программы БД требует значительной предварительной подготовки — определения объемов товаров и услуг, логистики для сырья и продукции, создания административно-организационных структур: системы начислений и системы оплаты дотационных средств и др. Предложенный авторами механизм одновременной реализации трех взаимосвязанных частей программы является рамочным и может быть скорректирован. Ее реализация может начаться с выплат одной или двум из трех предложенных категорий населения и домохозяйств. Обозначенный условный срок на-

чала реализации программы выплаты БД с 2023 г. позволил протестировать требуемые количественные параметры экономики и показать ее возможный экономический и социальный эффект. Срок начала проведения данной программы зависит от готовности к ее реализации, которая потребует целого комплекса реформ системы государственного управления экономикой и социальной сферой. Это должно стать результатом научных обоснований с использованием опыта СССР и других стран. Авторы могут только предположить, что такие меры потребуют:

- разработки новых законопроектов и их принятия в установленном порядке;
- повышения роли РАН и ее институтов в решении задач прогнозирования экономического и социального развития страны, моделирования межотраслевых связей и совершенствования системы государственного и управления;
- значительной корректировки положений о министерствах экономического развития, промышленности и торговли, труда и социального развития, финансов и др. и организации их работы;
- перевода всех методологий и алгоритмов расчетов, применяемых Росстатом, на отечественную отчетную и нормативную базу, восстановления годового интервала публикаций СНС-отчетности и совершенствования отчетности показателей системы таблиц «Затраты-Выпуск»;
- значительного уменьшения ключевой ставки ЦБ для обеспечения долгосрочных и дешевых кредитов для развития экономики страны;
- разработки и применения государственной программы «Продуктовая карточка», в рамках которой вышеуказанные категории российских граждан и домохозяйств смогут реализовать БД в покупках отечественных товаров и услуг по регулируемым государством потребительским ценам и тарифам, а также решения многих других вопросов.

Важно принять политическое решение и начать реальную подготовку к введению переходных форм УБД, выплата которого в виде базового дохода (БД) для рассмотренных категорий граждан и домохозяйств может стать новым инструментом повышения уровня и качества их жизни и стимулом развития российской экономики и социальной структуры российского общества в новых условиях обеспечения полного экономического суверенитета нашей страны.

¹² URL: superbarok.livejournal.com/1798196.html.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–010–00271.

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR, project number 20–010–00271.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества. *Уровень жизни населения регионов России*. 2019;(3):8–24. DOI: 10.19181/1999–9836–2019–10069
2. Гонтмахер Е.Ш. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? *Экономическая политика*. 2019;14(2):156–177. DOI: 10.18288/1994–5124–2019–2–156–177
3. Квашнин Ю.Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике. *Современная Европа*. 2019;(3):171–181. DOI: 10.15211/soveurope32019171181
4. Черных Е.А. Современное состояние исследований содержания, форм, инструментов и механизмов введения безусловного базового дохода. *Уровень жизни населения регионов России*. 2020;16(2):61–75. DOI: 10.19181/lspr/2020.16.2.6
5. Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R., eds. Exploring universal basic income: A guide to navigating concepts, evidence, and practices. Washington, DC: The World Bank; 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978–1–4648–1458–7
6. Standing G. Basic income: And how we can make it happen. London: Penguin Books; 2017. 400 p.
7. Van Parijs Ph., Vanderborght Y. Basic income: A radical proposal for a free society and a sane economy. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2017. 400 p.
8. Gibson M., Hearty W., Craig P. Potential effects of universal basic income: A scoping review of evidence on impacts and study characteristics. *The Lancet*. 2018;392(S 36). DOI: 10.1016/S 0140–6736(18)32083–X
9. Straubhaar T. On the economics of a universal basic income. *Intereconomics*. 2017;52(2):74–80. DOI: 10.1007/s10272–017–0649–8
10. Nettle D., Johnson E., Johnson M., Saxe R. Why has the COVID-19 pandemic increased support for universal basic income? *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021;8:79. DOI: 10.1057/s41599–021–00760–7
11. Золотов А.В., Золотов С.А. Реализация принципов безусловного базового дохода как ответ на вызовы коронавируса. *Уровень жизни населения регионов России*. 2020;16(4):96–104. DOI: 10.19181/lspr.2020.16.4.8
12. Martinelli L. Assessing the case for a universal basic income in the UK. Bath: IPR Institute for Policy Research; 2017. 95 p. URL: https://www.bath.ac.uk/publications/assessing-the-case-for-a-universal-basic-income-in-the-uk/attachments/basic_income_policy_brief.pdf
13. Кислицына О.А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019;(3):32–47. DOI: 10.24411/2073–6487–2019–10030
14. Андреенкова А.В. Сравнительный анализ отношения населения к идее безусловного базового дохода в России и в Европе. *Социологические исследования*. 2020;(1):18–30. DOI: 10.31857/S 013216250008321–6
15. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Российские эксперты о безусловном базовом доходе: оценки 2020 г. *Уровень жизни населения регионов России*. 2021;17(1):67–86. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.1.6
16. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми. *Уровень жизни населения регионов России*. 2019;(1):9–19. DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10049
17. Фридмен М. Если бы деньги заговорили. Пер. с англ. М.: Дело; 2001. 160 с.
18. Антипов В.И., Митин Н.И., Пащенко Ф.Ф. Модифицированная макроэкономическая имитационная модель развития России. *Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша*. 2018;(272):1–36. DOI: 10.20948/prepr-2018–272

19. Антипов В.И. Стагнация российской экономики и программа «Продуктовые карточки». *Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. 2020;(15–1):17–29. URL: http://inion.ru/site/assets/files/4994/rossiia_tendentsii_i_perspektivy_razvitiia_2020_15_1.pdf
20. Антипов В.И., Малинецкий Г.Г., Митин Н.А. Влияние мер, направленных на повышение благосостояния населения России, на макроэкономическую динамику. *Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша*. 2022;(42):1–18. DOI: 10.20948/prepr-2022-42

REFERENCES

1. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova Y.V. Universal basic income: Reflections on the possible impact on improving the living standards and quality of life and the sustainability of society. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*. 2019;(3):8–24. (In Russ.). DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10069
2. Gontmakher E.S. Basic income: A prologue to the social policy of the 21st century? *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2019;14(2):156–177. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-156-177
3. Kvashnin Yu.D. Basic income for the European countries: From theory to practice. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*. 2019;(3):171–181. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope32019171181
4. Chernykh Ye.A. The current state of research of the content, forms, tools and mechanisms of introducing unconditional basic income. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*. 2020;16(2):61–75. (In Russ.). DOI: 10.19181/isprr/2020.16.2.6
5. Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R., eds. Exploring universal basic income: A guide to navigating concepts, evidence, and practices. Washington, DC: The World Bank; 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1458-7
6. Standing G. Basic income: And how we can make it happen. London: Penguin Books; 2017. 400 p.
7. Van Parijs Ph., Vanderborght Y. Basic income: A radical proposal for a free society and a sane economy. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2017. 400 p.
8. Gibson M., Hearty W., Craig P. Potential effects of universal basic income: A scoping review of evidence on impacts and study characteristics. *The Lancet*. 2018;392(S 36). DOI: 10.1016/S 0140-6736(18)32083-X
9. Straubhaar T. On the economics of a universal basic income. *Intereconomics*. 2017;52(2):74–80. DOI: 10.1007/s10272-017-0649-8
10. Nettle D., Johnson E., Johnson M., Saxe R. Why has the COVID-19 pandemic increased support for universal basic income? *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021;8:79. DOI: 10.1057/s41599-021-00760-7
11. Zolotov A.V., Zolotov S.A. Realization of the UBI principles as an answer to the COVID-19 challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*. 2020;16(4):96–104. (In Russ.). DOI: 10.19181/isprr.2020.16.4.8
12. Martinelli L. Assessing the case for a universal basic income in the UK. Bath: IPR Institute for Policy Research; 2017. 95 p. URL: https://www.bath.ac.uk/publications/assessing-the-case-for-a-universal-basic-income-in-the-uk/attachments/basic_income_policy_brief.pdf
13. Kisliitsyna O.A. Introduction of the Unconditional Basic Income System: What the Russians think about it? Who is for, who is against? *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(3):32–47. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10030
14. Andreenkova A. Comparative analysis of popular attitudes toward the idea of basic income in Russia and in Europe. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2020;(1):18–30. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250008321-6
15. Bobkov V.N., Odintsova Ye.V. Russian experts on universal basic income: Estimates for 2020. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*. 2021;17(1):67–86. (In Russ.). DOI: 10.19181/isprr.2021.17.1.6
16. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova Ye.V. Methodological approaches to strengthening addressed social supporting indigent families with children. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*. 2019;(1):9–19. (In Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10049
17. Friedman M. If money spoke. Transl. from Eng. Moscow: Delo; 2001. 160 p. (In Russ.).

18. Antipov V.I., Mitin N.A., Paschenko F.F. Modified macroeconomic simulation model of Russia's development. *Preprinty IPM im. M. V. Keldysha = Keldysh Institute Preprints*. 2018;(272):1–36. (In Russ.). DOI: 10.20948/prepr-2018–272
19. Antipov V.I. Stagnation of the Russian economy and the “Food cards” program. *Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. 2020;(15–1):17–29. URL: http://inion.ru/site/assets/files/4994/rossiya_tendentsii_i_perspektivy_razvitiia_2020_15_1.pdf (In Russ.).
20. Antipov V.I., Malinetskii G. G., Mitin N.A. The impact of measures aimed at improving the welfare of the Russian population on macroeconomic dynamics. *Preprinty IPM im. M. V. Keldysha = Keldysh Institute Preprints*. 2022;(42):1–18. (In Russ.). DOI: 10.20948/prepr-2022–42

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Вячеслав Николаевич Бобков — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; директор Научного центра экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Vyacheslav N. Bobkov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS; Director of the Scientific Center of Labor Economics at Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>

bobkovvn@mail.ru

Игорь Борисович Колмаков — доктор экономических наук, участник проекта, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Igor B. Kolmakov — Dr. Sci. (Econ.), project participant, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0582-6795>

kolibor@rambler.ru

Валерий Иванович Антипов — кандидат физико-математических наук, научный сотрудник, Институт проблем управления РАН, Москва, Россия

Valery I. Antipov — Cand. Sci. (Phys. and Math.), Researcher at the Institute of Control Sciences of RAS, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5691-3816>

valeriantipov27@yandex.ru

Елена Валерьевна Одинцова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Elena V. Odintsova — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS; Leading Researcher of the Scientific Center of Labor Economics at Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>

odin_ev@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.Н. Бобков — разработка концепции статьи, обоснование социальных стандартов для определения размеров УБД, определение наиболее уязвимых категорий населения для выплаты УБД, выводы по результатам исследования.

И.Б. Колмаков — обзор разработанности проблемы, проведение экономико-математических расчетов.

В.И. Антипов — осуществление прогнозных экспериментов по влиянию выплаты УБД на модели P1-4-2(2022-8).

Е.В. Одинцова — обзор разработанности проблемы, обобщение прогнозных расчетов развития экономики России, определение наиболее уязвимых категорий населения для выплаты УБД.

Author's declared contribution:

V.N. Bobkov — developing the concept of the article, justification of social standards to determine the size of UBI, identifying the most vulnerable categories to UBI payments, conclusions from the results.

I.B. Kolmakov — review of the development of the problem, carrying out the economic and mathematical calculations.

V.I. Antipov — implementing predictive experiments on the impact of UBI payments on models P1-4-2(2022-8).

E.V. Odintsova — review of the development of the problem, generalization of forecasts of the development of the Russian economy, identification of the most vulnerable categories of the population for payment of UBI.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.07.2022; после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 20.08.2022.

The article was received on 15.07.2022; revised on 02.08.2022 and accepted for publication on 20.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-53-62
УДК 330.88(045)
JEL P51

СССР как экспериментальная экономическая лаборатория мира

Ю.П. Воронов

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

АННОТАЦИЯ

В хозяйственной практике СССР было выработано множество решений, востребованных за рубежом. Основным элементом советского опыта автор считает контроль деятельности топ-менеджеров, не обладающих правом собственности на бизнес. В статье обсуждаются методы обеспечения в СССР стабильности валюты, принципы единоначалия и персональной ответственности в управлении, формирование кадрового резерва и так называемой «номенклатуры». Такие советские разработки, как динамовский и липецкий методы, бригадный подряд и саратовская система, и сегодня применяются разными странами. На этом основании предлагается считать СССР объективно существовавшей экспериментальной экономической лабораторией мира.

Ключевые слова: СССР; стабильная валюта; стимулирование менеджеров; научная организация труда; Вологда индекс; номенклатура; кадровый резерв; нормирование труда; динамовский метод; бригадный подряд; саратовская система; липецкий метод

Для цитирования: Воронов Ю.П. СССР как экспериментальная экономическая лаборатория мира. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):53-62. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-53-62

ORIGINAL PAPER

The Soviet Union as the Pilot Economic Laboratory of the World

Yu.P. Voronov

Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, Novosibirsk, Russia

ABSTRACT

In the economic practice of the Soviet Union, many decisions were developed that were perceived in many countries. The main experiment, the author considers the work with hundreds of thousands of top managers who do not have the property rights to their business. This article discusses methods of ensuring currency stability in the Soviet Union – sole proprietorship and personal responsibility, the formation of a personnel reserve and the so-called “nomenclature”. Such Soviet developments as Dynamo and Lipetsk methods, brigade contract and Saratov system, and today are used by different countries. On this basis, it is proposed to consider the Soviet Union as an objective pilot economic laboratory of the world.

Keywords: Soviet Union; stable currency; manager stimulation; scientific organization of labor; Vologda index; nomenclature; personnel reserve; standardization of labor; Dynamo method; brigade contract; Saratov system; Lipetsk method

For citation: Voronov Yu.P. The Soviet Union as the pilot economic laboratory of the world. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):53-62. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-53-62

ВВЕДЕНИЕ

Даже во время существования СССР некоторые достижения советской хозяйственной практики были более известны за рубежом, чем внутри страны. В новых экономических условиях это уникальное наследие на Родине было почти полностью забыто, а экономисты, которые рассматривали советскую систему хозяйствования как одну из поучительных, оказались невостребованными.

Зарубежные исследования советского опыта можно разделить на три категории. Первая из них исходит из трактовки СССР исключительно как противника, вторая стоит на социалистических позициях и рассматривает опыт строительства экономики нового типа [1], а третья, свободная от идеологической предвзятости, изучает советские методы и приемы хозяйствования безотносительно разделения мира на две системы или два лагеря [2]. Для появления этой категории потребовался постепенный переход от интегрального восприятия советской хозяйственной системы как единого явления к анализу отдельных ее элементов. Именно такой подход выдерживается в настоящей работе при трактовке СССР как экспериментальной экономической лаборатории мира.

САМАЯ СТАБИЛЬНАЯ ВАЛЮТА

Большое количество исследований во всем мире было посвящено изучению механизма обеспечения низкой инфляции и стабильности цен в СССР. Для многих это выглядело парадоксом, загадкой: как на протяжении многих лет сохранять стабильность цен?

Отдельная часть этой общей загадки: как удалось в такой огромной стране провести денежную реформу раньше всех в послевоенном мире — уже в 1947 г.?

Общеизвестно, что в подавляющем числе государств стабильность денежной системы обеспечивается резервной валютой (ценными бумагами с гарантированной доходностью, которые не являются средствами платежа). Если денег в обращении мало, резервная валюта выкупается уполномоченными государственными структурами, если много — продается резидентам, и тем самым сокращается масса денег в обращении. Классический пример резервной валюты — казначейские обязательства США.

Ни в Российской империи, ни в Советском Союзе, а впоследствии — и в рыночной России не удавалось создать нормальную резервную валюту. Причина всегда была одна — недоверие к обязательствам государства. Размещение облигаций государственного займа в СССР шло всегда с помощью администра-

тивных мер с партийно-идеологическим оттенком. Государственные ценные бумаги РФ довели страну до дефолта в 1998 г.

Однако в ходе формирования административной системы регулирования денежного обращения в Советском Союзе было придумано немало приемов, которые в других странах используются, когда усиливается недоверие к государственной власти.

Впрочем, первый из них — явное заимствование из практики США, где в конце 1913 г. была создана Федеральная резервная система, выполняющая функции центрального банка (Federal Reserve System, ФРС) — объединение 12 федеральных резервных банков, формально частных, расположенных в крупнейших городах и распределенных по всей стране. А в конце 1921 г. был создан Государственный банк РСФСР, менее чем через два года преобразованный в Госбанк СССР. Он перенял от ФРС идею пространственного распределения деятельности эмиссионных банков.

Всего в СССР было выпущено 70 внутренних облигационных займов, из них 65 — до 1957 г., т.е. в среднем примерно два займа в год. В литературе функция этих займов чаще всего трактуется как привлечение средств населения для решения конкретных народнохозяйственных проблем, а во время войны — для нужд фронта. Но несомненно, что с помощью этого оригинального варианта резервной валюты производилось регулирование денежного обращения. Главное отличие от зарубежной практики — фактически принудительное размещение ценных бумаг. Принуждение велось через идеологию, пропаганду и напрямую — как обязательное приобретение облигаций для некоторых категорий граждан.

Еще один элемент советской системы стабилизации валюты состоял в разделении наличного и безналичного обращения. Безналичным оборотом разрешено было пользоваться только юридическим лицам. Гражданам — только наличными деньгами. Рецидивы этой системы разделения платежей сохранились до сих пор. В той или иной (облегченной) форме такое разделение присутствует во всех странах мира.

Помимо этого, существовало разделение кредитных денег на «длинные» и «короткие». Для этого потребовалось отделить от банков, предоставляющих коммерческие кредиты, банки долгосрочного кредитования (БДК). Они предоставляли кредиты на большие сроки и под существенно меньшим процентом. Но чтобы желающие обогатиться не сделали из «длинных» денег «короткие», требовалась хорошо работающая система неотвратимых суровых наказаний, а следовательно, жесткая власть в целом. В кредитной сфере

это разделение совершенствовалось в ходе реформ 1928 и 1931 гг.

Уникальным изобретением советской системы стабилизации валюты было регулярное составление общесоюзных и региональных балансов денежных доходов и расходов населения. Такие балансы позволяли оценивать массу наличных денег, находящихся в обращении, и принимать решения о необходимости ее увеличения или сокращения. Функция балансов состояла и в том, чтобы население не накапливало наличные деньги у себя, что способствовало долгосрочной стабильности валюты.

Наряду со всем вышеперечисленным, еще одним элементом стабилизации рубля было использование многочисленных «рационализаторских» приемов, исходивших как из центра, так и с мест.

Вот один из примеров. В какой-то момент старый норматив, предъявляемый к кассовым помещениям, отменяется и вместо него устанавливается новый, заведомо более жесткий. Допустим, арматура в стенах должна быть толщиной не 14 мм, как раньше, а 18 мм. Постановление об этом может быть даже регионального уровня, но чаще — общее для страны. На этом основании все наличные деньги, предназначенные на оплату труда, из кассы предприятия изымаются в банк — до тех пор, пока касса не будет соответствовать новым требованиям. Таким образом сокращалось количество денег, находящихся в обращении. Информации о заимствовании в том или ином виде приемов обеспечения стабильности советской валюты в каких-либо странах найти не удалось, но, несомненно, вся система в целом может расцениваться как масштабный эксперимент.

С 1937 по 1950 г. курс советского рубля был привязан к курсу доллара. В феврале 1950 г. Центральное статистическое управление СССР получило срочное задание от И.В. Сталина рассчитать покупательную способность рубля. У статистиков получилось 14 руб. за доллар (при курсе до реформы 1947 г. — 53 руб.). Это Сталина не устроило, и он приказал перевести рубль на постоянную золотую базу, что и было сделано Постановлением Совета министров СССР от 28.02.1950 г. золотое содержание рубля устанавливалось в 0,222168 г чистого золота, а сбытовая цена грамма золота — в 4,45 руб. Этот неудачный эксперимент, который в конце концов окончился со смертью вождя, лишь еще раз подтверждает, что СССР был экспериментальной экономической базой мира. При внимательном отношении к советским экспериментам их можно было бы и не повторять.

СПОСОБЫ КОНТРОЛЯ ЗА ТОП-МЕНЕДЖЕРАМИ

Страна без частной собственности на средства производства подарила миру огромное количество менеджеров, не имеющих права на то, чем они управляют. Этот опыт оказался бесценным для крупных компаний [3]. Однако в начале 1940-х гг. появилась традиция рассматривать эту проблему в сугубо теоретическом контексте, как единую для всего мира [4], и с тех пор такой подход является преобладающим.

Но возможна и совершенно иная трактовка этого явления — как своеобразной экспериментальной ситуации, предвещающей массовое распространение наемных управляющих по всему миру, перехода от преобладания семейного бизнеса к «революции менеджеров».

В разные периоды в СССР действовали различные системы стимулирования менеджеров. Сначала было поощрение «за выполнение плана». В этом было что-то романтическое — казалось, что план всеобъемлющ, что он учитывает все обстоятельства деятельности предприятия. Впоследствии появилась обширная литература о главном недостатке этого метода — стремлении к ненапряженным планам.

Следующим этапом были поощрения «от достигнутого». Директора государственного предприятия оценивали по тому, насколько результаты работы в период его деятельности отличаются от результатов предшествующего периода. Именно этот подход чаще всего применяется в зарубежной практике стимулирования топ-менеджеров, несмотря на известные недостатки. Развитием этого метода в информационную эпоху является ведение досье на каждого топ-менеджера, где выделены не только его последние достижения, но и все предыдущие. Ориентация на разовое продвижение «от достигнутого» замещается фиксацией постоянных успехов менеджера, но также «от достигнутого».

НОМЕНКЛАТУРА, КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ

Все крупнейшие компании мира сегодня проводят конкурсы и испытания для поступающих к ним на работу. Довольно часто целью таких процедур является не поиск сотрудников на конкретные рабочие места, а формирование кадрового резерва на ближайшую и отдаленную перспективу.

Такой подход зародился в СССР, где существовало понятие «номенклатура». Основная функция номенклатуры — формирование кадрового резерва для занятия ключевых постов в советской системе

управления и хозяйствования, а также — контингента руководителей, которым можно доверить управление производством, редакцией крупной газеты или серьезную должность в органах партии, государственной власти.

У рядовых советских граждан отношение к номенклатуре было ироничным, а зачастую и негативным. В публикациях и телепередачах времен СССР эта идея нередко высмеивалась на примерах того, как директора бани переводили на руководство филармонией и пр. Тем не менее сейчас, спустя десятилетия, мы видим, что это была вынужденная и по-своему эффективная необходимость не только в критических условиях послереволюционной Советской России. Время показало, что в идее кадрового резерва много полезного.

Сегодня система подготовки резерва государственных служащих работает в США и многих странах Европы. В бизнесе несомненным образцом формирования кадрового резерва (внутренней номенклатуры) является компания «Бритиш петролеум». Каждое отделение компании имеет свой состав номенклатуры, для каждого ее члена разрабатывается программа индивидуального развития, реализуемая под контролем и с помощью непосредственных руководителей и т.д.

Первое, не отягощенное исходными теоретическими предпосылками исследование номенклатуры появилось в конце 1970-х гг., а серьезные работы — только в 1990-е гг. [5]. Сегодня как эмпирические, так и теоретические исследования по этой тематике ведутся в основном за рубежом. Из российских публикаций последних лет представляется интересной работа Г.Л. Тульчинского, который на примере постсоветской номенклатуры показал, что принадлежность к ней может стать дестимулирующим фактором, не требующим постоянного сохранения на высоком уровне профессионализма [6].

ЕДИНОНАЧАЛИЕ

В ряде зарубежных исследований отмечалось, что права директора советского предприятия были существенно шире, чем у топ-менеджера европейской или американской фирмы [7]. Государство-собственник в меньшей степени контролировало его деятельность, чем акционеры частной зарубежной компании. «Несмотря на формальную централизацию, директор предприятия в России (Советском Союзе), как представляется, был более успешным в построении своей собственной империи, чем его двойник в гигантской американской корпорации» [8]. В зарубежной практике у топ-менеджера могло не быть

прав собственности (или он являлся миноритарием), но в этом случае контроль за ним только усиливался.

Иное дело — «красный» директор. Чем меньше он был финансово связан с руководимым предприятием, тем большим доверием пользовался. Принципиальным моментом советской системы управления была персональная ответственность, причем она не могла быть имущественной, поскольку ни один из руководителей не обладал таким имуществом, какое могло бы компенсировать его возможную управленческую ошибку.

Вообще, по представлениям зарубежных исследователей, личные отношения на 90% определяли успех для советского (а потом и российского) менеджера [9]. Они зачастую были даже формализованы внутри управленческой структуры.

Так, на каждом советском предприятии на верхнем уровне управления формировались две «тройки» — некий аналог совета директоров, обычного для зарубежной практики [10]. Члены первой «тройки», ориентированной на производственно-экономическую деятельность, — директор, главный инженер и главный бухгалтер — должны были испытывать друг к другу личное доверие, поскольку ни у одного из них не было имущественных интересов в руководимом предприятии. Еще более сплоченной должна была быть вторая «тройка», ориентированная на работу с кадрами: директор, секретарь парткома и председатель комитета профсоюза (иногда к ним примыкал секретарь комитета комсомола).

С разрушением советской системы управления уход одного персонажа из второй «тройки» и резкое увеличение нагрузки на главного бухгалтера нарушили баланс двух «троек» и казавшееся естественным разделение их функций.

ВОЛОГДА ИНДЕКС

Этот показатель инфляции, введенный в Советской России в 1922 г., был больше известен за рубежом. Даже в настоящее время с ним знакомы лишь немногие (преимущественно, зарубежные) специалисты.

Как известно, цель построения коммунизма — создание общества, в котором соблюдался бы принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Отчасти этот принцип стараются соблюдать и в настоящее время, рассматривая потребности как основание для определения минимальной заработной платы.

Например, в Москве по договору между рабочими и владельцем Трехгорной мануфактуры в сентябре

1917 г. были установлены такие нормы для расчета их заработной платы: на месяц было положено хлеба черного и белого — 34 кг, сахара — 1,6 кг, чая — 140 г, капусты — 7,2 кг, картофеля — 16,5 кг, макарон и круп — по 3,6 кг, масла постного — 900 г., коровьего — 450 г., 680 г. сыра и 1,8 кг соли, а также 15 штук яиц и 66 огурцов. Рабочий комитет требовал включить в норму 270 г мяса в день, но вопрос так и оказался открытым, т.е. не был утвержден голосованием [11]. Помимо одежды и белья (на год: блуза, брюки рабочие, две рубашки, 2,25 полотенца, 1 простыня, 2,5 наволочки, по две пары носков, портянок и кальсон; на два года: 2 пары сапог, 6 пар подметок, фуражка и варежки; на три года: теплый пиджак и брюки; на четыре года: пальто и шапка и т.д.), были предусмотрены расходы на баню, стирку, стрижку и бритье, чистку сапог и культурно-просветительские цели. Закладывались в расчеты даже затраты «на убой посуды» и «убой домашней обстановки» и непредвиденные расходы.

Производительность труда не соответствовала зарплате. Октябрьская революция ситуацию не изменила. В течение десятилетия после нее разрыв между производительностью и зарплатой увеличивался. Только за 1922–1923 гг. удвоилась заработная плата в металлургической, полиграфической, бумажной отраслях, в 2,4 раза — в кожевенной, в 2,2 раза — в текстильной, в 1,8 раза — в пищевой, в 1,6 раза — в химической [12]. По результатам некоторых исследований, объяснялось это исключительно инфляцией [13].

В этих условиях по требованию вологодского профсоюза работников молочной промышленности в 1923 г. был введен индекс, по которому следовало увеличивать (индексировать) заработную плату, исходя из темпов инфляции. В мировую науку и практику он попал как «Vologda Index», по месту своего происхождения.

В корзину для расчета минимальной оплаты труда включались только продукты питания, состав которых различался в разных частях страны. Важно, что по каждой позиции цена считалась так, будто половину данного продукта работник купил в государственном магазине по фиксированным (контролируемым) ценам, а половину — на рынке, по коммерческим ценам, которые могли быть выше в 4–5 раз [14].

Vologda Index положил начало широкому спектру показателей, по которым индексируется зарплата в мировой хозяйственной практике. Актуальность в таком обновленном показателе ощущается в России и в настоящее время. Да и в целом по миру при определении уровня цен было бы разумно использовать идею этого индекса о средней цене покупок в разных

розничных сетях, которые в настоящее время имеют разные ценовые диапазоны.

Нужно особо отметить, что в самой идее платить не за выполненную работу, а с целью обеспечения приемлемых условий жизни, содержится нечто принципиально советское. Именно этот принцип был внедрен в экономику всех стран мира.

НОРМИРОВАНИЕ И НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

В советское время вплоть до конца 1980-х гг. была популярна аббревиатура НОТ — научная организация труда. Это был комплекс взаимосвязанных мероприятий, улучшающих производственный процесс. По некоторым данным, сам термин НОТ появился в 1960 г. [15]. Но отдельные элементы и подходы существовали еще в период военного коммунизма, многие советские деятели, включая В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, находились под впечатлением от тейлоризма. Последний, в частности, пытался внедрить НОТ в работу трудовых армий, ссылаясь при этом на приехавшего из США в качестве консультанта инженера Келли [16].

Ключевым в НОТ было нормирование труда, теоретически и практически проработанное в СССР больше, чем где-либо еще. Использовались два метода нормирования: опытно-статистический и аналитический (причем на практике постоянно стремились заменить первый вторым). В опытно-статистическом методе не было поэлементного анализа операций, он базировался на данных о фактических прошлых затратах времени и труда на аналогичную работу.

При аналитическом методе каждая производственная операция раскладывается на элементы, устанавливается связь продолжительности каждого из них в зависимости от внешних факторов, определяется, какие факторы нужно изменить, чтобы сократить время их выполнения. И, наконец, проектируется оптимальный состав элементов каждой операции и всей совокупности. Полученные нормы на выполнение каждой операции считались научно обоснованными.

Существовал предельно затратный вариант аналитического метода нормирования, так называемый метод хронометража, когда рядом с работником стоял нормировщик и фиксировал продолжительность каждой операции. Он не получил распространения на практике из-за своей дороговизны и широкого использования аппаратных производств, где продолжительность операций определяется оборудованием и нормами технологического процесса. Гораздо чаще

в рамках НОТ применялся аналитический расчетный метод — без хронометража, опирающийся на утвержденные межотраслевые, отраслевые или местные нормативы. Нормы труда подлежали обновлению при регулярном плановом снижении трудоемкости продукции.

За рубежом это направление считалось «ультра-тейлоризмом» и связывалось с именем А.К. Гастева, который возглавлял Центральный институт труда (ЦИТ) в 1920–1930 гг., что, на мой взгляд, не верно. Существенно ближе к трудам А.К. Гастева [17] концепция социального руководства Э. Мэйо с его так называемыми хотторнскими экспериментами и подходы Генри Форда, с которым А.К. Гастев состоял в переписке.

Для ЦИТ экономика страны была единой производственной структурой. При нем был создан центр подготовки кадров «Установка», имевший статус акционерного общества, который готовил инструкторов по научной организации труда, нормировщиков, учетчиков и специалистов ОТК, а также рабочих высокой квалификации, обладающих навыками НОТ. В АО «Установка» за время его существования прошли обучение более полумиллиона человек по 200 профессиям, в том числе 20 тыс. инструкторов НОТ. Учебные программы были рассчитаны на несколько месяцев. Подобные институты повышения квалификации сейчас существуют во многих ведущих компаниях мира.

Еще один классик НОТ — П.М. Керженцев — по многим вопросам придерживался иной точки зрения, чем А.К. Гастев. Так, например, он явно подчеркивал, что наряду с повышением производительности труда нужно увеличивать его интенсивность, считая (опираясь на результаты исследований), что интенсификация труда не обязательно связана с ухудшением физического состояния работника.

Благодаря П.М. Керженцеву мировая наука и практика получили три направления в организации труда, которые успешно развиваются и в наше время. Первое из них сейчас называется «эргономика» — наука о рациональных движениях человеческого тела во время работы. К сожалению, вклад в эту науку П.М. Керженцева, во многом определившего ее будущее развитие, практически не упоминается в современных учебниках.

Второе направление имело своим предметом экономию рабочего времени и состояло в правильном планировании распорядка каждого работника — от управленца до рабочего [18]. Спустя десятилетия оно стало называться тайм-менеджментом и вернулось в нашу страну уже как зарубежный опыт.

Третье направление состояло в массовом привлечении работников всех уровней к научной организации труда. Керженцев организовал массовую общественную организацию «Лига времени», фактически первое общественное движение, направленное на улучшение организации труда [19]. Деятельность членов Лиги была добровольной и неоплачиваемой. Все это происходило задолго до появления японских «кружков качества».

К числу других видных теоретиков и исследователей НОТ относятся О.А. Ерманский, Е.Ф. Розмирович, Н.А. Витке и другие ученые, труды которых внимательно изучались их современниками во многих странах мира.

ДИНАМОВСКИЙ МЕТОД

Повышение производительности труда в Советском Союзе трактовалось исключительно как снижение трудоемкости продукции, поэтому шел процесс постоянного повышения норм выработки и регулярной переаттестации рабочих мест. Примечательно, что, вопреки декларациям, планы повышения норм выработки были слабо связаны с новой техникой, технологиями, организацией производства или труда. Календарный план замены и пересмотра нормативов согласовывался с профсоюзом, утверждался директором предприятия и включался в коллективный договор до начала следующего года.

На предприятиях с конца 1970-х гг. дополнительно к сложившейся практике стали создаваться общественные бюро нормирования, в которые входили наиболее опытные рабочие. На бурных обсуждениях в этих бюро определялись те нормы, по которым, по мнению рабочих, можно было срезать время выполнения. Такое повышение производительности происходило главным образом за счет роста напряженности труда на уже имеющемся оборудовании.

Естественным продолжением такой практики стал так называемый «динамовский метод». В упрощенном изложении его идея состояла в том, чтобы отдельный рабочий принял на себя обязательство по повышению производительности своего труда. В ответ ему повышали зарплату сразу после этого официального обещания.

Судьба метода в мире оказалась причудливой. В 2007 г. шведскими инженерами был разработан метод DYNAMO++. В его рамках стимулирование рабочих на сборочной линии происходило путем оптимального перераспределения функций между человеком и автоматикой [20], но в нем была идея

динамовского метода. Рабочий должен согласиться на новое распределение функций между ним и конвейером и фактически — на будущее повышение производительности труда [21].

БРИГАДНЫЙ ПОДРЯД (ЩЕКИНСКИЙ МЕТОД)

В 1970-е гг. в СССР, как пионер нового метода стимулирования, прославился Герой Социалистического Труда Николай Злобин, бригадир управления «Зеленоградстрой». Метод впоследствии был назван щекинским — в честь города Щекино, где он изначально появился, но известен также как злобинский, по имени инициатора, или как «бригадный подряд». Согласно этому методу бригада вместо привычных нарядов получала план-задание на весь год, в котором прописывались все виды работ, сроки их выполнения, фонд заработной платы и общая сумма поощрений.

Бригада брала обязательство выполнять работы с высоким качеством и в установленные сроки, администрация гарантировала снабжение материалами и оборудованием по графику. Текущие выплаты заработной платы трактовались как своего рода аванс, а полная оплата производилась по конечным результатам. При таком подходе рабочие выполняли задания с более высокой производительностью и более низкой себестоимостью. Недостаточная эффективность метода объяснялась тем, что свои обязательства зачастую не выполняла администрация [22].

Щекинский метод подробно исследовался за рубежом: и советологами [23], и специалистами по менеджменту [24]. Но практическое внедрение метода в большей степени произошло в Азии, а не в Европе или Северной Америке. Возможно, причины этого — в совпадающих элементах общинного менталитета.

САРАТОВСКАЯ СИСТЕМА

Малоизвестная у нас сейчас Saratov system была популярна в стране и мире более полувека назад и внедряется за рубежом до сих пор. Появилась она на Саратовском авиационном заводе в 1955 г. и полностью называлась «Система бездефектного изготовления продукции и сдачи ее ОТК и заказчику с первого предъявления». Часто ее заменяли аббревиатурой БИП, что было тогда понятно большинству производителей.

На завод пришел новый директор, и в первом его приказе по авиазаводу было всего два пункта:

«1) отделу технического контроля прекращать приемку партии изделий после обнаружения пер-

вого найденного дефекта и возвращать всю партию предъявителю;

2) работникам, сдающим продукцию с первого предъявления, платить премию в размере 50% от основной заработной платы».

Этот радикальный вариант впоследствии не прижился. В более облегченном и распространенном на всю страну варианте любому работнику предоставлялась возможность получить собственную печать качества и сдавать изготовленные им изделия или детали в отдел технического контроля (ОТК) или заказчику «с первого предъявления». Работникам с личным клеймом к обычной премии выплачивалось от 5 до 10% оклада или сдельного (годового) заработка.

Система организации бездефектного производства продукции распространялась по промышленным предприятиям, и в 1979 г. был принят отраслевой стандарт ОСТ 141725–78, который действует и в настоящее время в Российской Федерации (последний раз он актуализирован 1 января 2018 г.¹).

За рубежом Saratov system больше известна под названием «нуль-дефект» (zero defect, ZD). Ее начали изучать еще во времена СССР. Так, американское общество по контролю качества отмечало, что саратовская система широко распространяется по всем странам восточного блока². Правда, ее истоки восходят к практике чехословацкой обувной фирмы Bata, введенной еще до Второй мировой войны.

У саратовской системы были клоны: львовский, ярославский, краснодарский и горьковский. Львовская система бездефектного труда была разработана и внедрена на Львовском заводе телеграфной аппаратуры в 1961 г.³ Ярославский вариант под названием НОРМ появился в 1964 г. на Ярославском моторном заводе. Работники гарантировали, что выпущенный мотор проработает столько, сколько запланировано. Метод на родине его рождения применяется до сих пор [25]. Более поздний краснодарский вариант (1980 г.)

¹ ОСТ 141725–78 Отраслевая система управления качеством продукции. Система управления качеством продукции на промышленном серийном предприятии, объединении. Организация бездефектного изготовления продукции и сдачи ее ОТК и заказчику с первого предъявления. Основные положения.

² Annual Technical Conference Transactions (1978). Vol. 32. P. 218–219. American Society for Quality Control.

³ Львовский вариант был освещен в журнале «Стандарты и качество» в 1976 г. Номер журнала, переведенный на английский язык, находится в библиотеке Калифорнийского университета (Беркли), с августа 2008 г. доступен в электронном формате на сайте университета.

ввел в саратовскую систему планы по повышению качества продукции.

В Горьковской области в 1958 г. была создана система КАНАРСПИ (качество, надежность, ресурс с первых изделий), ориентированная, прежде всего, на конструкторов и проектировщиков. Разработал ее главный инженер Горьковского авиастроительного завода «Сокол» Т. Ф. Сейфи при запуске и серийном производстве самолетов МиГ-19 и МиГ-21. Он распространил систему управления качеством на процесс проектирования и технологической подготовки производства с тем, чтобы уже с первых образцов выпускать надежные самолеты. Разработчики их брали на себя обязательство исключить или свести к минимуму исправление дефектов в серийном производстве, за что им повышали зарплату.

Спустя 7 лет после появления, в 1962 г., подобные системы начали внедряться в ГДР и ФРГ, Польше, США, Японии и других странах. В каждой из них они приобретали свои специфические формы, но их истоки находились на Саратовском авиационном заводе.

ЛИПЕЦКИЙ МЕТОД

Так назывался метод организации производства в строительстве. Он состоял в том, что каменщик не должен был отвлекаться на вспомогательные работы: подготавливать раствор, накладывать его на стену и разравнивать, поднимать с пола кирпичи и т.п. Он должен был стоять непосредственно перед местом укладки и ждать, когда два подсобника вложат ему в каждую руку по кирпичу.

Широкого распространения в Советском Союзе метод не получил, но в США он внедрялся именно как Lipetzki method. Более широко известен не сам метод, а липецкая кладка, которая стала эффективной при использовании данного метода организации работ. При ней идут три ложковых ряда без перевязки, а пространство между кирпичами внешнего и внутреннего рядов заполняется раствором и битым кирпичом. Далее идет один тычковый ряд. Такая кладка упрощает действия каменщика и загружает подсобников забутовкой.

Появилась липецкая кладка в Липецке в 1960-е гг., в начале массового строительства «хрущевок» из силикатного кирпича без штукатурки. Для нее не требовались кирпичи в три четверти, необходимые для перевязки. Одной из причин ее возникновения как раз и было начало применения в строительстве силикатного кирпича, который трудно ровно расколоть. По этим же причинам, скорее всего, она распространялась за пределами СССР, преимущественно в странах Восточной Европы.

ВЫВОДЫ

Перечисленные выше новации были органично вписаны в советскую хозяйственную систему. Противопоставление двух систем всегда имело мощную идеологическую составляющую, которая не допускала исследования их общих черт.

Должно было пройти время, чтобы в спокойной обстановке утихшей идеологической борьбы вычленять их как особые элементы хозяйственных механизмов. На мой взгляд, это время пришло.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство: Теоретические мысли по поводу русского опыта. М.: Стрелец; 1999. 96 с.
2. Sutela P. Economic thought and economic reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press; 1991. 197 p.
3. Berl A.A., Jr., Means G.C. The modern corporation and private property. New York: Harcourt, Brace & World Inc.; 1967. 380 p.
4. Burnham J. The managerial revolution: What is happening in the world. New York: The John Day Co.; 1941. 285 p.
5. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; 1991. 624 с.
6. Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-советски. Публичная политика-2013. Сб. ст. СПб.: Норма; 2014:145–149.
7. Granick D. Managerial comparisons of four developed countries: France, Britain, United States, and Russia. Cambridge, MA: The MIT Press; 1972. 394 p.
8. Granick D. The red executive: A study of the organization man in Russian industry. Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc.; 1960. 294 p.
9. Salmi A. The Russian networks in transition: Implications for managers. *Industrial Marketing Management*. 1996;25(1):37–45. DOI: 10.1016/0019–8501(95)00039–9

10. Kusnezova N. Roots and philosophy of Russian entrepreneurship. *Journal for East European Management Studies*. 1999;4(1):45–72.
11. Шильникова И.В. Социальные факторы мотивации труда рабочих-текстильщиков в годы первой пятилетки (по архивным материалам Трехгорной мануфактуры). *Исторический журнал: научные исследования*. 2014;(5):592–600. DOI: 10.7256/2222–1972.2014.5.14671
12. Ильюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН; 2010. 415 с.
13. Ульянова С.Б. История трудовых отношений. СПб.: Нестор; 2003. 76 с.
14. Wollenberg E. Wages and prices in the Soviet Union. *New Internationalist*. 1936;3(3):70–72.
15. Якобсон А.Я., Бацун Н.В., Перфильева А.И. История управленческой мысли. Иркутск: ИрГУПС; 2012. 56 с.
16. Hughes T.P. How America helped build the Soviet machine. *American Heritage*. 1988;39(8):24–28.
17. Гастев А.К. Трудовые установки. 2-е изд. М.: Экономика; 1973. 341 с.
18. Керженцев П.М. Борьба за время. М.: Экономика; 1965. 110 с.
19. Керженцев П.М. Принципы организации. Избр. произведения. М.: Экономика; 1968. 464 с.
20. Fasth Å., Stahre J., Bruch J., Dencker K., Lundholm T., Mårtensson L. Designing proactive assembly systems (ProAct) — Criteria and interaction between automation, information, and competence. *Asian International Journal of Science and Technology in Production and Manufacturing Engineering. (AIJSTPME)*. 2009;2(4):1–13.
21. Granell V., Frohm J., Bruch J., Dencker K. Validation of the Dynamo methodology for measuring and assessing levels of automation. In: Proc. 1st Swedish production symp. (Göteborg, August 28–30, 2007). URL: <https://www.researchgate.net/publication/313369027>
22. Кирсанов Р.Г. Проблемы внедрения новых методов организации труда в СССР в 1970-е годы. *Обозник*. 25.04.2017. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=53473>
23. Slider D. The brigade system in Soviet industry: An effort to restructure the labour force. *Soviet Studies*. 1987;39(3):388–405. DOI: 10.1080/09668138708411701
24. Rutland P. The shchekino method and the struggle to raise labour productivity in Soviet industry. *Soviet Studies*. 1984;36(3):345–365. DOI: 10.1080/09668138408411538
25. Васильева Е. Сам себе контролер: обзор инструмента «приемка первой годной детали» на Ярославском моторном заводе. *Управление производством*. 28.02.2018. URL: https://up-pro.ru/library/quality_management/smk_methodology/priemka-pevoj-detali/

REFERENCES

1. Brutskus B.D. Socialist economy: Theoretical thoughts on the Russian experience. Moscow: Strelets; 1999. 96 p. (In Russ.).
2. Sutela P. Economic thought and economic reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press; 1991. 197 p.
3. Berl A.A., Jr., Means G.C. The modern corporation and private property. New York: Harcourt, Brace & World Inc.; 1967. 380 p.
4. Burnham J. The managerial revolution: What is happening in the world. New York: The John Day Co.; 1941. 285 p.
5. Voslensky M.S. Nomenklatura: The ruling class of the Soviet Union. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1991. 624 p. (In Russ.).
6. Tul'chinskii G.L. Revolution of managers in the Soviet way. In: Public policy-2013. Coll. pap. St. Petersburg: Norma; 2014:145–149. (In Russ.).
7. Granick D. Managerial comparisons of four developed countries: France, Britain, United States, and Russia. Cambridge, MA: The MIT Press; 1972. 394 p.
8. Granick D. The red executive: A study of the organization man in Russian industry. Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc.; 1960. 294 p.
9. Salmi A. The Russian networks in transition: Implications for managers. *Industrial Marketing Management*. 1996;25(1):37–45. DOI: 10.1016/0019–8501(95)00039–9
10. Kusnezova N. Roots and philosophy of Russian entrepreneurship. *Journal for East European Management Studies*. 1999;4(1):45–72.

11. Shil'nikova I.V. Social factors of labor motivation of textile workers in the years of the first five-year plan (based on archival materials of Trekhgornaya Manufactory). *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2014;(5):592–600. (In Russ.). DOI: 10.7256/2222–1972.2014.5.14671
12. Il'yukhov A.A. How the Bolsheviks paid: The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941. Moscow: ROSSPEN; 2010. 415 p. (In Russ.).
13. Ul'yanova S.B. History of labor relations. St. Petersburg: Nestor; 2003. 76 p. (In Russ.).
14. Wollenberg E. Wages and prices in the Soviet Union. *New Internationalist*. 1936;3(3):70–72.
15. Yakobson A. Ya., Batsyun N.V., Perfil'eva A.I. History of managerial thought. Irkutsk: Irkutsk State Transport University; 2012. 56 p. (In Russ.).
16. Hughes T.P. How America helped build the Soviet machine. *American Heritage*. 1988;39(8):24–28.
17. Gastev A.K. Labor arrangements. 2nd ed. Moscow: Ekonomika; 1973. 341 p. (In Russ.).
18. Kerzhentsev P.M. Fight for time. Moscow: Ekonomika; 1965. 110 p. (In Russ.).
19. Kerzhentsev P.M. Organization principles: Selected works. Moscow: Ekonomika; 1968. 464 p. (In Russ.).
20. Fasth Å., Stahre J., Bruch J., Dencker K., Lundholm T., Mårtensson L. Designing proactive assembly systems (ProAct) — Criteria and interaction between automation, information, and competence. *Asian International Journal of Science and Technology in Production and Manufacturing Engineering. (AIJSTPME)*. 2009;2(4):1–13.
21. Granell V., Frohm J., Bruch J., Dencker K. Validation of the Dynamo methodology for measuring and assessing levels of automation. In: Proc. 1st Swedish production symp. (Göteborg, August 28–30, 2007). URL: <https://www.researchgate.net/publication/313369027>
22. Kirsanov R.G. Problems of introducing new methods of labor organization in the USSR in the 1970s. *Oboznic*. Apr. 25, 2017. URL: <http://www.oboznic.ru/?p=53473> (In Russ.).
23. Slider D. The brigade system in Soviet industry: An effort to restructure the labour force. *Soviet Studies*. 1987;39(3):388–405. DOI: 10.1080/09668138708411701
24. Rutland P. The shchekino method and the struggle to raise labour productivity in Soviet industry. *Soviet Studies*. 1984;36(3):345–365. DOI: 10.1080/09668138408411538
25. Vasil'eva E. Your own controller: An overview of the “acceptance of the first good part” tool at the Yaroslavl Motor Plant. *Upravlenie proizvodstvom*. Feb. 28, 2018. URL: https://up-pro.ru/library/quality_management/smk_methodology/priemka-pevoj-detali/ (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Петрович Воронов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории моделирования и анализа экономических процессов, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

Yuri P. Voronov — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Laboratory for Modelling and Analysis of Economic Processes, Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, Novosibirsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7835-5827>

corpus-cons@ngs.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.06.2022; после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 12.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 06.06.2022; revised on 20.07.21 and accepted for publication on 12.08.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-63-74
УДК 331:304(045)
JEL J24

Вопросы воспроизводства человеческого потенциала в условиях новых вызовов

Г.Л. Подвойский

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет. В статье рассматривается эволюция теории человеческого развития под эгидой Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), а также факторы, влияющие на воспроизводство человеческого потенциала.

Цели. Сравнение понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», существующих инструментов их оценки. Анализ особенностей развития человеческого потенциала России и возможностей его приращения.

Методология. В работе применяются методы количественного анализа и межстрановых сопоставлений, системный подход при изучении компонентов человеческого потенциала.

Результаты. Автор сопоставил содержание терминов «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», которые имеют много общих содержательных элементов, поэтому в практической деятельности могут использоваться как синонимы. При анализе динамики развития человеческого потенциала в России выделены слабые и сильные стороны этого процесса с использованием показателей Индекса человеческого развития ПРООН, Индекса человеческого капитала Всемирного банка и Глобального индекса человеческого капитала Всемирного экономического форума (ВЭФ). Отставание России от развитых стран по отдельным компонентам человеческого потенциала требует проведения активной демографической политики, модернизации здравоохранения и образования, пенсионной сферы и социальной помощи, развития культуры, формирования эффективного рынка труда и инновационной экосистемы.

Перспективы. В целях повышения эффективности мер по активному воспроизводству человеческого потенциала необходимо продолжить усовершенствование инструментов оценки его компонентов, которые должны в большей степени соответствовать современным требованиям технологического уклада быстро меняющейся экономики.

Ключевые слова: человеческий потенциал; человеческое развитие; человеческий капитал; образовательный процесс; мотивация инновационной деятельности; трудовой потенциал; стоимость человеческой жизни

Для цитирования: Подвойский Г.Л. Вопросы воспроизводства человеческого потенциала в условиях новых вызовов. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):63-74. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-63-74

ORIGINAL PAPER

Human Potential Reproduction in the Context of New Challenges

G.L. Podvoisky

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

Subject. The article considers the evolution of human development theory under the auspices of the United Nations Development Programme (UNDP), and the factors influencing human potential reproduction.

Purposes. To compare the concepts of “human potential” and “human capital”, existing tools for their assessment. Analysis of the specific features of Russia’s human potential development and possibilities of its increase.

Methodology. In the article are used methods of quantitative analysis and cross-country comparisons, a systematic approach in the study of components of human potential.

Results. The author compared the content of the terms “human potential” and “human capital”, which have many common meaningful elements, therefore they can be used in practice as synonyms. The analysis of human development dynamics in Russia highlighted the weaknesses and strengths of this process using the UNDP Human Development Index, Human Capital Index from the World Bank, and Global Human Capital Index from the World Economic Forum (WEF). Russia’s lagging behind developed countries in some human development components requires an active demographic policy,

© Подвойский Г.Л., 2022

modernization of health care and education, pensions and social assistance, development of cultural, formation of an efficient labor market and an innovation ecosystem.

Prospects. To improve the efficiency of measures aimed at the active reproduction of human potential it is necessary to continue improving the tools for estimating its components, which should be better aligned with the modern requirements of a rapidly changing technological structure of the economy.

Keywords: human potential; human development; human capital; educational process; motivation for innovation; labour potential; cost of human life

For citation: Podvoisky G.L. Human potential reproduction in the context of new challenges. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):63-74. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-63-74

ВВЕДЕНИЕ

В конце прошлого века Человеческий потенциал (ЧП) был признан мировым сообществом главным фактором формирования инновационной экономики, движущей силой устойчивого развития и прогресса человечества. В России на государственном уровне он объявлен главным стратегическим ресурсом инновационного роста на основе новых технологий.

В рамках современной экономической парадигмы развитие ЧП выступает одним из главных условий повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Господствовавшее в практике общественного производства до второй половины 1980-х гг. представление о главенствующей роли экономического роста в качестве меры прогресса стало отходить на второй план (но далеко не изжито), когда широкое признание получили исследования в рамках подхода, основанного на принципах человеческого развития. Его авторы исходили из понимания того, что экономический рост, измеряемый объемом материальных благ и услуг, это не конечная цель деятельности, а всего лишь средство повышения качества жизни людей.

В итоге эксперты Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), работавшие над теорией человеческого развития, в 1990 г. опубликовали свой первый «Доклад о развитии человеческого потенциала» (ДРЧП). В нем представлен Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который с тех пор рассчитывается ежегодно на региональном, национальном и международном уровнях.

Это комплексный усредненный показатель уровня и качества жизни человека в той или иной стране или регионе, который измеряет их достижения по трем основным подындексам:

- Индекс ожидаемой продолжительности жизни: здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

- Индекс образования: доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения.

- Индекс валового национального дохода: достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС).

С 2003 г. он называется «Индекс человеческого развития» (ИЧР), а доклад — «Доклад о человеческом развитии» (ДЧР) без слова «потенциал», которое не соответствовало содержанию показателей ИЧР. При этом в некоторых странах этот индекс по инерции продолжали называть индексом развития человеческого потенциала, а теорию человеческого развития — концепцией развития человеческого потенциала, хотя их содержание не идентично.

В 2010 г. в дополнение к сводному показателю ИЧР, который опирается на среднестрановые статистические данные и не учитывает внутреннее неравенство, введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ).

С 2020 г. ИЧР рассчитывается экспертами ПРООН с учетом планетарной нагрузки и социальных издержек, связанных с выбросами углерода и природными ресурсами (ИЧРП). Он корректирует стандартный ИЧР на уровень выбросов диоксида углерода и ресурсозатрат на душу населения для каждой из стран¹.

Индекс человеческого потенциала ПРООН не охватывает все многообразие компонентов ЧП,

¹ Доклад ПРООН «Индексы и индикаторы человеческого развития: обновленные статистические данные 2018». URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf

которые не поддаются более или менее точной количественной оценке.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И КАПИТАЛ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Содержание термина «человеческий потенциал» обсуждается с 80-х гг. прошлого века, но до сих пор не найдено его общепринятое определение. Российские и зарубежные авторы дают самые разные трактовки человеческого потенциала, что во многом связано с многозначностью этого понятия.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г. Амартия Сен, работы которого положены в основу первого Доклада о развитии человеческого потенциала ПРООН в 1990 г., определили ЧП страны как «совокупность физических и духовных сил ее жителей, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей — как инструментальных, связанных с обеспечением необходимых условий жизнедеятельности, так и экзистенциальных, включающих расширение самих потенций человека и возможностей его самореализации» [1].

В большинстве российских научных публикаций ЧП рассматривается как совокупность биолого-физических, интеллектуальных, духовных и социокультурных свойств, способностей и ресурсов отдельной личности, социальной группы, региона или страны. Они уже сформированы или формируются, но еще не реализованы в практической деятельности, и в зависимости от разных условий и факторов могут остаться латентными ресурсами [2–8].

В рамках разных подходов к изучению ЧП (философский, экономический, социально-экономический, социологический, культурологический, политологический, психологический, ресурсный, деятельностный и т.д.) выделяются составляющие его структурные элементы, большинство которых пока недоступны количественным измерениям.

Н.М. Римашевская выделяет три основные группы структурных компонентов ЧП:

- физическое, психическое и социальное здоровье;
- профессионально-образовательные ресурсы и интеллектуальный потенциал;
- культурно-нравственные ценности, духовность и социокультурная активность граждан [9].

Среди компонентов ЧП чаще всего выделяют интеллектуальный, творческий, коммуникативный,

ценностный и деятельностный потенциал, что связано с переходом к инновационной экономике, требующей от людей новых профессиональных качеств [10].

В основу концепции человеческого потенциала легли разработки теории человеческого капитала, которые начались несколько сот лет назад, гораздо раньше появления термина «человеческий потенциал». Понятие ЧК постоянно трансформировалось под влиянием новых требований технологического прогресса.

Термин «человеческий капитал» впервые использовал Джекоб Минсер в 1958 г. в своей статье «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода» [11].

Международное признание ЧК в современной трактовке получил в 1960 г., когда Теодор Шульц, лауреат Нобелевской премии по экономике 1979 г., определил его основные характеристики: это вся совокупность наиболее ценных полезных человеческих качеств, присущих индивидууму, а также дополнительный источник дохода, который создается с помощью знаний, навыков, способностей человека. При этом образование — важнейший фактор, обеспечивающий экономический рост, и одновременно — источник будущих удовлетворений и(или) заработков. Для улучшения качественных характеристик рабочей силы необходимы дополнительные вложения средств (инвестиции) в образование, что является фактором производства, создающим прибавочный продукт. Капитал образования — это человеческий капитал, вследствие того, что он неотделим от человека [12].

Лауреат Нобелевской премии 1992 г. по экономике Гарри Беккер, развивая идеи своего коллеги, утверждал, что ЧК (знание, навыки, мотивация и т.д.) формируется благодаря инвестициям в человека, среди которых он выделил образование, приобретение профессионального опыта, здравоохранение, географическую мобильность, поиск информации [13].

Эти инвестиции, измеряемые в денежном выражении, способствуют развитию трудового, интеллектуального и культурного потенциала человека.

В XXI в. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейская экономическая комиссия практически одинаково определяют человеческий капитал как присущие индивидуумам качества знаний, компетенций, квалификаций, навыков и др., которые важны для хозяйственной деятель-

ности и способствуют достижению личного и общественного благосостояния².

Группа Всемирного банка с 2017 г. реализует свой новый Проект развития человеческого капитала (ПРЧК) с целью восполнения недостатка политических стимулов и создания побудительных мотивов для инвестиций в ЧК. В рамках проекта в 2018 г. рассчитана первая версия «Индекса человеческого капитала» (ИЧК).

Этот индекс состоит из нескольких компонентов: вероятность выживания детей до пяти лет, ожидаемая продолжительность обучения детей в школе, оценки по единому экзамену как показатель качества обучения, выживаемость взрослого населения (доля сегодняшних 15-летних, кто доживет до 60 лет) и процент детей, не имеющих задержек в развитии.

Этот показатель измеряет уровень производительности следующего поколения работников от 0 до 100% и означает, что производительность труда родившегося в год измерения ИЧК человека, когда он вырастет, будет на уровне процентного значения от эталонного показателя достойного питания, полного курса обучения и полноценного здоровья. В среднем по миру ребенок, родившийся в 2020 г., может рассчитывать на 56% продуктивности, которой он мог бы достичь, когда вырастет.

В то же время компоненты индекса представлены в виде вкладов в производительность относительно ситуации полного уровня школьного образования и здоровья. При этом ИЧК не учитывает качество высшего и дополнительного образования в течение жизни, уровень освоения социальных навыков, компетенций и др.

Тем не менее анализ на основе ИЧК показывает, что в странах с самыми низкими на данный момент уровнями инвестиций в человеческий капитал производительность работников будущего поколения будет на треть или даже в половину ниже, чем могла бы быть, если бы люди были совершенно здоровы и получали качественное образование.

В структуре ЧК выделяют его разные виды: биомедицинский, трудовой, организационно-предпринимательский, интеллектуальный, культурно-нравственный капитал и т.д.

Нельзя не отметить некоторые терминологические разногласия в российских и зарубежных

научных работах. С одной стороны, эксперты Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации регулярно готовят доклады о человеческом развитии в России по аналогии с докладами Программы развития ООН, с другой стороны, ряд отечественных исследователей, в том числе ИСЭПН РАН, считают, что закрепившийся в России термин «человеческий потенциал» содержательно более точный, нежели термин «человеческое развитие», используемый ПРООН [14].

Человеческий потенциал, имеющий латентный характер, реализуется не только в социально-экономической сфере, поэтому в России он исследуется в расширенной трактовке разными науками о человеке. Получение дохода — это только одна из потребностей человека, который в ряде случаев выстраивает более сложную собственную систему жизненных приоритетов.

При сравнении понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» выявляется ряд различий и противоречий.

Например, сторонники теории человеческого капитала утверждают, что инвестиции в образование — важнейший фактор, обеспечивающий экономический рост, в ответ на это исследователи человеческого потенциала указывают, что образование — это потенциал, который по разным причинам может превратиться в капитал, хотя в большей степени это относится к индивидуумам, а не к регионам или странам. Так что этот вопрос остается дискуссионным.

«Парадигма человеческого потенциала отличается от парадигмы человеческого капитала приоритетом гуманистических установок над утилитарными прагматическими установками и повышенной чувствительностью к культурно-историческим, социокультурным, культурно-психологическим факторам в разработке программ и стратегий модернизации образования» [15].

Понятия «человеческое развитие», «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» имеют общие содержательные элементы, но отличаются по формированию, структуре и применению. Их объединяет признание развития человека как главной цели и средства общественного прогресса.

Вложение средств в развитие ЧК способствует накоплению ЧП, поэтому при обсуждении инвестиций в человеческое развитие автор использует понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» как синонимы.

² Обзорный доклад ОЭСР «Измерение человеческого капитала: передовые инициативы и будущие проблемы». URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2013/5_R_.pdf

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧП РОССИИ

Человеческий потенциал России характеризуется крайне разновеликими оценками части его отдельных компонентов. Необходимость наращивания человеческого капитала официально признана правительством России в разработанной и утвержденной в 2008 г. «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года». В качестве одного из ответов на долговременные системные вызовы российской экономике «Концепция-2020» предполагает преодоление имеющихся негативных тенденций в развитии человеческого потенциала, которые характеризуются:

- сокращением численности населения и уровня занятости в экономике;
- растущей конкуренцией с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров;
- низким качеством и снижением уровня доступности социальных услуг в сфере здравоохранения и образования...

Развитие человеческого потенциала включает системные преобразования двух типов:

- направленные на повышение конкурентоспособности кадрового потенциала, рабочей силы и социальных секторов экономики;
- улучшающие качество социальной среды и условий жизни людей.

Они охватывают среднесрочные и долгосрочные цели, приоритеты и основные направления демографической политики, политики модернизации здравоохранения и образования, развития пенсионной сферы и социальной помощи, развития культуры, формирования эффективных рынков труда и жилья³.

Отметим, что в тексте «Концепции-2020» термины «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» используются как синонимы.

По оценке экспертов, средний уровень выполнения мер, заложенных в «Концепцию-2020», составил только 29,5%. Доля полностью реализованных мер составила всего 6,8%, в основном это были улучшающие организационные инновации, технические решения, но не реформы и коренные изменения, отвечающие реальным вызовам.

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/aaofFKSheDLiM99HEcyrygytfnGzrnAX.pdf>.

Одновременно эксперты фиксировали высокий уровень имитации реформ, формальной реализации мер и поручений. Согласно их оценкам, лишь немногие меры были выполнены без попыток искажения заложенных в них принципов. Однако есть и прогресс, поскольку «Стратегия-2010» выполнена лишь на 39%⁴.

Принятая на основе «Концепции-2020» в декабре 2011 г. «Стратегия-2020» также не имела успеха: ни один из заложенных в ней макроэкономических показателей не выполнен, что связано с кризисом 2008–2009 гг., демографической ситуацией и другими негативными факторами. Сказались и проблемы прогнозирования, которое носило тогда во многом декларативный характер, содержало набор благих намерений и общих рекомендаций, мало связанных друг с другом.

Реализация целей и задач по инвестициям в ЧП после введения против России санкций и начала пандемии COVID-19 была перенесена сначала на 2024 г., а затем на 2030 г.

«Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» стоит на первом месте среди стратегических национальных приоритетов обновленной «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» 2021 г., направленных на обеспечение и защиту национальных интересов Российской Федерации⁵.

В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», принятой в 2017 г., снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, — качества человеческого потенциала отнесено к основным вызовам и угрозам экономической безопасности России⁶.

По результатам межстранового сравнения, опубликованным в 30-м юбилейном Докладе о человеческом развитии 2020 ПРООН, Россия занимает 52-е место среди 189 стран с показателем 0,824 после Черногории, Румынии Республики Палау и Казахстана. В этом докладе государства ранжированы по Индексу человеческого развития (ИЧР), рассчитанному на основе статистики 2019 г.⁷

⁴ URL: <http://2035.media/2017/09/27/strategy2020-part1>

⁵ URL: <http://2035.media/2017/09/27/strategy2020-part1>

⁶ URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>

⁷ URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf

Столь сильные позиции в мировом рейтинге ИЧР Россия занимает исключительно благодаря высокому уровню образованности населения, однако значимо отстает от европейских государств по двум другим индикаторам: продолжительность жизни и уровень доходов на душу населения. Например, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России составляет 72,6 лет при среднем значении 79,6 лет в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития.

За четверть века уровень человеческого развития России заметно вырос: в 1995 г. по ИЧРП страна была на 114-м месте из 174 стран с показателем 0,701, в 2006 г. — уже на 73-м (0,752). После 2009 г. темп прироста несколько снизился, как и во многих других странах мира, но ИЧР в России продолжал расти до начала пандемии COVID-19.

По предварительной оценке ПРООН, падение ИЧР в 2020 г. эквивалентно семи годам прогресса, поскольку COVID-19 нанес тройной удар по здоровью, образованию и доходам граждан, вызвав снижение человеческого развития во всем мире⁸.

По показателям Индекса человеческого капитала 2020 (ИЧК) Всемирного банка, Россия заняла 41-е место из 174 с результатом 68% при среднемировом значении 56%. Для расчета индекса использовались данные, полученные до марта 2020 г., поэтому он отражает влияние пандемии COVID-19 на уровень ЧК. В 2018 г. Россия занимала 34-е место с результатом 73%⁹.

Тем не менее Российская Федерация входит в десятку стран мира, достигших наилучших показателей в развитии человеческого капитала за последние десять лет: в период с 2010 по 2020 г. значение ИЧК нашей страны увеличилось с 60 до 68%.

Среднемировой показатель «Глобального индекса человеческого капитала» Всемирного экономического форума (ВЭФ) в 2017 г. составил 62%, Россия набрала 72,2% и заняла 16-е место из 130, что в среднем ниже Северной Америки, но выше Западной Европы (включая Великобританию, Ирландию и Францию), а также Японии, Южной Кореи и Израиля¹⁰.

⁸ URL: <https://ac.gov.ru/news/page/padenie-indeksa-cepoveceskogo-razvitiia-v-2020-godu-ekvivalentno-semi-godam-progressa-27118>

⁹ URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34518/211643RU.pdf?sequence=5>

¹⁰ URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-human-capital-report-2017>

По подсчетам Всемирного банка, человеческий капитал в России составляет самую большую долю совокупного богатства страны — 46%; при том, что эта доля намного меньше, чем в среднем по ОЭСР (70%). Далее следуют произведенный капитал (33%), природный капитал (20%) и чистые иностранные активы (1%).

В период с 2000 по 2017 г. в России значение показателя ЧК из расчета на душу населения росло высокими темпами и увеличилось на 80%. По темпам роста ЧК на душу населения Россия опередила страны ОЭСР и страны — экспортеры сырья. Однако среднегодовые темпы роста ЧК снизились с 4,7% в 2000–2010 гг. до 1,8% в 2010–2017 гг. При сохранении средних темпов роста человеческого капитала 2000–2017 гг. (3,5%) России потребовалось бы около 50 лет для того, чтобы догнать страны ОЭСР; при более низких темпах роста (1,8%) Россия сможет их догнать почти через 100 лет. Несмотря на значительный рост ЧК, его показатель на душу населения в богатстве России составляет одну пятую от среднего показателя по ОЭСР¹¹.

Приведенные выше межстрановые индексы развития человеческого капитала имеют свои ограничения и недостатки. Так, они дают в основном количественные макропоказатели стран и регионов и не затрагивают мезо- и микроуровень, а также качественные параметры. В то же время ежегодные международные рейтинги ЧП и ЧК позволяют анализировать состояние и динамику человеческого развития, а также качество социальной политики в каждой отдельно взятой стране.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРИРАЩЕНИЯ ЧП

Общепризнана высокая значимость человеческого потенциала для становления устойчивой инновационной экономики на основе наукоемких и высокотехнологичных отраслей, повышающих конкурентоспособность страны.

Эксперты ПРООН определили общие направления развития ЧП и предложили пути оптимизации взаимосвязи между экономическим ростом и человеческим развитием:

- увеличение инвестиций в образование, здравоохранение, профессиональную подготовку, содействие реализации способностей человека и его участие в производстве и распределении благ;

¹¹ URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/how-wealthy-is-russia>

- более справедливое распределение дохода и богатства, обеспечение материальной основы развития человеческого потенциала;
- сбалансированность социальных расходов, всемерное укрепление экономической базы социальной сферы;
- расширение возможности людей осуществлять свой выбор в политической, социальной и экономической сферах, при этом особое внимание уделяется группам населения (в частности, женщинам), чьи возможности по тем или иным причинам ограничены¹².

Основное препятствие в процессе воспроизводства ЧП — слабая мотивация со стороны правительств и разных групп населения инвестировать в его накопление и повышение качества. Всемирный банк в «Докладе о мировом развитии 2019» видит отсутствие политических стимулов одной из причин, по которым правительства не инвестируют средства в человеческий капитал: «Поскольку инвестиции в человеческий капитал могут годами не давать экономической отдачи, политики обычно пытаются найти более быстрые способы повышения своей репутации... Бюрократический аппарат, в функции которого входит осуществление политики формирования человеческого капитала, часто не способен или не мотивирован вести эту работу эффективно».

Когда правительства готовы инвестировать в ЧП, они предпочитают вкладывать средства в такие политически заметные компоненты ЧК, как строительство школ и больниц, и в гораздо меньшей степени — в его нематериальные аспекты, например повышение качества и квалификации учителей и работников здравоохранения.

Группа Всемирного банка (ВБ) с 2017 г. реализует «Проект развития человеческого капитала» (ПРЧК) с целью восполнения недостатка политических стимулов и создания побудительных мотивов для инвестиций в ЧК. В частности, эксперты ВБ считают, что достоверное измерение ИЧК, например, результатов, достигнутых в сфере образования и здравоохранения, повышает осознание необходимости развития человеческого капитала на местном, национальном и глобальном уровнях. Такие измерения создают основы для исследований и анализа в целях разработки мер политики, обеспечивающих повышение качества ЧК¹³.

¹² URL: <http://hdr.undp.org/>

¹³ URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>

Многие лица, принимающие управленческие решения, на словах признают важность развития человека, но не готовы в него инвестировать. Нежелание увеличивать социальные расходы на развитие ЧК политики часто оправдывают тем, что они сдерживают экономический рост, однако исследования опыта ряда успешных стран говорит об обратном. Даже когда правительства и избиратели осознают важность многокомпонентной проблемы человеческого развития, они могут расходиться во мнениях относительно выбора приоритетных направлений ее решения.

В рамках одной статьи практически невозможно раскрыть содержание всех направлений воспроизводства человеческого потенциала. Поэтому основное внимание автора сосредоточено на проблемах инновационного, образовательного и трудового компонентов ЧП.

Актуальные сегодня цели инновационного и цифрового развития предполагают создание новых и модернизацию действующих технологий, внедрение оригинальных систем управления и бизнес-моделей, формирующих устойчивую экономику будущего. В нашей стране этот процесс идет поступательно, однако отличается неравномерностью в разных цепочках создания стоимости.

С одной стороны, Россия заметно отстает от передовых стран мира в создании новых технологий и инвестиций, особенно венчурных. Спрос на инновации остается низким, хотя в стране создана широкая инфраструктура для инновационного развития. В очередном 14-м выпуске Глобального инновационного индекса (ГИИ, Global Innovation Index), опубликованном 20 сентября 2021 г., инновационная экосистема России заняла 45-е место среди 132 стран, поднявшись на две позиции относительно уровня 2020 г. благодаря росту результативности всех направлений научной, инновационной и креативной деятельности.

С другой стороны, в рейтинге ГИИ 2021 г. Россия занимает более высокие позиции, например входит в первую двадцатку стран по качеству всей системы высшего образования, занимает 16-е место по числу патентных заявок на изобретения, хотя уровень внедрения научных разработок и изобретений остается очень низким¹⁴.

¹⁴ World Intellectual Property Organization (WIPO). «Global Innovation Index (GII) 2021». URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2021-report>

Также в России создаются благоприятные условия и инфраструктура для развития новых технологий, в первую очередь информационных и коммуникационных (ИКТ), таких как интернет и мобильная связь. В рейтинге качества и доступности интернета Россия занимает 9-е место из 131, по уровню доступности мобильного интернета — 2-ю позицию среди 50 стран с наибольшим ВВП. При этом дешевле, чем в России, интернет стоит только в Индии¹⁵.

Разрыв между низкой эффективностью инновационной деятельности и ее высоким потенциалом объясняется слабым спросом на инновации и их создателей со стороны корпораций и предпринимателей, которые в России, как и в некоторых других странах, либо боятся риска, либо не обеспечены ресурсами на большой срок окупаемости венчурных инвестиций (ВИ).

К тому же в российской экономике некачественная конкурентная среда существенно снижает мотивацию предприятий, стимулирующую новаторство и внедрение инноваций. В таких условиях конкурентная борьба идет не за потребителя, а за доступ к госресурсам и ограничение этого доступа для конкурентов [16].

В 2021 г. российский рынок венчурных инвестиций вырос практически в 3,5 раза — с 24,9 до 85,2 млрд руб.¹⁶

Появление прорывных технологий и инноваций можно ускорить путем эффективного управления человеческим капиталом, развития новых навыков и компетенций персонала разных квалификаций.

Эксперты Всемирного банка считают, что на рынках труда все большее значение приобретают навыки трех типов: когнитивные (например, комплексное решение проблем), социально-поведенческие (например, работа в команде) и те, которые определяют способность к адаптации (например, логическое мышление и уверенность в собственных силах)¹⁷.

¹⁵ РБК. Россия вошла в первую десятку рейтинга качества и доступности интернета. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/613eea0f9a7947a3178b11b>

¹⁶ РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/61c039b19a7947635587c04d>.

¹⁷ Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>.

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года отмечено, что «одной из основных задач инновационного развития является создание условий для формирования у граждан следующих компетенций инновационной деятельности: способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно, готовность к работе в команде и в высококонкурентной среде; владение иностранными языками, предполагающее способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению. Формирование таких компетенций предполагает адаптацию для этих целей не просто отдельных направлений социально-экономической политики <...>, но и общественной среды в целом, создание условий для свободы творчества и самовыражения, поощряющих и вознаграждающих людей, обладающих соответствующими компетенциями и достигающих успеха»¹⁸.

Формирование таких качеств человеческого потенциала требует модификации всех форм и технологий образовательных процессов на разных этапах жизни человека при взаимовыгодном партнерстве государства, науки, производства и общества.

Существующие нестыковки интересов системы образования и потребностей рынка труда оставляют невостребованными часть выпускников учебных заведений, которые вынуждены работать не по специальности или переучиваться. Это снижает мотивацию молодежи получать образование.

Система высшего и профессионального образования требуют настройки более точного баланса спроса и предложения рабочей силы в целях удовлетворения потребностей экономики, а также более тесной координации и практического взаимодействия различных уровней образования. В частности, нуждается в совершенствовании действующий механизм целевого обучения с участием работодателей.

¹⁸ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-п). URL: <http://government.ru/docs/9282/>

Вынужденное массовое и ускоренное внедрение в 2020 г. цифровых технологий и дистанционных форм обучения, несмотря на все недостатки и издержки, существенно расширило доступ учеников и студентов к различным информационным ресурсам, что открывает небывалые ранее возможности для саморазвития при наличии соответствующей мотивации.

Проблема сегодня состоит в том, что в России в университетах рождается только 3% всех инновационных стартапов, при том, что в мире этот показатель составляет 25%. Поэтому в ходе реализации стратегической инициативы «Платформа университетского технологического предпринимательства» запланировано создание не менее 30 тыс. университетских стартапов и 150 тыс. рабочих мест¹⁹.

В структуре образовательного процесса увеличивается количество и расширяется содержание практических занятий, делается акцент на участии студентов в инновационной предпринимательской деятельности путем реализации реальных новаторских проектов в рамках стартапов или малых инновационных предприятий (МИП). Успех таких начинаний во многом зависит от спроса на инновационные проекты со стороны инвесторов.

Основная проблема заключается в том, что человеческий капитал деградирует, если он не востребован на рынке высококвалифицированного труда, в предпринимательской или творческой деятельности.

Отсюда вытекает необходимость формирования потребности в развитии качественных (высокопроизводительных и высокооплачиваемых) трудовых ресурсов для инновационной экономики. Но при этом нужно существенно улучшить взаимодействие системы образования и рынка труда. В частности, требуется решение вопросов трудоустройства и адаптации выпускников вузов, колледжей и техникумов, снижения оттока ученых и квалифицированных специалистов.

Чрезмерная бюрократизация социально-экономической сферы серьезно ограничивает проявление творческих способностей и развитие ЧП и ЧК. Распространенные в России ценности общества потребления также не способствуют формированию творческой личности, мотивации к новаторству и овладению знаниями, компетенциями и навыками инвестиционной

деятельности. В противовес этому надо создать систему социальных лифтов для самых способных и талантливых людей, что позволит предъявить обществу их истории успеха как социальный ориентир выбора жизненной стратегии и пример для подражания.

Это не сможет компенсировать низкий спрос на высококвалифицированный труд, но увеличит число людей, нацеленных на инновационную деятельность, и тем самым увеличит человеческий потенциал, а также человеческий капитал, если таланты, компетенции и навыки мотивированных инноваторов будут успешно реализованы в социально-экономической сфере.

Российские исследователи ЧК крайне редко обращают внимание на такую важную его характеристику, как стоимость человеческой жизни, возможно, по моральным основаниям, поскольку человеческая жизнь бесценна. Однако уход от этой темы в развивающихся странах, наоборот, обесценивает человеческую жизнь, что проявляется в очень низких размерах компенсаций семьям людей, которые погибли в результате несчастных случаев, катастроф или аварий на производстве, по месту службы или в иных чрезвычайных ситуациях.

Эксперты Финансового университета при Правительстве РФ с помощью одной из существующих методик рассчитали стоимость человеческой жизни в России с учетом морального ущерба в начале 2018 г., которая поднялась до 46,9 млн руб. (825 тыс. долл. США по курсу того времени) с 39,3 млн руб. в 2015 г.

Для сравнения, в США разные методики дают оценку стоимости человеческой жизни в размере от 7 до 37 млн долл. США. Министерство транспорта США в 2016 г. определило значение стоимости жизни в размере 9,6 млн долл. США, тогда как, например, в Бангладеш она составила всего 5,2 тыс. долл. США [17].

При этом в России размер компенсаций для пострадавших и их семей при несчастных случаях на производстве, транспорте и т.д. в несколько раз ниже научной оценки стоимости человеческой жизни, моральный ущерб учитывается редко.

Это не способствует осознанию ценности человеческой жизни, ведет к недостаточному финансированию мер безопасности на производстве и в быту, а также образования и здравоохранения, что тормозит развитие ЧК и активную инновационную деятельность государства и бизнеса.

¹⁹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/12603543>.

ВЫВОДЫ

Воспроизводство человеческого потенциала определяет характер будущего развития страны и выступает качественной характеристикой социальной политики государства.

Ежегодная публикация результатов сравнительной оценки качества ЧП и ЧК способствует более глубокому пониманию необходимости человеческого развития, в той или иной степени влияет на политическую мотивацию инвестировать в социальную сферу, прежде всего, в образование, здравоохранение, науку, культуру и т.д.

Многие лица, принимающие управленческие решения, осведомлены относительно важности инвестиций в ЧП и в стратегических концепциях на национальном и региональном уровнях признают важность развития человека, но не готовы наращивать инвестиции в него, поскольку выгоду от этих затрат ощутит в основном подрастающее поколение.

С практической точки зрения содержательная близость многокомпонентных терминов «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» снижает ценность многих российских исследований с целью поиска отличий между ними и позволяет их использовать как синонимы. Например, инвестиции в образование и здравоохранение на практике увеличивают как ЧП, так и ЧК.

Человеческий капитал деградирует, если он не востребован на рынке высококвалифицированного труда, в предпринимательской или творческой деятельности, поэтому следует существенно улучшить взаимодействие системы образования и рынка труда.

Российское высшее и среднее специальное образование заметно отстают в создании и регулярном обновлении содержания учебного процесса и введении навыков и компетенций, необходимых

инновационной экономике. Наоборот, образование должно опережать запросы производства, т.е. давать выпускникам знания о самых передовых технологиях и инновациях, еще не вошедших в широкое применение. Тем самым учебные заведения будут создавать зону ближайшего развития высокотехнологичного производства, стимулировать работодателей создавать высокопроизводительные рабочие места.

Для развития инновационного потенциала необходимо стимулировать интерес и мотивацию молодежи к инновационной деятельности, совершенствовать культуру творчества и новаторства в корпоративном управлении и обществе в целом. Социальные ориентиры новаторства могут получить распространение при предъявлении обществу привлекательного и понятного образа, желаемого будущего.

Реально стимулировать развитие ЧК в России могло бы введенное на законодательном уровне понятие минимальной стоимости жизни россиян, оценка которой применяется в случаях возмещения семьям людей, которые погибли в результате несчастных случаев, катастроф или аварий на производстве, по месту службы или в иных чрезвычайных ситуациях. Оценки минимальной стоимости жизни могут быть рассчитаны для разных отраслей и случаев гибели человека и причинения ущерба его здоровью во всех сферах жизнедеятельности, но должны в несколько раз превышать ныне существующие суммы в практике государства и бизнеса.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на совершенствование показателей развития ЧП и ЧК. Кроме того, усилия ученых и экспертов могут быть связаны с изучением отраслевых требований к качеству человеческого потенциала, а также влияния демографических и миграционных факторов на уровне страны и регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sen A. Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*. 1989;19:41–58. DOI: 10.1007/978-1-349-21136-4_3
2. Бодак А.В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества. Мат. XX окружных научных социальных чтений (Сургут, 29–30 октября 2015 г.). Сургут: Методический центр развития социального обслуживания; 2015:15–20.
3. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала. *Общество и экономика*. 2011;(1):13–22.
4. Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала. *Пространство и время*. 2011;(4):125–130.
5. Заславская Т.Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. *Общественные науки и современность*. 2005;(3):5–16.

6. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования. *Социологические исследования*. 2014;(6):89–95. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Ivanov.pdf
7. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала. *Знание. Понимание. Умение*. 2013;(1):259–263. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-komponenty-chelovecheskogo-potentsiala>
8. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука; 2007. 202 с.
9. Римашевская Н.Е. Качество человеческого потенциала в современной России. *Безопасность Евразии*. 2004;(1):14–32.
10. Чекмарева Е.А., Устинова К.А., Лихачева Т.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию человеческого потенциала сельских территорий. *Проблемы развития территории*. 2017;(4):96–111. URL: http://library.vscs.ac.ru/Files/articles/1501677727_96111.pdf
11. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *Journal of Political Economy*. 1958;66(4):281–302. DOI: 10.1086/258055
12. Schulz T. W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960;68(6):571–583. DOI: 10.1086/258393
13. Becker G. S. Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of Political Economy*. 1962;70(5. Pt.2):9–49. DOI: 10.1086/258724
14. Римашевская Н.М., Бочкарёва В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал российских регионов. *Народонаселение*. 2013;(3):82–141.
15. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. О ценностном смысле социокультурной модернизации образования: от реформ — к реформациям. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2019;(1):18–43. DOI: 10.28995/2073–6398–2019–1–18–43
16. Варущенко А.А., Владимиров Н.А. Состояние и перспективы развития инновационной деятельности в Российской Федерации в XXI веке. *Статистика и экономика*. 2021;18(2):34–44. DOI: 10.21686/2500–3925–2021–2–34–44
17. Зубец А.Н., Новиков А.В. Численная оценка стоимости жизни человека в России и в мире. *Финансы: теория и практика*. 2018;22(4):52–75. DOI: 10.26794/2587–5671–2018–22–4–52–75

REFERENCES

1. Sen A. Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*. 1989;19:41–58. DOI: 10.1007/978–1–349–21136–4_3
2. Bodak A. V. Human potential as a basic model for the development of society. In: Proc. 20th District scientific social readings (Surgut, October 29–30, 2015). Surgut: Methodological Center for the Development of Social Services; 2015:15–20. (In Russ.).
3. Bulanov V., Kataytseva E. Human capital as a form of human potential demonstration. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*. 2011;(1):13–22. (In Russ.).
4. Doktorovich A. B. On the protection and upgrowth of human potential. *Prostranstvo i vremya = Space and Time*. 2011;(4):125–130. (In Russ.).
5. Zaslavskaya T. N. Human potential in the modern transformational process. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2005;(3):5–16. (In Russ.).
6. Ivanov O. I. Human potential: Issues of theory and research methodology. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2014;(6):89–95. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Ivanov.pdf (In Russ.).
7. Lapshin V. A. The structural components of human potential. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2013;(1):259–263. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-komponenty-chelovecheskogo-potentsiala> (In Russ.).
8. Soboleva I. V. Human potential of the Russian economy: Problems of preservation and development. Moscow: Nauka; 2007. 202 с. (In Russ.).
9. Rimashevskaya N. Quality of human potential in today's Russia. *Bezopasnost' Evrazii = Security & Eurasia*. 2004;(1):14–32. (In Russ.).

10. Chekmareva E. A., Ustinova K. A., Likhacheva T. N. Theoretical and methodological approaches to human potential research of rural areas. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2017;(4):96–111. URL: http://library.vscs.ac.ru/Files/articles/1501677727_96111.pdf (In Russ.).
11. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *The Journal of Political Economy*. 1958;66(4):281–302. DOI: 10.1086/258055
12. Schulz T. W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960;68(6):571–583. DOI: 10.1086/258393
13. Becker G. S. Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of Political Economy*. 1962;70(5. Pt.2):9–49. DOI: 10.1086/258724
14. Rimashevskaya N. M., Bochkareva V. K., Migranova L. A., Molchanova E. V., Toksanbaeva M. S. Human potential of Russian regions. *Narodonaselenie = Population*. 2013;(3):82–141. (In Russ.).
15. Asmolov A. G., Guseltseva M. S. Value sense of sociocultural modernization of education: From reforms to reformation. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie = RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*. 2019;(1):18–43. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073–6398–2019–1–18–43
16. Varushchenko A. A., Vladimirov N. A. The state and the prospects of the development of innovative activity in the Russian Federation in the XXI century. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2021;18(2):34–44. DOI: 10.21686/2500–3925–2021–2–34–44
17. Zubets A. N., Novikov A. V. Quantitative assessment of the value of human life in Russia and in the world. *Finance: Theory and Practice*. 2018;22(4):52–75. DOI: 10.26794/2587–5671–2018–22–4–52–75

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Глеб Львович Подвойский — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра политики занятости и трудовых отношений, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Gleb L. Podvoisky — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center for Employment Policy and Labor Relations, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>
g.podvoisky46@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 03.06.2022; после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 15.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 03.06.2022; revised on 30.06.2022 and accepted for publication on 15.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-75-84
УДК 330.59,330.101.22,316.653(045)
JEL D83, E71, I31, O15

Оценка значимости уровня и качества жизни населения в России

И.В. Батарин, И.М. Алиев

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

Ввиду разных подходов к анализу и моделированию уровня и качества жизни населения у различных стран и международных интеграционных объединений для установления соответствующих методик в России необходимо выявить ее национальные особенности развития. В представленной статье анализируются наиболее существенные направления развития групп показателей уровня и качества жизни населения в Российской Федерации. При проведении исследования были применены системный подход и статистические методы. На основе нормативно-правовых актов и научных работ экспертов авторами выделены группы показателей качества жизни: «материальное благополучие», «здравоохранение», «образование», «окружение», «самочувствие», «власть». Проведен контент-анализ комментариев из открытой базы по вопросу представлений о «лучшей жизни». Выявлены наиболее и наименее выраженные группы предпочтений среди населения. Продемонстрированы отличия в мнениях россиян о важности групп показателей в зависимости от пола, возраста и в связи с пандемией. Сделан вывод о необходимости учета подобных переменных, обосновывается необходимость внесения изменений в действующие нормативы для перехода к новым моделям уровня и качества жизни.

Ключевые слова: качество жизни; уровень жизни; предпочтения граждан; аспекты жизнедеятельности; группы показателей качества жизни; контент-анализ

Для цитирования: Батарин И.В., Алиев И.М. Оценка значимости уровня и качества жизни населения в России. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):75-84. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-75-84

ORIGINAL PAPER

Assessment of the Significance of the Level and Quality of Life of the Population in Russia

I.V. Batarin, I.M. Aliev

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT

It is necessary to identify the national features of development in Russia to establish appropriate methods, in view of the different approaches to the analysis and modelling of the standard of living and quality of life of the population in various countries and international integration associations. This article analyzes the practical aspects of the most significant areas of interaction and development groups of indicators of standard of living and quality of life in the Russian Federation. The study used a systematic approach and statistical methods. The groups of indicators of quality of life summarized by the author were compiled on the basis of normative legal acts and expert documents: material well-being, healthcare, education, environment, self-perception, power. The content analysis was conducted of open-source commentaries on the issue of representation of a "better life" to determine key problems and propensities. The most and least pronounced groups of preferences among the population are identified. Differences in the opinions of Russians on the importance of groups of indicators depending on gender, age and in connection with the pandemic are demonstrated. The author has come to conclusion about necessity to take into account such variables, it is substantiated the need to make changes to the current standards for the transition to new models of the standard of living and quality of life.

Keywords: quality of life; standard of living; citizens' preferences; aspects of living; quality of life; groups of indicators; content analysis

For citation: Batarin I.V., Aliev I.M. Assessment of the significance of the level and quality of life of the population in Russia. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):75-84. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-75-84

© Батарин И.В., Алиев И.М., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Конец 2021 г. стал для населения стран СНГ весьма важным периодом: государствами был принят единый стандарт, обеспечивающий нормативы качества жизни. Несмотря на рекомендательный характер 33-х нормативов, в документе говорится о бюджетировании рассматриваемых направлений¹. В то же время появились новости о планировании введения в России единого стандарта качества жизни на национальном уровне, так как каждый год поднимается вопрос о том, что они должны быть закреплены нормативно [1].

Однако не стоит забывать, что в современных методологиях нет установленного эталона количества показателей, а также не указаны сферы жизнедеятельности, которые требуют проведения мониторинга или оценки. Различные методики диктуют свои правила. Например, в той же базе данных СНГ при анализе уровня жизни используют показатели безопасности, а в индексе Аналитического центра РФ их нет.

Изучение вопросов необходимости включения тех или иных признаков в стандарты качества жизни является далеко не новым направлением в научных исследованиях. Особенности формирования предпочтений у населения анализируются с учетом возрастного, регионального, профессионального, образовательного и других аспектов.

В ряде работ выделяется универсальность применения интегральных подходов при оценке уровня и качества жизни населения, эффективность методик на базе объективных показателей [2]. В других говорится о невозможности достижения прогресса в стране при оценке уровня и качества жизни с помощью только количественных или экономических показателей [3, 4], неразрывной взаимосвязи между объективными и субъективными факторами [5]. Исследователи рассматривают влияние различных областей жизнедеятельности на субъективное благополучие [6]; важность безопасности [7], научно-технического прогресса [8]; зависимость экологии от экономического развития [9], а также подчеркивают необходимость учета и объективных, и субъективных показателей [10, 11].

На основе анализа существующих методик многие авторы занимались вопросами определения основных

¹ Решение о нормативах качества жизни: одобрен экономическим советом сообщества независимых государств от 02.12.2021. Москва. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 28.01.2022).

групп показателей уровня и качества жизни населения, выделяя иногда уникальные аспекты: социальное окружение [4], гены человека [12], когнитивные, эмоциональные, рациональные ожидания [13], социальный капитал [14], социально-экономический статус [15].

В исследованиях доказывалась важность и эффективность использования подобных методик при оценке зависимости качества жизни от медицины на основе данных из Германии [16], подтверждается незначительность применения весовых коэффициентов для анализа удовлетворенности жизнью [17], приводится методика оценки качества и уровня жизни населения с весовыми коэффициентами каждого из индикаторов и возможностью легкой замены переменных на примере греческих муниципальных образований [18], демонстрируются методики на основе ИНВАР² и их возможности [19], оцениваются весовые коэффициенты путем опроса и применения метода анализа иерархий [20].

В данной статье проанализировано, каким образом сформированы предпочтения населения России при оценке уровня и качества жизни с учетом сложившегося менталитета.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для анализа заявленной проблемы и достижения цели исследования были изучены нормативно-правовые акты³, определяющие методику оценки уровня и качества жизни населения в России, и необходимые для этого показатели⁴.

На базе онлайн-опроса населения России, проведенного ОЭСР в рамках проекта «Better Life Index», использованы данные о предпочтениях и ранжировании 11 основных аспектов жизни по степени важности⁵. В ходе исследования за 2011–2022 гг. было опрошено 3400 чел.

² Метод состоит из 10 последовательных шагов, где происходит оптимизация критериев и выбор наилучшей альтернативы.

³ ГОСТ Р ИСО 37120–2015. Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни. М.: Стандартинформ; 2015. 70 с.; Индекс человеческого развития в России: региональные различия: аналитическая записка. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2021. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ International definition and measurement of levels of living: an interim guide. New York: UN; 1961. 18 p.

⁵ OECD Better Life Index. BLI Data Services v2. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/> (дата обращения: 28.01.2022).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование уровня и качества жизни населения показывает, что данные понятия становятся глубже и охватывают все больше показателей. Есть традиционные направления анализа, выработанные еще ООН, куда входят: «материальное благополучие», «вопросы экономического неравенства и удовлетворения базовых потребностей» (еда, жилье, безопасность), а также области образования и здравоохранения, условия труда и быта, отдых и развлечения. Затем к имеющимся были добавлены: «субъективные оценки», «финансовые данные», «экологические аспекты», «отношение к свободному времени», «инновационная активность» и др.

Таким образом, для анализа комментариев из открытой базы данных были сформированы следующие основные группы показателей (структурные элементы и аспекты уровня и качества жизни населения):

1. Материальное благополучие (зарботок, достаток средств, справедливое вознаграждение, экономическое неравенство, жилье, условия работы).

2. Здравоохранение (здоровье и продолжительность жизни, система и институты здравоохранения, качество оказываемых услуг).

3. Образование (качество полученного образования, численность обучающихся и готовых пойти в вуз, финансовая грамотность).

4. Окружение (чувство безопасности за свою жизнь, экологические вопросы, соблюдение прав и свобод).

5. Самочувствие (удовлетворенность жизнью, наличие и качество социальных связей, досуг, ценности, соотношение между свободным временем и работой).

6. Власть (качество предоставляемых общественных благ, инфраструктура, коррупция, контроль, инновационная и научная деятельность, стабильность).

Около 680 комментариев пользователей из 3400 были проанализированы при помощи контент-анализа. Они не повлияли на основные результаты, а также не были отражены в отчетах и поэтому требуют обзора.

При анализе эмоциональной окраски сообщений было выявлено, что в 80 комментариях (12%) была высказана негативная оценка состояния уровня и качества жизни населения. И только 4 комментария (0,5%) можно отнести к положительным: «хватает денег», «я не боюсь», «все отлично», «я не жалуясь». Остальные были нейтральные.

Самой популярной проблемой является материальное положение (30% жалоб): «недостаток средств на нужды», «желание зарабатывать больше», «несправедливый размер зарплаты». На втором месте — «соблюдение прав и свобод человека» (18%),

«безопасность» (18%), а также «распространенность этических ценностей» (18%). Появлялись жалобы на «малое число гражданских прав», «место граждан в приоритете у власти», «неравенство», «адекватные законы». Среди ценностей встречались: «взаимное уважение», «общественное сознание», «общество без агрессии». Причем подавляющее большинство (более 90%) респондентов, отметивших важность моральных ценностей и безопасности, — молодежь, для которой приоритетность этих проблем существенно выше.

В два раза реже люди волнуются по поводу инфраструктуры, свободы, баланса между работой и отдыхом, коррупции, экологии. Чаще возникают косвенное или прямое недовольство в отношении власти: чрезмерного контроля и вмешательства в жизнь.

Обойденной вниманием остается область науки и инноваций (один ответ), а ведь именно это способствует созданию условий для улучшения качества жизни населения.

Чтобы проанализировать предпочтения, обратимся к комментариям и посмотрим ответы на вопрос: «Что для вас представляет лучшая жизнь?» Исключены нерепрезентативные ответы (120) — сарказм, неопределенные варианты, например: «жить с котиком», «...радостно», «...красиво», «жить в стране, которая нравится» и т.д. Если сгруппировать варианты ответов, то увидим, что для россиян важнее всего «материальное благополучие», «безопасность» (базовая потребность) и «соблюдение прав и свобод» — эффективность законодательной и правоохранительной систем (табл. 1).

К ценностям, как и ранее, относим: «равенство», «уважение», «крепкие семейные узы». Свобода может быть рассмотрена и как «ценность», и как «соблюдение прав» в группе показателей «безопасность». В зависимости от точки зрения ценности можно отнести к группе «самочувствие» либо к группе «власть», а «чистота города и продуктов» (экология) может быть отнесена к группам показателей — «здравоохранение», «окружение» и «власть». Предположим, что эти варианты ответов относятся одновременно к нескольким группам показателей, тогда получим, что наиболее важные группы — это «окружение», «самочувствие» и «материальное благополучие» (рис. 1). Затем идет «власть» и «здравоохранение». На последнем месте — «образование».

Далее обратимся к структуре ответов на вопрос ранжирования 11 аспектов уровня и качества жизни по шкале от 0 до 5, предлагаемых ОЭСР. Представлены ответы пользователей за период 2011–2022 гг. Аспекты следующие:

- (а) жилищные условия;
- (б) доход;

- (в) работа;
- (г) качество социальных связей;
- (д) образование;
- (е) экология;
- (ж) гражданские права;
- (з) здоровье;
- (и) удовлетворенность;
- (к) безопасность;
- (л) баланс между работой и отдыхом.

Из 3400 ответов были изъяты те, которые давали равную оценку значимости для разных аспектов жизни (270 вариантов). Получается, что для 7–8% россиян важны либо, наоборот, не важны в равной степени все аспекты жизнедеятельности. Мужчин, ответивших так на 60% больше, чем женщин.

Также были исключены варианты, где более чем 6 аспектам даны нулевые оценки значимости, а оставшейся части — одинаковые либо оценки состоят из двух цифр (460 вариантов). Предполагается, что респонденты решили не распределять все аспекты качества жизни корректно, а просто, не задумываясь, дали экспресс-анализ наиболее и наименее предпочитаемых: «важно» или «не важно». Мода и медиана аспектов жизни у этих ответов совпадают и равны 1. Самые популярные — «жилищные условия и доход», затем идет «работа», «безопасность» и «образование» с балансом между «работой» и «отдыхом». Наименее важно «качество социальных связей» и «участие в демократических процессах». То есть все сходится с данными табл. 1, помимо образования, которое при таком расчете важнее удовлетворенности, экологии.

Оставшиеся варианты ответов были проанализированы с точки зрения средних величин, дабы установить значимость аспектов уровня и качества жизни в среднем для России (рис. 2). Поровну разделены ответы по полу: по 50%. Наиболее важными стали: «здоровье», «удовлетворенность жизнью» и «безопасность». Значительно менее важны: «гражданские права» как аспект измерения доверия к правительству согласно методологии ОЭСР и «качество социальных связей».

Полученные значения противоречат результатам из контент-анализа: «соблюдение прав» (гражданские права) являлось вторым показателем по весу, а «семья и ценности» (качество социальных связей) были важнее «экологии», «образования», «удовлетворенности». Первое несоответствие можно объяснить тем, что при контент-анализе говорилось не только о доверии к правительству, но и о соблюдении всех прав и свобод, эффективности работы законодательной системы, а в методологии ОЭСР в оценку гражданских прав

Таблица 1 / Table 1

Распределение комментариев о приоритетности областей жизнедеятельности пользователей из России по группам за последние 20 лет / Distribution of comments on the priority of life activities of users from Russia by group over the past 20 years

Область жизнедеятельности / Field of life	Число ответов / Number of replies
Благосостояние, жилье	156
Соблюдение прав, право	119
Безопасность	113
Здравоохранение	96
Карьера, работа	92
Семья, ценности	91
Удовлетворенность, счастье	78
Экология, климат	67
Инфраструктура, прогресс	63
Стабильность	52
Образование	45
Самореализация, отдых, досуг	43
Гармония во всем	39
Свобода	30

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ОЭСР / calculated by the author based on the OECD. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/>.

входят такие показатели, как «уровень прозрачности власти» и «активность избирателей». Они не отражают степень соблюдения прав граждан или законодательную систему страны, а больше характеризуют гражданскую активность. А как показывают данные, гражданская активность в России низка (ниже, чем в среднем в мире)⁶. Аналогично «качество социальных связей» измеряется числом людей, у которых есть поддержка близких, а не развитостью этических ценностей в обществе.

Далее проанализировано, насколько различаются оценки в зависимости от пола отвечающего (рис. 3). Оказалось, что женщины в среднем на 8% выше оце-

⁶ International IDEA. Voter Turnout Database. URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/voter-turnout> (дата обращения: 01.02.2022).

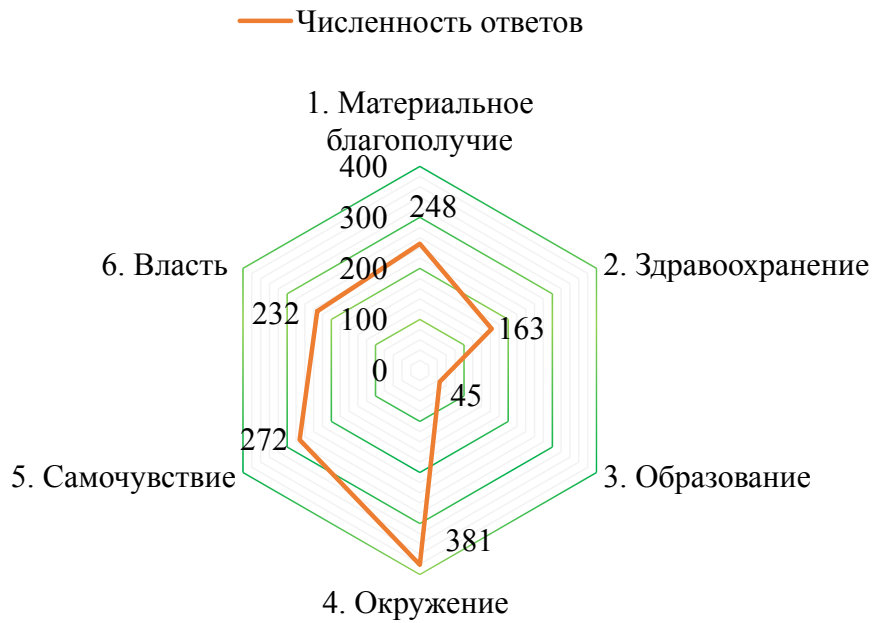

Рис. 1 / Fig. 1. Структура наиболее важных для населения России групп показателей уровня и качества жизни, численность ответов / The structure of the most important groups of indicators of standard of living and quality of life for the Russian population, number of responses

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ОЭСР / calculated by the author based on the OECD. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/>.

Рис. 2 / Fig. 2. Оценка значимости аспектов уровня и качества жизни россиянами по шкале «Better Life Index», средний балл / The importance of standard of living and quality of life aspects for Russians on the “Better Life Index” scale, average score

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ОЭСР / calculated by the author based on the OECD. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/>.

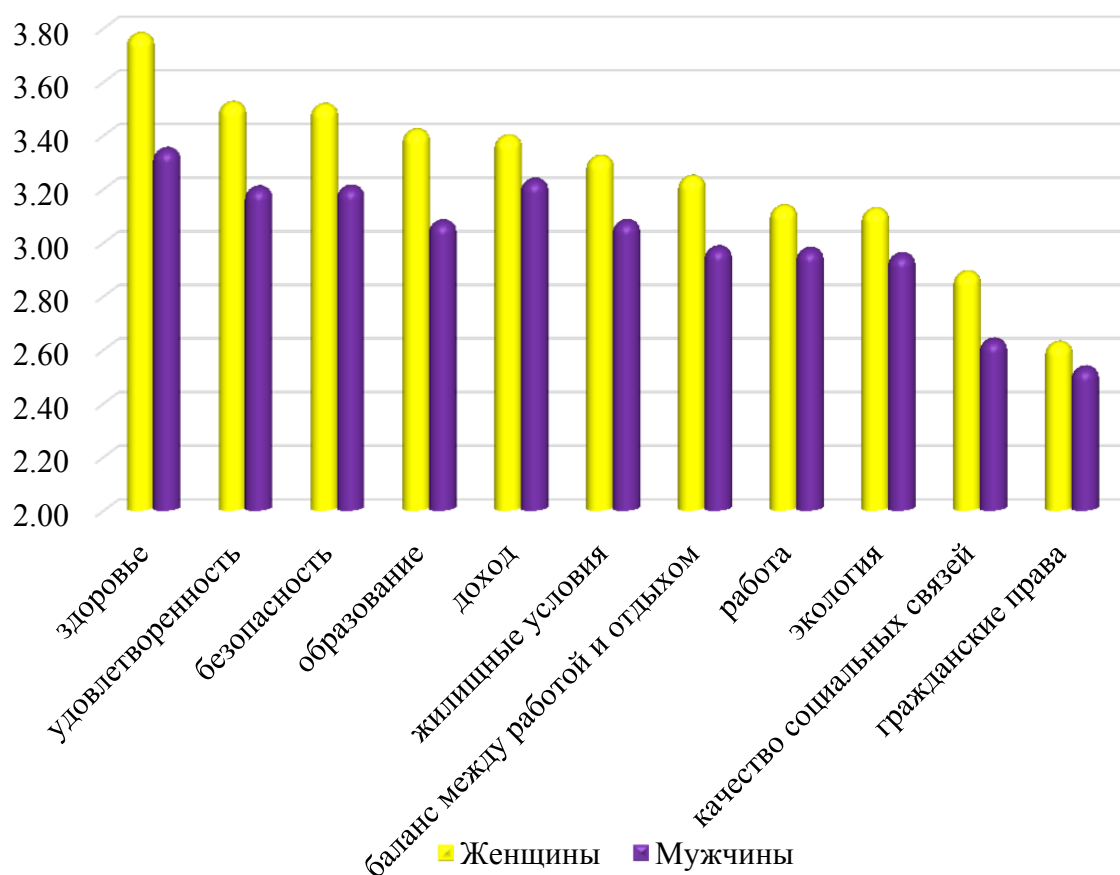

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение средних показателей важности аспектов уровня и качества жизни по полу в России, средний балл / Distribution of average indicators of the importance of aspects of the standard of living and quality of life in Russia, by sex, average score

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ОЭСР / calculated by the author based on the OECD. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/>.

нивали важность каждого аспекта для своей жизни. «Образование» и «здоровье» оценены как наиболее значительные: 3,42 против 3,08 (средний показатель важности для женщин и мужчин по образованию соответственно) и 3,78 против 3,35 (средний показатель важности для женщин и мужчин по здоровью соответственно). Расположив в порядке убывания по значимости эти аспекты, мы видим, что «доходы» у мужчин стоит на 2-м месте после «здоровья», в то время как у женщин он на 5-м, после «здоровья», «удовлетворенности», «безопасности» и «образования». Для мужчин помимо дохода важны «безопасность», «удовлетворенность» и «жилищные условия».

Если рассчитать моду и медиану для значений, то получим, что первые 6 аспектов и последний имеют одинаковую оценку, равную 3. Для оставшихся аспектов оценки меняются (табл. 2). Мода и медиана учитывают индивидуальные различия в аспектах.

Так, у женщин выше спрос на достойный «уровень гражданских прав» (гражданскую активность), «удовлетворенность жизнью» и «безопасность».

Также было проанализировано влияние возраста на предпочтения по отношению к группам показателей уровня и качества жизни (табл. 3). Аспекты, которым с возрастом придается меньшая значимость — «качество социальных связей» и «удовлетворенность жизнью». Также в ходе анализа было обнаружено, что в предпенсионном и пенсионном возрасте скачкообразно возрастает значимость образования и снижается значимость безопасности. Однако данные выводы предварительны и требуют корректировки из-за малой выборки данных (известно, что 80% участников опроса — молодежь).

Во время пандемии произошли небольшие изменения в предпочтениях: у людей повысилась значимость таких аспектов, как «здоровье» и «жилищные

Таблица 2 / Table 2

**Средние величины ценности определенных аспектов уровня и качества жизни в России по полу /
Average values of certain aspects of the standard of living and quality of life in Russia, by sex**

		(ж) гражданские права	(з) здоровье	(и) удовлетворенность	(к) безопасность
Муж.	Мода	1	5	3	3
	Медиана	2	3	3	3
Жен.	Мода	3	5	5	5
	Медиана	3	4	4	4

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ОЭСР / calculated by the author based on the OECD. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/>.

Таблица 3 / Table 3

**Динамика средних величин при оценке предпочтений аспектов уровня и качества жизни в России в зависимости от возраста / Average values in assessing preferences
for aspects of standard of living and quality of life in Russia depending on age**

Аспект	Изменение ср. значения	Изменение моды	Изменение медианы	Наблюдается ли тенденция?
а	0,13	1	0	Нет
б	-0,55	0	0	Да, незначительная отрицательная
в	-0,17	0	0	Да, незначительная отрицательная
г	-0,41	0	-1	Да, отрицательная
д	0,07	2	0,5	Нет
е	-0,22	2	0	Нет
ж	-0,28	-2	-1	Да, незначительная отрицательная
з	-0,10	0	0	Нет
и	-0,35	-2	-1	Да, отрицательная
к	-0,53	-2	-0,5	Нет
л	-0,47	0	0	Да, незначительная отрицательная

Примечание: (а) – жилищные условия; (б) – доход; (в) – работа; (г) – качество социальных связей; (д) – образование; (е) – экология; (ж) – гражданские права; (з) – здоровье; (и) – удовлетворенность; (к) – безопасность; (л) – баланс между работой и отдыхом.

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ОЭСР / calculated by the author based on the OECD. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/bli/>.

условия» (прирост средних значений на 3%). Оценки весомости дохода, образования и гражданских прав увеличились на 5–7%. Денежный вопрос обогнал «удовлетворенность» и «безопасность», заняв второе место после «здоровья». Первенство «здоровья» не удалось обогнать ни одному из направлений. Этим объясняется небольшой процент прироста значимости этого аспекта (менее 1%): большинство и так

ставят «здоровье» на первый план. Предполагается, что охват людей с подобным мнением в стране лишь немного увеличился.

ОБСУЖДЕНИЕ

По итогам исследования можно сделать вывод, что для различных аспектов и направлений, рассматриваемых в методиках оценки качества и уровня жиз-

ни населения, существуют свои собственные оценки значимости. Процент людей, безразличных к ранжированию и распределению представленных показателей, небольшой, но не настолько мал, чтобы забыть о существовании таких граждан. Несмотря на различные критерии значимости у людей, основные проблемы не всегда напрямую относятся к тем областям, которые наиболее важны для них: больше всего жалоб и негативных эмоций по контент-анализу было связано с группой показателей «доход», хотя «здоровье», «удовлетворенность» и «безопасность» в среднем по значимости выше у населения России.

Весьма малая доля людей заинтересована областью инноваций, инфраструктуры и развития науки, хотя это необходимо для повышения уровня и качества жизни населения. Наблюдается тенденция к спросу на развитие общества в плане воспитания нравственности и этического сознания («ценности»). Часто возникают претензии из-за дискриминации, несоблюдения прав и свобод граждан, несправедливости, стереотипности мышления, недостатка взаимоуважения.

Исследование показало, что в России женщины дают более высокие оценки всем аспектам уровня

и качества жизни населения. Наиболее важными группами показателей для них являются «здоровье» и «удовлетворенность». Учитывая индивидуальные различия и средние величины, можно утверждать, что именно благодаря женщинам в России значительно повышается значимость безопасности и гражданских прав. Кроме того, по мере взросления человека четко наблюдаются тенденции к снижению значимости качества социальных связей и удовлетворенности жизнью.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в России у граждан сформированы индивидуальные предпочтения в выборе основополагающих сфер уровня и качества жизни. На современном этапе при их оценке в зависимости от возраста, пола, ситуаций (пандемий, кризисов) требуется учитывать весовые параметры. Поскольку предпочтения могут меняться, то предполагается, что модели и методики оценки уровня и качества жизни должны учитывать эти переменные. Государственным структурам и содействующим им частным лицам необходимо исследовать и предусматривать эти изменения, чтобы оптимально оценивать качество и уровень жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батарин И.В. Стандарты и документы, регулирующие уровень и качество жизни населения в Российской Федерации. Научные исследования современных проблем развития России: Цифровая трансформация экономики. Сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых СПбГЭУ. СПб.: Изд-во СПбГЭУ; 2021:572–575.
2. Ершов А.Н., Мишин В.А. Методики оценки уровня социального здоровья населения. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021;(3):142–146.
3. Shynkaruk O., Denisova L. Methods for assessing quality of life: International experience. *Physical Education, Sports and Health Culture in Modern Society*. 2017;1(37):36–42. DOI: 10.29038/2220–7481–2017–01–36–42
4. Macků K., Čaha J., Pászto V., Tuček P. Subjective or objective? How objective measures relate to subjective life satisfaction in Europe. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2020;9(5):320. DOI: 10.3390/ijgi9050320
5. Kubiszewski I., Zakariyya N., Costanza R. Objective and subjective indicators of life satisfaction in Australia: How well do people perceive what supports a good life? *Ecological Economics*. 2018;154:361–372. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2018.08.017
6. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*. 2018;2(4):253–260. DOI: 10.1038/s41562–018–0307–6
7. Гринько Т.В., Филиппова Е.В. Обеспечение качества жизни населения в контексте национальной экономической безопасности. *The Scientific Heritage*. 2019;(41–3):6–10.
8. Dereli D.D. The relationship between high-technology exports, patent and economic growth in Turkey (1990–2015). *Journal of Business, Economics and Finance*. 2019;8(3):173–180. DOI: 10.17261/Pressacademia.2019.1124
9. Li X., Chen H., Zhu Z. Exploring the relationship between life quality and the perceptions of living-environment crises. *BMC Public Health*. 2021;21(1):774. DOI: 10.1186/s12889–021–10861–2
10. Rogge N., Van Nijverseel I. Quality of life in the European Union: A multidimensional analysis. *Social Indicators Research*. 2019;141(2):765–789. DOI: 10.1007/s11205–018–1854–y

11. Abokyi E., Strijker D., Asiedu K.F., Daams M.N. Buffer stock operations and well-being: The case of smallholder farmers in Ghana. *Journal of Happiness Studies*. 2022;23(1):125–148. DOI: 10.1007/s10902-021-00391-4
12. Voukelatou V., Gabrielli L., Miliou I., Cresci S, Sharma R, Tesconi M., Pappalardo L. Measuring objective and subjective well-being: Dimensions and data sources. *International Journal of Data Science and Analytics*. 2021;11(4):279–309. DOI: 10.1007/s41060-020-00224-2
13. Pleeging E., Burger M., Van Exel J. The relations between hope and subjective well-being: A literature overview and empirical analysis. *Applied Research in Quality of Life*. 2021;16(2):1019–1041. DOI: 10.1007/s11482-019-09802-4
14. Rani A., Qudoods A., Yaseen M.R., Tabassum S., Asif. A. The impact of social capital on household well-being in Pakistan. *Social Indicators Research*. 2021;158(3):927–946. DOI: 10.1007/s11205-021-02717-4
15. Greyling T., Tregenna F. Quality of life: Validation of an instrument and analysis of relationships between domains. *Development Southern Africa*. 2020;37(1):19–39. DOI: 10.1080/0376835X.2019.1684243
16. Burckhardt M., Fleischer S., Berg A. Agreement between the Schedule for the Evaluation of Individual Quality of Life-Direct Weighting (SEIQoL-DW) interview and a paper-administered adaption. *BMC Medical Research Methodology*. 2020;20:80. DOI: 10.1186/s12874-020-00961-9
17. Rohrer J.M., Schmukle S.C. Individual importance weighting of domain satisfaction ratings does not increase validity. *Collabra: Psychology*. 2018;4(1):6. DOI: 10.1525/collabra.116
18. Faka A. Assessing quality of life inequalities. A geographical approach. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2020;9(10):600. DOI: 10.3390/ijgi9100600
19. Kaklauskas A., Zavadskas E.K., Radzeviciene A., Ubarte I., Podvezko A., Podvezko V., Kuzminske A., Banaitis A., Binkyte A., Bucinskas V. Quality of city life multiple criteria analysis. *Cities*. 2018;72(Pt.A):82–93. DOI: 10.1016/j.cities.2017.08.002
20. Воробьев А.А. Качество жизни как показатель эффективности государственного управления. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016;(6–1):18–21. DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.056

REFERENCES

1. Batarin I.V. Standards and documents regulating the standard of living and quality of life in the Russian Federation. In: Research on contemporary problems of Russia's development: Digital transformation of the economy. Proc. Int. sci.-pract. conf. of young scientists of St. Petersburg State University of Economics. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2021:572–575. (In Russ.).
2. Ershov A.N., Mishin V.A. Methods for assessing the level of social health of the population. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2021;(3):142–146. (In Russ.).
3. Shynkaruk O., Denisova L. Methods for assessing quality of life: International experience. *Physical Education, Sports and Health Culture in Modern Society*. 2017;1(37):36–42. DOI: 10.29038/2220-7481-2017-01-36-42
4. Macků K., Caha J., Pászto V., Tuček P. Subjective or objective? How objective measures relate to subjective life satisfaction in Europe. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2020;9(5):320. DOI: 10.3390/ijgi9050320
5. Kubiszewski I., Zakariyya N., Costanza R. Objective and subjective indicators of life satisfaction in Australia: How well do people perceive what supports a good life? *Ecological Economics*. 2018;154:361–372. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2018.08.017
6. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*. 2018;2(4):253–260. DOI: 10.1038/s41562-018-0307-6
7. Grynko T., Filippova Ye. Ensuring the population's quality of life in the context of national economic security. *The Scientific Heritage*. 2019;(41–3):6–10.
8. Dereli D.D. The relationship between high-technology exports, patent and economic growth in Turkey (1990–2015). *Journal of Business, Economics and Finance*. 2019;8(3):173–180. DOI: 10.17261/Pressacademia.2019.1124
9. Li X., Chen H., Zhu Z. Exploring the relationship between life quality and the perceptions of living-environment crises. *BMC Public Health*, 2021;21(1):774. DOI: 10.1186/s12889-021-10861-2
10. Rogge N., Van Nijverseel I. Quality of life in the European Union: A multidimensional analysis. *Social Indicators Research*. 2019;141(2):765–789. DOI: 10.1007/s11205-018-1854-y
11. Abokyi E., Strijker D., Asiedu K.F., Daams M.N. Buffer stock operations and well-being: The case of smallholder farmers in Ghana. *Journal of Happiness Studies*. 2022;23(1):125–148. DOI: 10.1007/s10902-021-00391-4

12. Voukelatou V., Gabrielli L., Miliou I., Cresci S, Sharma R, Tesconi M., Pappalardo L. Measuring objective and subjective well-being: Dimensions and data sources. *International Journal of Data Science and Analytics*. 2021;11(4):279–309. DOI: 10.1007/s41060-020-00224-2
13. Pleeing E., Burger M., Van Exel J. The relations between hope and subjective well-being: A literature overview and empirical analysis. *Applied Research in Quality of Life*. 2021;16(2):1019–1041. DOI: 10.1007/s11482-019-09802-4
14. Rani A., Quddoos A., Yaseen M.R., Tabassum S., Asif. A. The impact of social capital on household well-being in Pakistan. *Social Indicators Research*. 2021;158(3):927–946. DOI: 10.1007/s11205-021-02717-4
15. Greyling T., Tregenna F. Quality of life: Validation of an instrument and analysis of relationships between domains. *Development Southern Africa*. 2020;37(1):19–39. DOI: 10.1080/0376835X.2019.1684243
16. Burckhardt M., Fleischer S., Berg A. Agreement between the Schedule for the Evaluation of Individual Quality of Life-Direct Weighting (SEIQoL-DW) interview and a paper-administered adaption. *BMC Medical Research Methodology*. 2020;20:80. DOI: 10.1186/s12874-020-00961-9
17. Rohrer J.M., Schumle S.C. Individual importance weighting of domain satisfaction ratings does not increase validity. *Collabra: Psychology*. 2018;4(1):6. DOI: 10.1525/collabra.116
18. Faka A. Assessing quality of life inequalities. A geographical approach. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2020;9(10):600. DOI: 10.3390/ijgi9100600
19. Kaklauskas A., Zavadskas E.K., Radzeviciene A., Ubarte I., Podvieszko A., Podvezko V., Kuzminske A., Banaitis A., Binkyte A., Bucinskas V. Quality of city life multiple criteria analysis. *Cities*. 2018;72(Pt.A):82–93. DOI: 10.1016/j.cities.2017.08.002
20. Vorobyev A.A. Quality of life as an indicator of governance effectiveness. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2016;(6–1):18–21. (In Russ.). DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.056

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Иван Валентинович Батарин — аспирант кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Ivan V. Batarin — postgraduate student at the Faculty of Management, Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8069-6639>

ivanikys@mail.ru

Исмаил Магеррамович Алиев — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Ismail M. Aliev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7200-8966>

aliev.06@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.03.2022; после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 10.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 07.03.2022; revised on 20.04.2022 and accepted for publication on 10.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-85-95
УДК 339.7(045)
JEL F34, H6

Долговая политика в современных условиях развития мировой экономики

Л.Г. Чувахина, Л.М. Куприянова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является выявление основных субъектов долговой экономики России и США. Научная новизна данного исследования заключается в раскрытии механизма деятельности Федеральной резервной системы (ФРС) США как субъекта долговой экономики — основного держателя публичного государственного долга и гаранта долларового финансирования. В статье рассмотрены меры поддержки федерального бюджета, определены условия роста федерального долга США, влияния финансовой политики ФРС на состояние государственного долга. Обоснована авторская позиция по усилению роли ФРС в управлении экономическими процессами.

Ключевые слова: долговая политика; Федеральный резерв; дефицит федерального бюджета; казначейские облигации; корпоративный долг

Для цитирования: Чувахина Л.Г., Куприянова Л.М. Долговая политика в современных условиях развития мировой экономики. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):85-95. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-85-95

ORIGINAL PAPER

Debt Policy in Modern Conditions of the World Economy Development

L.G. Chuvakhina, L.M. Kupriyanova
Finance University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of this article is to identify the main subjects of the debt economy of Russia and the USA. The scientific novelty of this study lies in the disclosure of the mechanism of activity of the US Federal Reserve System (FRS) as a subject of the debt economy, the main holder of public debt and the guarantor of dollar financing. The article considers measures of federal budget support, defines the conditions of growth of federal debt of the United States, the influence of the financial policy of the FRS on the state of public debt. The author's position on strengthening the role of the FRS in management of economic processes is substantiated.

Keywords: debt policy; Federal Reserve; federal budget deficit; treasury bonds; corporate debt

For citation: Chuvakhina L.G., Kupriyanova L.M. Debt policy in modern conditions of the world economy development. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):85-95. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-85-95

ВВЕДЕНИЕ

Развитие международного долгового рынка (МДР) как части международного финансового рынка определяется, прежде всего, магистральным направлением развития самого международного финансового рынка. В устойчивой ситуации будет увеличиваться объем операций на МДР, в кризисной — на МДР возможна стагнация, в условиях обострения кризиса — сокращение объема операций на эмиссионном сегменте МДР.

В структуре эмиссионного сегмента МДР, как правило, доминируют заемщики из развитых стран (80–90%), в ближайшие годы, возможно, главными заемщиками будут страны Азиатско-Тихоокеанского региона (например, КНР). При этом для Японии, Канады, Бразилии, Швейцарии и Южной Кореи характерно возрастание объема операций на МДР, и они объективно могут конкурировать с традиционными лидерами (Великобритания, США, Франция, Германия, Нидерланды).

© Чувахина Л.Г., Куприянова Л.М., 2022

Экономическое развитие России зависит не только от использования собственных ресурсов для достижения намеченных целей, но и от эффективного механизма долгового финансирования. Но внутренние рынки долгового финансирования не всегда способны удовлетворять потребности участников в отношении количества, стоимости и сроков предоставления денежных ресурсов. В качестве альтернативы источником фондирования рассматривается международный рынок долгового финансирования.

Развитые страны благополучно решают проблему обеспечения сбалансированности бюджета [1]. Их мощная законодательная база защищает национальную экономику и граждан. Тем не менее, несмотря на сформированное правовое поле в большинстве развитых стран, мировой опыт показывает, что на практике сбалансированность бюджета (которая является стратегической целью бюджетной политики) обеспечить очень сложно. Бюджетный дефицит присутствует во всех странах мира [2].

ДОЛГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

По итогам 2021 г., бюджет России исполнен с профицитом в 515 млрд руб.¹ Рост экономики объективно привел к росту доходов до 25,3 трлн руб. Рост расходов федерального бюджета — в 1,9 трлн руб., по сравнению с 2020 г. Общий объем расходов бюджета составил 20,6 трлн руб.

Темпы роста ВВП в 2020 г. составили 4,7%, что свидетельствует о более динамичном восстановлении экономики России, по сравнению с другими странами.

В 2021 г. отмечался рост инвестиций, увеличилась занятость населения, осуществлены антикризисные социальные меры по поддержке частного предпринимательства. Ситуация на рынке труда вернулась на доковидный уровень 2019 г.

По данным статистики, государственный долг России на 1 апреля 2022 г. составил 4804890 млн руб. (57143,2 млн долл.). Стратегия управления внешним и внутренним государственным долгом России принята в рамках определенных целей и задач развития страны и регионов с учетом общего объема бюджетного дефицита и необходимых объемов заимствований, а также установленных границ государственного долга в рамках сформированной политики государственных заимствований (табл. 1).

В первую очередь для оценки государственного долга используется показатель общей долговой

нагрузки на экономику — отношение государственного долга страны к ВВП. Положение России в сфере долговой политики можно охарактеризовать как прочное, основываясь на стабилизации расходов на обслуживание государственного долга в период 2018–2019 гг. В эти годы в структуре госдолга преобладали ценные бумаги (около 75%) как часть государственных обязательств, выраженных в национальной валюте (рублях). В структуре государственного внешнего долга России на 1 января 2019 г. наблюдалась большая задолженность по внешним облигационным займам.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА РОСТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА США

Серьезной проблемой для экономики США является дефицит федерального бюджета и необходимость его финансирования. Причиной этого стал экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, который потребовал привлечения значительных денежных средств (табл. 2).

Как видно из табл. 2, в 2016–2019 гг. дефицит бюджета рос относительно медленными темпами. В 2020 финансовом году произошло резкое (более чем трехкратное) увеличение бюджетного дефицита — до 3,132 трлн долл. США, по сравнению с 2019 г. (0,984 млрд долл.), из-за принятия мер по поддержке национальной экономики в условиях пандемии. В 2021 г. имело место незначительное уменьшение дефицита бюджета до 2,775 трлн долл. США за счет заметного роста (на 18%) поступлений от федеральных доходов. Несбалансированность бюджета США объясняется в первую очередь высокими государственными расходами, которые выросли в 2021 г., по сравнению с 2019 г., на 53%, до рекордных 6,822 трлн долл. Правительство США выделило значительные денежные средства для оказания финансовой поддержки населению и бизнесу в виде стимулирующих выплат и выдачи чрезвычайных кредитов предприятиям малого бизнеса. Бюджетный дефицит в 2020 финансовом году достиг 15,0% к ВВП, в 2021 г. — 12,1% против 4,6% в 2019 г. В 2021 финансовом году расходы федерального бюджета составили почти 30% от ВВП страны, значительно превысив доходы (17,6%), что говорит об относительно умеренном влиянии доходных статей бюджета на экономику США. В предыдущие годы разрыв между рассматриваемыми показателями был значительно меньше, что видно из табл. 3.

При росте дефицита бюджета и увеличении государственного долга США растут расходы на обеспече-

¹ URL: <https://bujet.ru/article/445109.php>

Таблица 1 / Table 1

Параметры бюджета России на 2021–2022 гг. / Russian budget parameters for 2021–2022

Показатели/год / Indicators/year	2020	2021	2022
Объем ВВП (млрд руб.)	112 863	120 364	128 508
Уровень инфляции (%)	3	4	4
Прогнозируемый общий объем доходов федерального бюджета (млн руб.)	20 379 371	21 246 524	22 058 263
в том числе: прогнозируемый общий объем дополнительных нефтегазовых доходов (млн руб.)	2 332 924	2 234 556	2 035 670
Общий объем расходов федерального бюджета (млн руб.)	19 503 319	20 634 020	21 763 304
Верхний предел государственного внутреннего долга (млн руб.)	12 981 289	14 643 689	16 619 254
Верхний предел государственного внешнего долга (млрд долл. США; млрд евро)	64,4 56,4	67,6 57,8	68,9 57,4
Профицит федерального бюджета (млн руб.)	876 051	619 504	294 959

Источник / Source: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/

Таблица 2 / Table 2

Расходы и доходы федерального бюджета США (2016–2021 гг.), в трлн долл. /
Expenditures and revenues of the U.S. Federal Budget (2016–2021), trn USD

Финансовый год / Financial year	Расходы федерального бюджета / Federal budget expenditures	Доходы федерального бюджета / Federal budget revenues	Дефицит бюджета / Federal budget deficit
2016	3,853	3,268	-0,585
2017	3,982	3,316	-0,665
2018	4,109	3,330	-0,779
2019	4,447	3,462	-0,984
2020	6,551	3,419	-3,132
2021	6,822	4,047	-2,775

Источник / Source: URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FYFSD>; <https://fred.stlouisfed.org/series/FYONET>; <https://fred.stlouisfed.org/series/FYFR>

Таблица 3 / Table 3

Расходы и доходы федерального бюджета США (2015–2021 гг.), в % от ВВП /
Expenditures and revenues of the U.S. Federal Budget (2015–2021), % of GDP

Год / Year	Расходы федерального бюджета / Federal budget expenditures	Доходы федерального бюджета / Federal budget revenues	Дефицит бюджета / Budget deficit
2015	20,242	17,819	-2,423
2016	20,553	17,434	-3,119
2017	20,374	16,969	-3,405
2018	19,935	16,155	-3,780
2019	20,746	16,154	-4,593
2020	31,358	16,368	-14,989
2021	29,667	17,599	-12,068

Источник: URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FYONGDA188S>.

ние выплат по нему — с 2007 по 2020 г. они возросли на 92 млрд долл. США (21%), составив 8% от всех бюджетных расходов, против 15,8% в 2007 г.² Невысокие расходы на обслуживание государственного долга при его постоянном росте можно объяснить массивными долларовыми вливаниями ФРС в денежное обращение при сохранении относительно низкой ключевой ставки, сдерживающей рост выплат по государственному долгу. В условиях роста ключевой ставки в 2022 г. (на конец июня 2022 г. — 1,5–1,75%) можно ожидать дальнейшего увеличения расходов по обслуживанию государственного долга. 16 марта ФРС (впервые с декабря 2018 г.) повысила ключевую ставку на 0,25 п.п., до 0,25–0,5%, в ответ на тяжелые последствия для экономики страны, вызванные пандемией коронавируса; 4 мая — на 0,5 п.п., до 0,75–1%, в целях нейтрализации инфляции; 15 июня — на 0,75 п.п., до 1,5–1,75% годовых. Такое резкое увеличение ключевой ставки объясняется сохранением высокого уровня инфляции в США, достигшей в мае 2022 г. 8,6%, на фоне улучшения деловой активности и достаточно низкого уровня безработицы в стране³. Высокий уровень инфляции является результатом дисбаланса спроса и предложения, высоких цен на энергоносители и продовольствие, ковидных ограничений в Китае, приводящих к нарушению цепочек поставок. Согласно существующим прогнозам

² URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/05/hist03z2_fy22.xlsx

³ Here's What You Need to Know About America's Super-Hot Inflation. URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/11/business/economy/inflation-us-prices.html>

ключевая ставка ФРС может достичь порядка 3,5% к концу 2022 г.⁴ В этом случае расходы по обслуживанию государственного долга могут вырасти до 20–25% от совокупных бюджетных расходов, что болезненно отразится на состоянии федерального бюджета. ФРС понизила прогноз роста ВВП США на 2022 г. до 1,7% с ранее обозначенных 2,8%⁵.

Как видно из *табл. 4*, государственный долг США имеет тенденцию к постоянному росту. За период 2007–2020 гг. он вырос почти в 3 раза с 9,4 трлн долл. США (64,4% ВВП) до 27,7 трлн долл. США (129,9% ВВП). К концу 2021 г. он достиг 29,6 трлн долл., к концу I квартала 2022 г. — 30,4 трлн долл. США. Особенностью США является номинирование государственного долга в национальной валюте. США берут в долг средства в долларах и возвращают его также в долларах. До тех пор, пока доллар остается ключевой мировой валютой, США могут бесконечно брать в долг значительные суммы. В случае необходимости ФРС может осуществить дополнительную эмиссию долларов для выкупа долговых обязательств [3].

Для финансирования государственного долга используются облигации, выпускаемые Министерством финансов США. Торговля ими позволяет американскому правительству получать дополнительные

⁴ ФРС США подняла ставку до 1,5–1,75% годовых. Что ждет рынки. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/62a88e519a7947d51e6838ed>; ФРС США подняла ставку до 1,5–1,75% годовых. Что ждет рынки. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/62a88e519a7947d51e6838ed>

⁵ ФРС США повысила базовую процентную ставку. URL: <https://ria.ru/20220615/stavka-1795603621.html>

Таблица 4 / Table 4

Государственный долг США (2007–2022 гг.) / U.S. public debt (2007–2022)

Год / Year	Доля государственного долга в ВВП США, % / The share of public debt to US GDP, %	Государственный долг в трлн долл. США / Public debt in trn USD
2007	64,4	9,438
2008	77,3	11,127
2009	86,8	12,773
2010	93,4	14,270
2011	97,4	15,607
2012	101,2	16,771
2013	102,9	17,601
2014	100,8	18,152
2015	104,3	19,265
2016	103,2	19,846
2017	104,4	21,090
2018	104,3	22,028
2019	107,7	23,224
2020	129,9	27,747
2021	123,4	29,617
I кв. 2022	124,6	30,400

Источник / Source: URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEGDQ1885>

средства для обеспечения государственных расходов в условиях растущего бюджетного дефицита [4]. Инвесторы обеспечивают сохранность резервных денежных средств и формируют долларовую «подушку безопасности».

СУБЪЕКТЫ ДОЛГОВОЙ ЭКОНОМИКИ США

Государственный долг США состоит из двух частей: публичного (public debt) и внутриправительственного (intragovernmental debt) долга. На публичный долг приходится около 80% федерального долга, на внутриправительственный — 20%. При этом держателями последнего являются государственные институты (правительственные пенсионные фонды, фонды социального страхования), вкладывающие свободные денежные средства в казначейские облигации, что отражается на счете в Министерстве финансов США [5].

Публичная часть долга (public debt) представлена государственными ценными бумагами, обращающи-

мися на открытом рынке. Основные их держатели представлены в *табл. 5*.

Основными держателями публичного государственного долга являются иностранные инвесторы. Их доля с 2008 по 2015 г. превышала 40%. Начиная с 2016 г. доля иностранных инвесторов постоянно уменьшается, что видно из *табл. 4*. В 2021 г. она составила 30%, что свидетельствует об ослаблении заинтересованности иностранных инвесторов в покупке американских долговых обязательств.

В условиях роста заимствований и одновременно ослабления влияния иностранных кредиторов на ведущие позиции выходят национальные инвесторы: инвестиционные и пенсионные фонды, страховые компании, коммерческие банки, авуары которых выросли на 635 млрд долл. за 2021 г.⁶

⁶ US Treasury Securities Statistics. URL: <https://www.sifma.org/wp-content/uploads/2021/02/US-Treasury-Securities-Statistics-SIFMA.xlsx>

Таблица 5 / Table 5

Основные держатели публичного государственного долга США, % / The main holder of U.S. public debt, %

Дата / Data	Физические лица / Individuals	Инвестиционные фонды / Investment funds	Банки / Banks	Страховые компании / Insurance companies	ФРС / FRS	Органы управления штатов / State government	Иностранные инвесторы / Foreign investors	Пенсионные фонды / Pension funds	Остальные / Others
2007	0	7	2	2	12	11	40	22	3
2008	4	11	5	2	6	8	43	19	2
2009	9	9	3	3	9	7	42	17	2
2010	10	8	4	2	10	6	43	16	2
2011	8	8	4	3	14	5	42	15	2
2012	8	8	4	2	15	5	42	14	1
2013	6	8	3	2	17	5	43	15	1
2014	5	8	4	2	19	4	42	14	1
2015	7	9	4	2	18	4	41	14	1
2016	7	11	4	2	17	5	38	15	1
2017	7	12	4	2	16	5	38	14	2
2018	9	12	5	2	13	4	36	16	1
2019	10	13	5	2	13	4	35	15	2
2020	7	16	5	2	22	4	29	13	2
2021	2	15	7	2	24	6	30	13	1
I кв. 2022	3	14	7	1	23	6	30	14	2

Источник / Source: URL: <https://www.sifma.org/wp-content/uploads/2021/02/US-Treasury-Securities-Statistics-SIFMA.xlsx>

Их совокупная доля как держателей публично-государственного долга достигла в 2021 г. 37%. В 2022 г. из-за повышения ключевой ставки ФРС целый ряд финансовых институтов, включая инвестиционные и пенсионные фонды, банки, страховые компании, и другие держатели государственного долга могут понести серьезные убытки.

В 2021 г. доля сосредоточенных в руках физических лиц долговых обязательств по суверенному государственному долгу снизилась до 2% против 7% в 2020 г. и 10% в 2019 г., что вызвано сокращением объемов покупки облигаций физическими лицами напрямую, через денежные фонды.

Крупнейшим держателем суверенного государственного долга после иностранных инвесторов

является ФРС США. На финансирование государственного долга США направлена основная часть денежных средств ФРС, доля которых составляет порядка 67–69%⁷.

Выпущенные ФРС доллары преимущественно вкладываются в казначейские облигации, закупки которых были значительно увеличены в 2020–2021 гг. На ФРС в 2021 г. приходилось 24% суверенного долга против 13% в 2019 г. и 6% в 2008 г. Фактором увеличения доли ФРС стало приобре-

⁷ Factors Affecting Reserve Balances (H.4.1) for Feb 18, 2021. URL: <https://www.federalreserve.gov/datadownload/Download.aspx?rel=H41&series=58e3a3737f0257bd2c349939c2346207&filetype=spreadsheetml&label=include&layout=seriesrow&from=01/01/2020&to=12/31/2020>

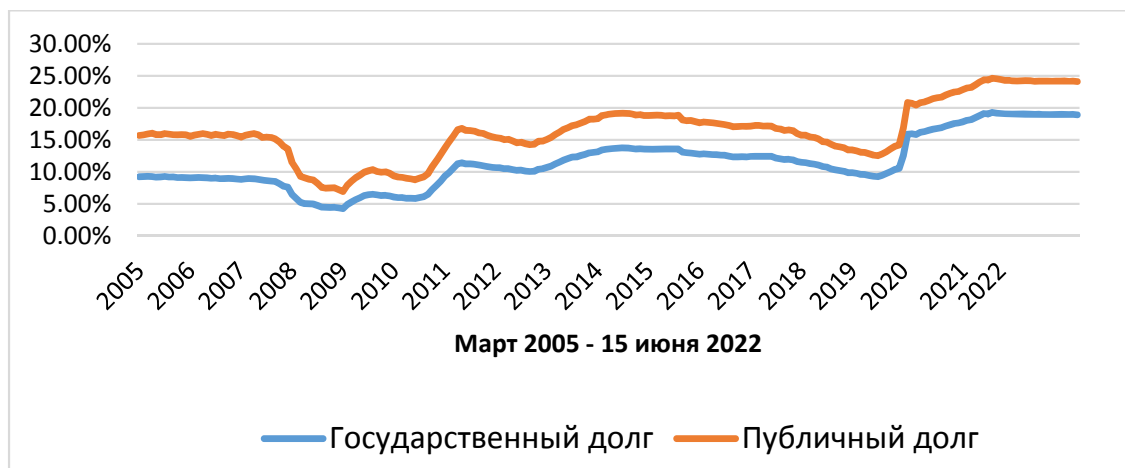

Рис. 1 / Fig. 1. Доля казначейских облигаций на балансе ФРС в процентах от государственного и публичного долгов / The share of U.S. Treasury securities on FRS balance as a percentage of national and public debt, %

Источник / Source: URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/WSHOTSL>; <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/debt-to-the-penny/debt-to-the-penny>

тение огромных объемов казначейских бумаг для поддержания экономики страны в период пандемии коронавируса. Скупая казначейские облигации, Федеральный резерв вмешивается в решение проблемы государственного долга. Происходит монетизация федерального долга через раздувание баланса ФРС. На 15 июня 2022 г. на балансе ФРС значатся активы, доля которых составляет порядка 24% от публичного долга и 19% от общего федерального долга (рис. 1)⁸.

В функции ФРС входит регулирование объема денежной массы. Через операции с долговыми ценными бумагами на открытом рынке ФРС влияет на предложение денежных средств. Определить, насколько увеличена денежная масса после покупки ценных бумаг, возможно при анализе баланса федерального резерва, в активах которого отражены объемы долговых бумаг. Начиная с сентября 2019 г. объемы долговых бумаг постоянно растут [6].

Если на 29 января 2020 г. объем долговых бумаг на балансе ФРС был равен 2,409 трлн долл., то на 25 мая 2022 г. — 5,769 трлн долл. США⁹.

⁸ Assets: Securities Held Outright: U.S. Treasury Securities: Wednesday Level, Millions of U.S. Dollars, Weekly, Not Seasonally Adjusted. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/WSHOTSL>; Outstanding U.S. debt on a daily basis. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/debt-to-the-penny/debt-to-the-penny>

⁹ Factors Affecting Reserve Balances (H.4.1) for Feb 18, 2021. URL: <https://www.federalreserve.gov/datadownload/Download.aspx?rel=H41&series=58e3a3737f0257bd2c349939c2346207&filetype=spreadsheetml&label=include&layout=seriesrow&from=01/01/2020&to=12/31/2020>

За последние десятилетия в 2019–2022 гг. наблюдается самый высокий прирост активов на балансе ФРС. В апреле 2022 г. активы ФРС достигли рекордного уровня в 8,9 трлн долл. США, или 36% ВВП страны¹⁰. С 1 июня 2022 г. финансовый регулятор ежемесячно сокращает баланс на 47,5 млрд долл., реализуя казначейские облигации на 30 млрд долл., а ипотечные ценные бумаги — на 17,5 млрд долл. США. С сентября 2022 г. предусмотрено ежемесячное сокращение баланса на 95 млрд долл. США, что в два раза превышает установленный с июня уровень¹¹. Выкуп активов был прекращен еще в марте 2022 г.

Государственные ценные бумаги, держателем которых является ФРС, становятся фактором, влияющим на денежную массу. Источник изменений денежной массы — депозит Казначейства в ФРС. Казначейство является небанковским держателем средств, находящихся непосредственно на счете ФРС. Расходы Казначейства осуществляются со счета в ФРС. Счета в ФРС на 75% принадлежат Казначейству США. При этом данная ликвидность заморожена. Она не циркулирует в финансовой системе. Таким образом, не все доллары, эмиссию которых осуществляет ФРС, попадают напрямую в финансовую систему.

В случае роста размера депозита Казначейства на балансе ФРС денежная масса уменьшается, и на-

¹⁰ Федрезерв уже в мае может начать сокращать активы на балансе на \$ 95 млрд в месяц. URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/5694531>

¹¹ ФРС США повысила ставку до 0,75–1% годовых. Что важно знать инвесторам. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/627274159a794718c1de5368>

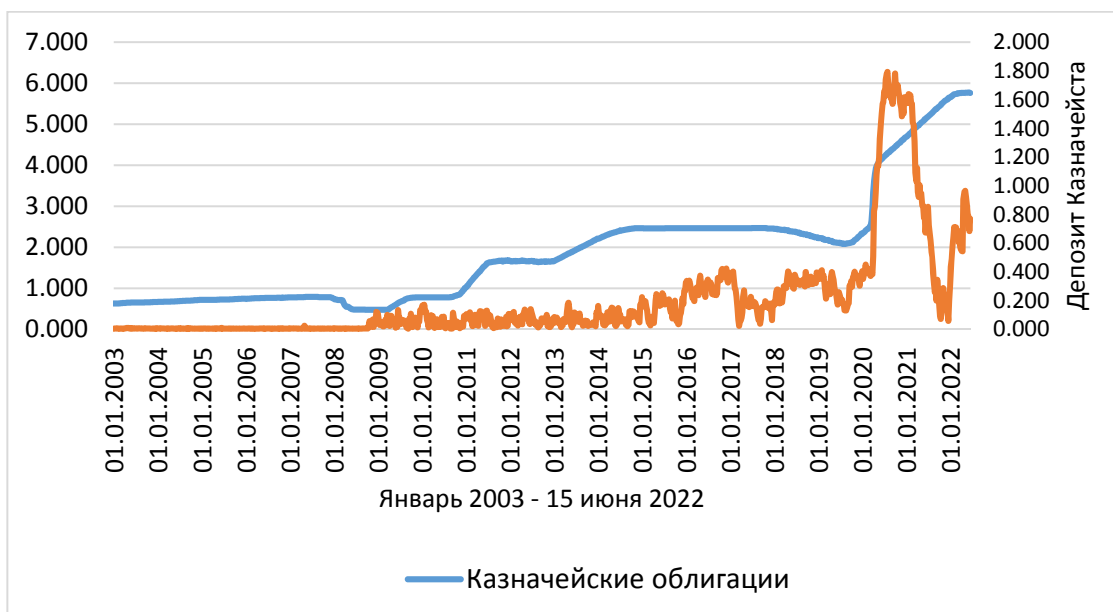

Рис. 2 / Fig. 2. Статьи баланса ФРС, трлн долл. США / Items on the FRS balance, trn USD

Источник / Source: URL: <https://www.federalreserve.gov/datadownload/Download.aspx?rel=H41&series=58e3a3737f0257bd2c349939c2346207&filetype=sheethtml&label=include&layout=seriesrow&from=01/01/2020&to=12/31/2020>

оборот. Налицо обратный характер зависимости между размером депозита и величиной денежной массы (рис. 2).

Если объем казначейских облигаций с начала 2020 г. постоянно рос, то размер депозита, заметно увеличившись к середине 2020 г., стал постепенно сокращаться, уменьшившись в конце ноября 2021 г. до 141 млрд долл. против 1792 млрд долл. в конце июля 2020 г. Начиная с января 2021 г. наметилось увеличение размера депозита Казначейства, который достиг 957 млрд долл. в конце апреля 2022 г. Однако в мае и июне имело место его сокращение (табл. 6).

РОЛЬ ФРС В НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ США

Поддержка Федеральным резервом долговых рынков предусматривает скупку не только казначейских, но и корпоративных, муниципальных долговых бумаг и даже так называемых «мусорных», не имеющих реальной ценности, в целях нейтрализации кризисных явлений в экономике. Скупка казначейских облигаций и ипотечных ценных бумаг фактически не ограничена. В результате на балансе Федерального резерва сосредоточилась одна треть от общего объема ипотечных облигаций США. С начала 2020 г. по 8 апреля 2021 г. объем ипотечных облигаций в активах на балансе ФРС увеличился более, чем на 55% — с 1,4 до 2,2 трлн

долл. США¹². Рост объема ипотечных облигаций происходил в течение 15 месяцев, среднемесячный прирост составил свыше 3,5%. ФРС активно скупала ипотечные ценные бумаги с целью смягчения последствий пандемии для американских домовладельцев.

В июне 2020 г. ФРС впервые приступила к скупке выпущенных американскими компаниями корпоративных облигаций для поддержки национального бизнеса. Решение финансового регулятора было вызвано обрушением рынка нефти и намерением инвесторов реализовать корпоративные облигации. Выступив на долговом рынке покупателем корпоративных облигаций, Федеральный резерв исходил из интересов субъектов рынка, стремящихся перевести свои активы в наличные денежные средства.

Поддержка ФРС сделала рынок корпоративных облигаций более привлекательным. За первые пять месяцев 2020 г. выпуск инвестиционных корпоративных облигаций достиг по стоимости 500 млрд долл. против 200 млрд долл. США за аналогичный период 2019 г. Такой рост был обусловлен стремлением привлечь максимально возможную денежную ликвидность. Инвестиционные компании, начав эмиссию облигаций, заметно сократили привле-

¹² Assets: Securities Held Outright: Mortgage-Backed Securities: Wednesday Level, Millions of U.S. Dollars, Weekly, Not Seasonally Adjusted. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/WSHOMCB>

Таблица 6 / Table 6

Статьи баланса ФРС на конец месяца, трлн долл. США / Items on the FRS balance at end of month, trn USD

Дата / Data	Казначейские облигации / Treasury bonds	Депозит Казначейства / Treasury deposit
29.01.2020	2,409	0,451
26.02.2020	2,474	0,388
25.03.2020	2,978	0,385
29.04.2020	3,971	1,076
27.05.2020	4,110	1,327
24.06.2020	4,197	1,587
29.07.2020	4,294	1,792
26.08.2020	4,359	1,607
30.09.2020	4,445	1,782
28.10.2020	4,527	1,653
25.11.2020	4,607	1,484
30.12.2020	4,689	1,614
27.01.2021	4,766	1,613
24.02.2021	4,845	1,440
31.03.2021	4,942	1,122
28.04.2021	5,015	0,932
26.05.2021	5,087	0,779
30.06.2021	5,183	0,852
28.07.2021	5,264	0,537
25.08.2021	5,346	0,258
29.09.2021	5,431	0,174
27.10.2021	5,513	0,236
24.11.2021	5,579	0,141
29.12.2021	5,652	0,284
26.01.2022	5,716	0,640
23.02.2022	5,742	0,675
30.03.2022	5,760	0,557
27.04.2022	5,764	0,957
25.05.2022	5,769	0,802
15.06.2022	5,763	0,770

Источник / Source: URL: <https://www.federalreserve.gov/datadownload/Download.aspx?rel=H41&series=58e3a3737f0257bd2c349939c2346207&filetype=sheet&label=include&layout=seriesrow&from=01/01/2020&to=12/31/2020>

чение банковских заемных средств. Банки не смогли удовлетворить спрос компаний на долларовую ликвидность. ФРС взяла на себя обязанность удовлетворить спрос на кредиты, используя свой собственный баланс. Покупая корпоративные облигации, Федеральная резервная система давала возможность компаниям продать большее количество облигаций. В рамках программы поддержки компаний ФРС выступила кредитором последней инстанции для корпоративного сектора. По сути, Федеральный резерв перешел к покупке корпоративного долга, что в период кризиса способствовало поддержанию ликвидности и функционированию рынка облигаций. Покупая корпоративные облигации, Федеральная резервная система давала возможность компаниям продать большее количество облигаций и одновременно взяла на себя часть рисков, например кредитный риск компаний, которые часто не в состоянии расплатиться по долгам.

Скупая корпоративные долги, ФРС фактически усиливает свое влияние на реальный сектор экономики. Монопольное положение ФРС исключает конкуренцию с другими структурами в рамках финансирования долговой модели экономики США. Таким образом, ФРС остается главным бенефициаром государственного долга США.

В период кризиса, вызванного пандемией COVID-19, ФРС в целях поддержки фондовых активов ставила вопрос о возможной скупке не только долговых бумаг бизнеса, но и акций, поскольку от них пытались освободиться как американские, так и иностранные инвесторы. Руководство ФРС считало, что этот вопрос станет актуальным в условиях, когда сдержать акции от падения будет нереально без частичной «национализации» фондового рынка Федеральным резервом, хотя американские законы запрещают расширение активов ФРС с помощью

подобных операций. За возможность внесения корректив в американское законодательство в апреле 2020 г. выступила нынешний министр финансов США Дж. Йеллен [7]. Речь идет о снятии запрета на приобретение Федеральным резервом акций компаний. Ряд представителей американского бизнеса считают целесообразным разрешить ФРС выкупать не только облигации, но и акции. В этом случае все скупленное перейдет на баланс ФРС, что позволит финансовому регулятору еще больше усилить свои позиции. Такой сценарий возможен, учитывая неустойчивость финансовой системы США, вызванную нарастанием государственного долга.

ВЫВОДЫ

Опыт ФРС может представлять интересы для ЦБ РФ и других финансовых организаций при разработке денежно-кредитной политики, а также для финансовых регуляторов других стран — членов ЕАЭС.

Пандемия коронавируса упрочила влияние федерального резерва, дала возможность иностранным партнерам занимать денежные средства в долларах под залог государственных долговых обязательств. Основные средства ФРС предоставляет центральным банкам стран Евросоюза, Великобритании, Канады, Японии.

Будучи мировым гарантом долларовой финансово-кредитной системы, ФРС проводит политику долларизации мировой экономики и закрепления ключевой роли доллара в глобальной финансовой системе [8].

От проводимой федеральным резервом монетарной политики страдают развивающиеся страны ввиду слабости их национальных валют и высокого уровня внешней задолженности.

Поэтому понятна позиция России и других стран БРИКС, направленная на дедолларизацию мировой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сурхаев И.Д. Сбалансированность бюджета: опыт стран Европейского союза, США, Чили. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2020;(8):16–23.
2. Куприянова Л.М., Сурхаев И.Д. Сбалансированность федерального бюджета. *Учет. Анализ. Аудит*. 2020;7(4):52–62. DOI: 10.26794/2408–9303–2020–7–4–52–62
3. Чувахина Л.Г. Перспективы доллара США как мировой резервной валюты. *Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал*. 2012;(3):29–42.
4. Портной М.А. Феномен государственного долга США как способа привлечения в бюджет денежных средств путем торговли доходом. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(5):26–34. DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–5–26–34
5. Чувахина Л.Г. Долговая политика США. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2018;(1):8–20.
6. Чувахина Л.Г. Денежно-кредитная политика ФРС США в условиях нарастания кризисных явлений в мировой экономике. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2020;(8):8–15.

7. Гильдебрандт В. Хозяева денег готовятся скупить всю Америку. SMART-LAB. 09.05.2020. URL: <https://smart-lab.ru/blog/620282.php> (дата обращения: 16.03.2022).
8. Chuvakhina L., Nasirbeik A., Ivanovskaya Zh. US policy on dollarization of the world economy. *Universal Journal of Accounting and Finance*. 2021;9(4):885–893. DOI: 10.13189/ujaf.2021.090434

REFERENCES

1. Surkhaev I.D. Budget balance: Experience of the European Union, United States and Chile. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2020;(8):16–23. (In Russ.).
2. Kupriyanova L.M., Surkhaev I.D. Balance of the federal budget. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2020;7(4):52–62. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408–9303–2020–7–4–52–62
3. Chuvakhina L.G. Prospects of the US dollar as the world reserve currency. *Gosudarstvennyi universitet Minfina Rossii. Finansovyi zhurnal*. 2012;(3):29–42. (In Russ.).
4. Portnoy M.A. The phenomenon of the US government debt as a way to attract money to the budget by trading income. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2020;13(5):26–34. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–5–26–34
5. Chuvakhina L.G. USA debt policy. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2018;(1):8–20. (In Russ.).
6. Chuvakhina L.G. US Federal Reserve monetary policy in the context of the modern world economy crisis. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2020;(8):8–15. (In Russ.).
7. Hildebrandt V. The owners of money are preparing to buy up all of America. SMART-LAB. May 09, 2020. URL: <https://smart-lab.ru/blog/620282.php> (accessed on 16.03.2022). (In Russ.).
8. Chuvakhina L., Nasirbeik A., Ivanovskaya Zh. US policy on dollarization of the world economy. *Universal Journal of Accounting and Finance*. 2021;9(4):885–893. DOI: 10.13189/ujaf.2021.090434

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лариса Германовна Чувахина — доктор экономических наук, доцент, департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Larisa G. Chuvakhina — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of World Economy and International Business, Finance University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8283-4372>
 l-econom@mail.ru

Людмила Михайловна Куприянова — кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента учета, анализа и аудита, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности», Финансовый университет, Москва, Россия
Lyudmila M. Kupriyanova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of accounting, analysis and audit, Deputy Head of the Chair of “Economics of intellectual property”, Finance University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9453-6425>
 kuprianovalm@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.06.2022; после рецензирования 30.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.06.2022; revised on 30.07.2022 and accepted for publication on 15.08.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-96-103
УДК 339(045)
JEL F18, O39

Потенциал взаимной торговли Китая и России в области высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности

Г. Чанцзюнь, В.П. Колесов

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются динамика взаимной торговли Китая и России в области высокотехнологичной продукции. Проведен анализ масштабов, структуры и тенденций торговли, определены основные группы товаров, которыми торгуют Китай и Россия. Сделаны расчеты и оценки возможностей сотрудничества Китая и России в этой области с помощью индекса комплементарности. Показано, что Китай и Россия – идеальные партнеры в области торговли высокотехнологичной продукцией. Раскрыты основные проблемы развития торговли: у России – это неравномерный уровень технологического развития различных отраслей, а у Китая – слабость в самостоятельном освоении ключевых технологий, необходимых для производства высокотехнологичной продукции.

Ключевые слова: высокотехнологичная продукция; взаимная торговля; Китай; Россия; индекс комплементарности; экспортный потенциал; инновации; технологии; исследование и разработка (НИОКР)

Для цитирования: Чанцзюнь Г., Колесов В.П. Потенциал взаимной торговли Китая и России в области высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):96-103. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-96-103

ORIGINAL PAPER

The Potential of Mutual Trade Between China and Russia in the Field of High-Tech Manufacturing Products

G. Changjun, V.P. Kolesov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article investigated the dynamics of mutual trade between China and Russia in the field of high-tech products. Analyzed the scale, structure and trends of mutual trade on high-tech products between China and Russia. Determined the main groups of goods in the field of high-tech products. Calculated and assessed the possibilities of cooperation between China and Russia in this area, using the Trade Complementarity Index. It is shown that China and Russia are ideal partners in the field of trade in high-tech products. The main problems of trade development in this area are revealed: from the point of view of Russia, it has a low level of diversification of methods for obtaining transitional technologies, and for China – a weakness in independent development of new technology.

Keywords: high-tech products; mutual trade; China; Russia; Trade Complementarity Index; export potential; technologies; innovations; research and development (R&D)

For citation: Changjun G., Kolesov V.P. The potential of mutual trade between China and Russia in the field of high-tech manufacturing product. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):96-103. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-96-103

ВВЕДЕНИЕ

Во всем мире уровень развития высокотехнологических отраслей промышленности является основным индикатором эффективности инновационной экономической деятельности и международной конкурентоспособности. Являясь значительным стимулом для развития международной торговли, высокотехнологичная продукция обрабатывающей промышленности обладает следующими характеристиками:

- высокая техноемкость;
- высокая добавленная стоимость;
- низкое энергопотребление;
- низкий выброс вредных отходов.

Термин «высокая технология» возник в Соединенных Штатах. В книге «Технологии и международная торговля», выпущенной Академией наук США в 1971 г., указывалось, что высокие технологии разрабатываются и используются для получения конкурентного преимущества и выигрыша в экономике [1]. По мнению Т.В. Коночкиной, «высокотехнологичная продукция — это продукция, выпускаемая предприятиями наукоемких отраслей, произведенная с использованием новейших образцов техники и технологий, с участием высококвалифицированного, специально подготовленного персонала, воплощающая современные научные достижения, передовой опыт и обладающая высокой социально-экономической эффективностью» [2].

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРОДУКТОВ

В мировой практике в основном используются три подхода к классификации высокотехнологичных продуктов: патентный, отраслевой и продуктовый.

В целях гармонизации, в рамках трехстороннего соглашения между ЕС, США и Японией, их патентным бюро было предложено группировать патенты по разным категориям, в числе которых была выделена группа высоких технологий. Для применения такого подхода необходимо было составлять большое количество переходных таблиц.

Что касается отраслевого подхода, то по классификатору ISIC (International Standard Industrial Classification of All Economic Activities), в его основе лежит отношение расходов на исследования и разработки (НИОКР) к добавленной стоимости и выпуску.

ОЭСР разделила по этому признаку все отрасли на четыре группы: высокотехнологичные, средне-технологичные высокого уровня, среднетехнологичные низкого уровня и низкотехнологичные¹. На основе этого подхода в рамках Международной стандартной торговой классификации (СИТС) ОЭСР был разработан перечень высокотехнологичных продуктов, ранжированный по уровню расходов на исследования и разработки (НИОКР) на единицу реализованной продукции².

С учетом классификации высокотехнологичных видов продукции по стандарту ЕС на основе NACE Rev.2³ в России на национальном уровне создан перечень, утвержденный Минпромторгом, в котором в кодификацию Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) включаются: производство фармацевтических субстанций (21.1), производство компьютеров, электронных и оптических изделий (26), производство компьютеров и периферийного оборудования (26.2), производство офисной техники и оборудования (кроме компьютеров и периферийного оборудования) (28.23), производство прочих готовых изделий (32), производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования (30.3) [3]. Большинство пунктов совпадает с классификацией ОЭСР, за исключением группы 32, которая не входит в итоговый перечень товаров из области высокотехнологичной продукции в рамках торговли России и Китая.

Что касается китайского стандарта классификации высокотехнологичной отрасли, то он составлен с учетом международной классификации видов экономической деятельности (ISIC Rev.3) на основе Национальной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности (GB/T4754–2017). Перечень высокотехнологичных видов продукции обрабатывающей промышленности построен и выпущен Национальным бюро статистики Китая в декабре 2017 г. и разделен на шесть подотраслей⁴: производство

¹ OECD (2011) ISIC rev. 3. Technology intensity definition. Classification of manufacturing industries into categories based on R&D intensities. Paris: OECD. URL: <http://www.oecd.org/sti/ind/48350231.pdf>.

² Международная стандартная торговая классификация. Официальный сайт ООН. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_34rev4r.pdf

³ URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an3.pdf

⁴ URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjbz/201310/P020131021347576415205.pdf>

фармацевтических субстанций; авиационная продукция, включая летальные аппараты и соответствующее оборудование; производство электроники и коммуникационного оборудования; производство компьютеров и офисного оборудования; производство измерительной и медицинской аппаратуры; информационные химические элементы. За исключением последних, остальная часть классификации в основном совпадает с классификацией ОЭСР [4].

Для того чтобы анализировать взаимную торговлю России и Китая в области высокотехнологичных товаров, необходимо составить узкий перечень высокотехнологичной продукции. Учитывая российский и китайский стандарты классификации высокотехнологичной отрасли, а также международный стандарт, автор обратилась к стандарту ОЭСР по классификации высокотехнологичной продукции. Он обладает преимуществом перед другими стандартами, во-первых, из-за продуктового подхода, более точно учитывающего конкретные виды высокотехнологичной продукции, который используется во взаимной торговле между разными странами. Во-вторых, он включает в себя «переходник» HS 2007-SITC Rev. 4., позволяющий гармонизировать систему описания и кодирования товаров. Гармонизированная система описания и кодирования товаров является унифицированным международным классификатором продукции, и его применение позволяет собирать достоверную и точную статистику по всей мировой торговле, единую и понятную для всех стран. С помощью HS 2007-SITC Rev. 4. был составлен перечень высокотехнологичной продукции в торговле между Китаем и Россией⁵ (см. таблицу).

Из приведенной таблицы следует, что высокотехнологичные продукты находятся в группах 28, 29, 30, 32, 38, 39, 84, 85, 87,88, 90 и 93 и включают в себя товары химической промышленности, машины и механические приспособления, электрическое оборудование, звукозаписывающую и звуковоспроизводящую аппаратуру, телевизионную аппаратуру, транспортные средства, летательные аппараты, оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские и хирургические инструменты и аппаратуру, наручные и прочие часы, оружие и боеприпасы.

⁵ Correspondence Tables. Untrade Statistics. Официальный сайт ООН. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/classifications/correspondence-tables.asp>

ДИНАМИКА И ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫМИ ПРОДУКТАМИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Китай осуществляет сотрудничество с Россией во многих областях. Особенно большое внимание уделяется одному из важнейших секторов, а именно — высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности.

Анализ развития двухсторонней торговли России и Китая в этой области был проведен на основе статистических данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), согласно которым за период 2016–2020 гг. товарооборот стабильно увеличивался (за исключением 2020 г., из-за пандемии). В 2019 г. он достиг максимального уровня и составил порядка 170 млрд долл. США. На его долю приходится 15,23% от всей двухсторонней торговли России и Китая (рис. 1).

Согласно данным ЮНКТАД за период 2016–2020 гг. (рис. 2) в структуре торговли Китая и России в области высокотехнологичной продукции обнаруживается определенная стабильность: 4/5 ее общего объема приходится на авиакосмическую промышленность, производство компьютеров и офисного оборудования, а также — электронику и телекоммуникации.

Как следует из рис. 2, за анализируемый период позиции России в сферах неэлектронного оборудования и вооружения в целом стабильные, в то время как в области авиакосмической промышленности она лидирует, имея по этой группе растущее положительное сальдо торгового баланса. Основные продукты, экспортируемые Россией в Китай, — это тепловыделяющие элементы, необлученные (8401.30); детали ядерных реакторов (8401.40); турбореактивные двигатели (8411.12); самолеты и прочие летательные аппараты, механические (кроме вертолетов), весом (в ненагруженном состоянии) более 15 тыс. кг (8804.40).

Что касается остальных сфер, то здесь Китай сохраняет бесспорное положительное сальдо, особенно, что касается электроники и телекоммуникаций, а также компьютеров и офисного оборудования, доля которых в общем товарообороте высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности в период 2016–2020 гг. составляла около 70%.

Импорт России из Китая компьютеров и офисного оборудования в 2016 г. составил 2863 млн

Таблица / Table

Перечень высокотехнологичной продукции / List of high-tech products

Отраслевые группы продукции (68))	МСТК (SITC Rev.4)	ГС 2007 (HS-2007)
Авиакосмическая промышленность	(714–714.89–714.99) + 792.1+ 792.2+792.3+792.4+ 792.5+ 792.91+ 792.93+ 874.11	8411(11,12),841210,841121,841122,8411(81,91),8802(11,12),8802(20,30),880240
Компьютеры и офисное оборудование	751.94+ 751.95+ 752+ 759.97	8843(31,32),8471(30,40,50),8741(60,70,80,90),847330
Электроника и телекоммуникации	763.31+ 763.8+ (764–764.93–764.99) + 772.2+ 772.61+ 773.18+ 776.25+ 776.27+ 776.3+ 776.4+ 776.8+ 898.44+ 898.46	851920,8521(10,90),8517,8504,844470,8540(81,91),8541, 8542,8523(51,80)
Фармацевтика	541.3+ 541.5+ 541.6+ 542.1+ 542.2	2941,2937,2938, 3003,3004
Научные приборы	774+ 871+ 872.11+ (874–874.11–874.2) + 881.11+ 881.21+ 884.11+884.19+ (899.6–899.65–899.69)	9018,9005,901841,901490,9015(10,90),900610,900711,90001(10,20,30,90),9021(10,40,50)
Электронное оборудование	778.6–778.61–778.66–778.69) +778.7+778.84	8532(21,24,29,30),8543(10.20.90), 8531(10,80)
Химическая промышленность	522.22+522.23+522.29+522.69+525+531+574.33+591	280300,2804(61,69),2805(12,30),2825(20,90),2844(10,20,30,40,50),2845(10,90),3204(11,19),390760,3808(91,99)
Неэлектронное оборудование	714.89+714.99+718.7+728.47+731.1+731.31+731.35+731.42+731.44+731.51+731.53+731.61+731.63+731.65+733.12+733.14+733.16+735.9+737.33+737.35	8411(21,22),84199,8401,840120,8456,845811,845891,8459(21,31,51,61),8460(11,12,31),8462(21,31,41),8466(93,94),8515(21,31)
Вооружение	891	871000,93(0111,0200,0700,0621,0629,0630,0639,0310,0390,0400,0510,0521,0529,0591)

Источник / Source: составлено авторами на основе / compiled by the author URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an5.pdf; https://unstats.un.org/unsd/publication/Series1M/SeriesM_34rev4r.pdf

долл. США, а в 2020 г. — 4998 млн долл. США. За эти пять лет количество импортируемой продукции из Китая в этой сфере увеличилось почти вдвое. По этой причине сальдо торгового баланса России было отрицательным, и ситуация только ухудшалась: –2835 млн долл. США в 2016 г. и уже –4932 млн долл. США в 2020 г. Из Китая в основном импортировались портативные машины для автоматической обработки данных весом не более 10 кг, состоящие, по крайней мере, из одного центрального вычислительного блока, клавиатуры и дисплея (8471.30).

Доля импорта из Китая в сфере электроники и коммуникаций в общем объеме товарооборота высокотехнологичной продукции в течение анализируемого периода составляла почти 50%. Его мас-

штаб за четыре года увеличился с 5363 до 8071 млн долл. США. Отрицательное сальдо торгового баланса России в этой сфере выросло с –5314 млн долл. США в 2016 г. до –7711 млн долл. США в 2020 г. Китай поставляет в Россию телефоны, наушники и комплекты микрофон/громкоговоритель (8518.31), базовые станции для приема и передачи голоса, изображений и других данных, в также устройства для связи в беспроводной сети.

Таким образом, во взаимной торговле с Китаем Россия в основном остается нетто-импортером высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности.

Для анализа степени соответствия структуры торговли и возможностей дальнейшего торгового сотрудничества Китая и России в области высокотехноло-

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика развития торговли высокотехнологичными товарами России и Китая 2016–2020 гг. (млрд долл. США.) / Dynamics of the development of trade on high-tech goods between Russia and China in 2016–2020 (billion US)

Источник / Source: составлено авторами по данным ЮНКТАД / compiled by the author based on UNCTAD.

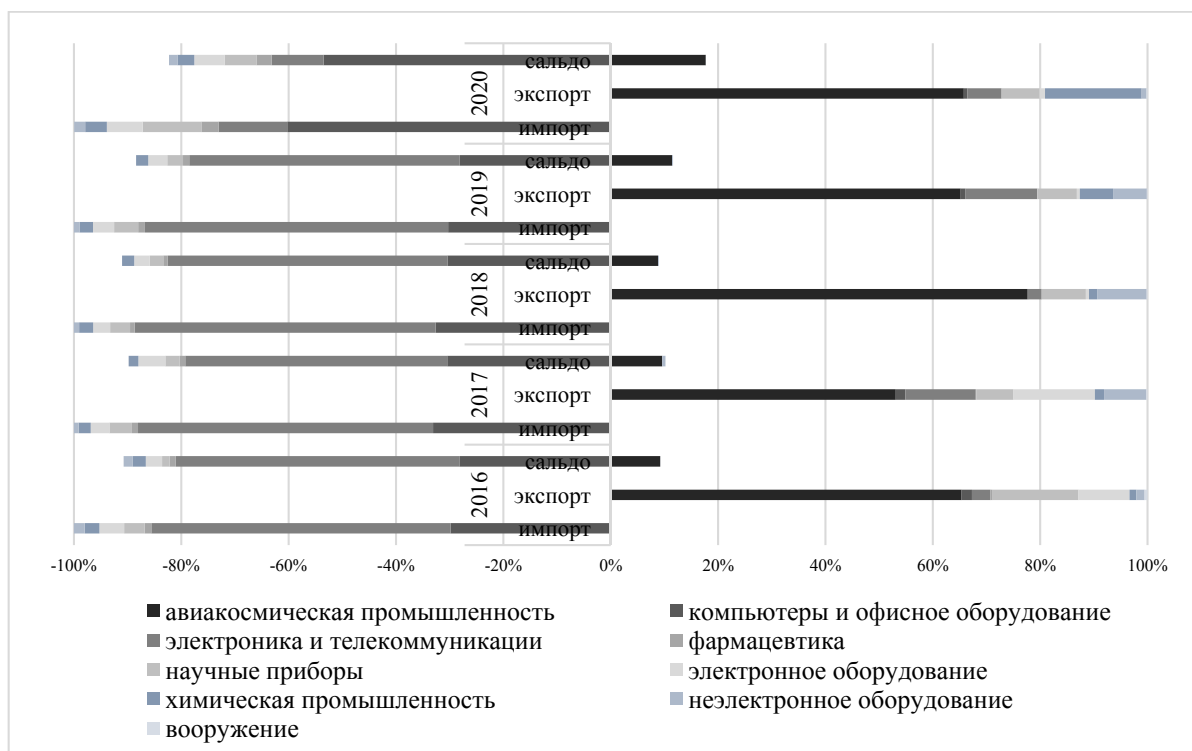

Fig. 2 / Рис. 2. Динамика структуры взаимной торговли России и Китая по товарным группам высокотехнологичной продукции за 2016–2020 гг. (млн долл. США) / Dynamics of the structure of mutual trade between Russia and China by commodity groups of high-tech products in 2016–2020 (million US dollars)

Источник / Source: составлено авторами по данным ЮНКТАД / compiled by the author based on UNCTAD.

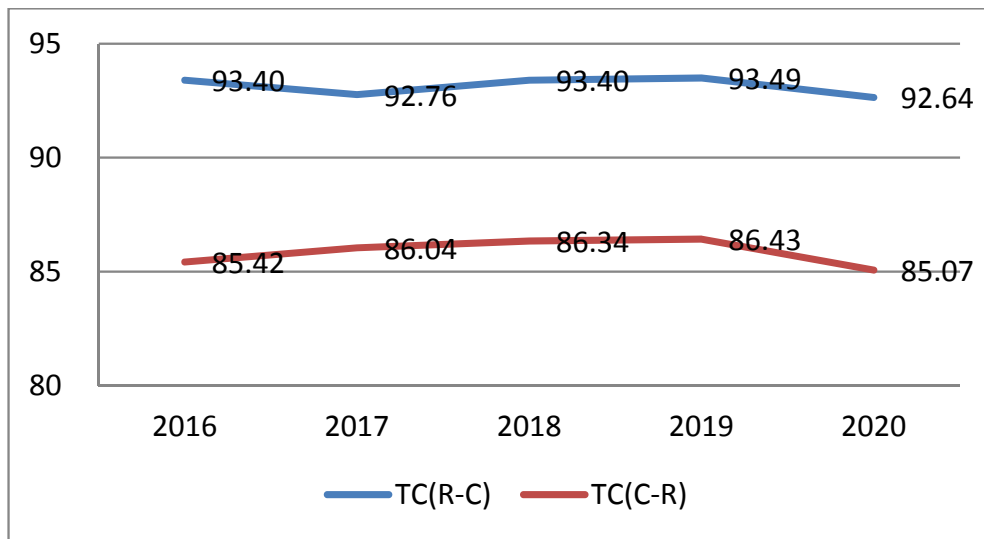

Рис. 3 / Fig. 3. Изменение индекса ИТС торговли высокотехнологичной продукцией между Китаем и Россией в 2016–2020 гг. / The assessment of Sino-Russian trade potential on High-Tech products with ITC index

Примечание: TC(R-C) – индекс комплементарности торговли РФ с КНР; TC(C-R) – индекс комплементарности торговли КНР с РФ.

Источник / Source: составлено авторами на базе данных ITC Trade Map в ЮНКТАД / compiled by the author based on the ITC Trade Map database at UNCTAD.

гичной продукции необходимо использовать индекс комплементарности (Trade Complementary Index)⁶, Расчет TCI производится следующим образом:

$$c^{ij} = 100 \left[1 - \sum_{k=1}^m |m_k^i - x_k^j| / 2 \right], (0 \leq c^{ij} \leq 100),$$

где m_k^i – доля продукции k в совокупном импорте страны i ;

x_k^j – доля продукции k в совокупном экспорте страны j .

Если предложение страны j абсолютно соответствует спросу страны i , то $TCI^{ij} = 100$, т.е. страна j является идеальным торговым партнером для страны i . Если TCI стремятся к нулевому значению, то страны j и i – идеальные конкуренты.

По результатам расчета, произведенного авторами на основе данным ЮНКТАД (рис. 3), в торговле Китая с Россией в области высокотехнологичной продукции индекс комплементарности за пять лет составил в среднем 85,6%. Более интенсивную динамику демонстрировала комплементарность торговли России с Китаем – в среднем 93,2%. Анализ подтверждает, что Китай и Россия стали в этой сфере идеальными партнерами.

⁶ A practical guide to trade policy analysis. WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/practical_guide12_e.htm

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ВО ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Продукция, поставляемая в Китай из России, в основном относится к отрасли авиакосмической промышленности и зависит от закупок высокотехнологичных частей и компонентов у западных стран [5]. В Россию же из Китая в основном поступает продукция, относящаяся к производству компьютеров и офисного оборудования, электроники и телекоммуникации, которая в существенной мере также зависит от импортных ключевых технологий из западных стран [6]. После введения западных санкций двум странам придется найти новые пути продвижения производства высокотехнологичной продукции и развития торговли.

Для этого существуют три основных способа: вести разработку инноваций собственными силами, внедрять и имитировать иностранные технологии и использовать прямые иностранные инвестиции. Как правило, в разных странах применяют комбинации этих способов, но в основном преобладает какой-то один.

США и Великобритания являются представителями первой модели, опирающейся на сильные фундаментальные исследования и огромные

расходы на технологические инновации для продвижения экспорта высокотехнологичной продукции.

Япония и Южная Корея применяют вторую модель, они ориентированы на улучшение продукции и поддерживают рост экспорта высокотехнологичной продукции за счет вторичных инноваций.

Китай придерживается третьей модели, привлекая крупномасштабные прямые иностранные инвестиции, ориентированные на развитие высокотехнологичного экспорта. Он производит некоторые высокотехнологичные продукты, не обладающие оригинальностью базовых технологий, поэтому на него легко воздействуют технологические барьеры из развитых стран [7].

Россия из-за санкций, введенных странами, поставляющими высокотехнологичную продукцию, вынуждена вести исследования и разработки собственными силами. Почти половина российских компаний в области высокотехнологичной продукции выбрали такую модель, инновационные решения составляют у них от 10 до 42%. В среде высокотехнологичного производства, как и прочих областях, сотрудничество с иностранными партнерами, ориентированное на

проведение исследований и разработок, является недостаточно развитым, а зависимость России от импорта в области высокотехнологичной продукции достаточно высока [8].

Для того чтобы решить указанные проблемы, в рамках правительственного плана импортозамещения Китай и Россия должны развивать собственное производство в тех отраслях, которые сильно зависят от стран, применивших санкции, посредством таких мер, как повышение расходов на НИР, предоставление налоговых льгот и др. Вместе с тем обе страны должны усилить сотрудничество между их научными и исследовательскими организациями и высокотехнологичными предприятиями. Кроме того, Китай и Россия могут найти новых партнеров вместо тех, которые ввели санкции [9, 10].

ВЫВОДЫ

Потенциал торговли Китая и России в области высокотехнологичной продукции достаточно высокий. Однако в последние годы из-за введения санкций на торговле она становится более проблематичной. Обеим странам придется искать новых партнеров и усилить сотрудничество в области инноваций и производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гнидченко А., Могилат А., Михеева О., Сальников В. Трансфер зарубежных технологий: оценка зависимости российской экономики от импорта высокотехнологичных товаров. *Форсайт*. 2016;10(1):53–67. DOI: 10.17323/1995–459x.2016.1.53.67
2. Панихин С. А., Бельмас Е. Э., Емельянова Л. А., Жиряева Е. В. Возможности взаимной торговли России и Китая в области высокотехнологичной продукции. *Вестник Белого генерала*. 2020;(3):20–34.
3. Широкова Е. Ю. Проблемы активизации высокотехнологичного сектора экономики: перспективы достижения целей. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2020;(4):7–14. DOI: 10.21777/2587–554X-2020–4–7–14
4. Яньпин Чжан. Анализ характеристик и конкурентоспособности торговли высокотехнологичной продукции Китая. *Внешняя экономика и торговля*. 2014;(12):32–34. (На кит.).
5. Спартак А. Н., Лихачев. А. Е. Экспортный потенциал России в инновационных сегментах мирового рынка. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017;(10):3–22.
6. Мэйци Ли. Развитие торговли высокотехнологичной продукции Китая в контексте современной глобализации науки и техники. *Исследование экономических и социальных наук* 2016;(11):431–432. (На кит.).
7. Шихуэй Се. Оценка конкурентоспособности экспорта высокотехнологичной продукции Китая. *Теория и исследования*. 2019;(4)60–61. (На кит.).
8. Барина В. А., Земцов С. П., Ланьшина Т. А. Развитие высокотехнологичного сектора экономики в России. Препринт. *SSRN Electronic Journal*. 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3123060
9. Фальцман В. К. Предпосылки импортозамещения и развития экспорта продукции высоких технологий. *ЭКО: всероссийский экономический журнал*. 2016;(4):56–74.
10. Байнов В. А. Зарубежный опыт проведения политики импортозамещения. *Мир новой экономики*. 2018;12(2):122–128. DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–2–122–128

REFERENCES

1. Gnidchenko A., Mogilat A., Mikheeva O., Salnikov V. Foreign technology transfer: An assessment of Russia's economic dependence on high-tech imports. *Foresight and STI Governance*. 2016;10(1):53–67. DOI: 10.17323/1995–459x.2016.1.53.67 (In Russ.: *Forsait*. 2016;10(1):53–67).
2. Panikhin S.A., Belmas E.E., Yemelyanova L.A., Zhiryayeva E.V. Opportunities for mutual trade between Russia and China in high-tech products. *Vestnik Belogo generala = White General Bulletin*. 2020;(3):20–34. (In Russ.).
3. Shirokova E. Yu. Problems of activating the high-tech sector of the economy: Prospects for achieving the goals of the Russian science and technology development strategy. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie = Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2020;(4):7–14. (In Russ.). DOI: 10.21777/2587–554X-2020–4–7–14
4. Zhang Yanping. Analysis of trade characteristics and competitiveness of China's high-tech products. *Foreign Economic and Trade*. 2014;(12):32–34. (In Chinese).
5. Spartak A.N., Likhachev A.E. Russia's export potential on the world market for innovations. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2017;(10): 3–22 (In Russ.).
6. Li Meiqi. Research on China's high-tech product trade in the context of contemporary globalization of science and technology. *Economic and Social Sciences Research*. 2016;(11):431–432 (In Chinese).
7. Xie Shihui. Evaluation of China's export competitiveness of high-tech products to the United States. *Theory and Research*. 2019;(4)60–61. (In Chinese).
8. Barinova V.A., Zemtsov S.P., Lanshina T.A. Development of the high-tech sector of the economy in Russia. Preprint. *SSRN Electronic Journal*. 2018. (In Russ.). DOI: 10.2139/ssrn.3123060
9. Faltsman V.K. Prerequisites for import substitution and export development of high-technology products. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal*. 2016;(4):56–74 (In Russ.).
10. Baynov V.A. Foreign experience of import substitution policy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2018;12(2):122–128. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–2–122–128

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Гэн Чанцзюнь — аспирантка кафедры мировой экономики экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Geng Changjun — Post-Graduate Student of the Department of international economy of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4942-4969>
changjungeng@gmail.com

Василий Петрович Колесов — доктор экономических наук, профессор, заслуженный профессор МГУ, Москва, Россия

Vasily P. Kolesov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., honorary Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5423-844X>
kolesov@econ.msu.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.06.2022; после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 30.06.2022; revised on 05.07.2022 and accepted for publication on 10.08.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-104-112
 УДК 338.3(045)
 JEL C10

Управление затратами на постоянные изменения в деятельности высокотехнологических предприятий

Д. С. Пашенко^а, Н. М. Комаров^б

^а Независимый исследователь, Москва, Россия;

^б ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт «ЦЕНТР», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено решение актуальной научно-практической задачи управления затратами при планировании и осуществлении организационных и производственных изменений на предприятиях высокотехнологических отраслей. Авторы приводят модификацию модели конкурентных сил М. Портера для высокотехнологических отраслей и выделяют отдельную управленческую функцию – постоянное управление своевременными изменениями. В работе рассмотрена функция управления затратами, проведено сравнение двух подходов к управлению изменениями и даны рекомендации для оптимизации соответствующих затрат с учетом стоимости ошибок управления.

Ключевые слова: управление изменениями; оптимизация расходов; стоимость ошибки; функция управления

Для цитирования: Пашенко Д. С., Комаров Н. М. Управление затратами на постоянные изменения в деятельности высокотехнологических предприятий. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):104-112. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-104-112

ORIGINAL PAPER

Managing the Costs of Constant Changes in the Activities of High-Tech Enterprises

D.S. Pashchenko^а, N.M. Komarov^б

^а Independent researcher, Moscow, Russia;

^б Federal State Unitary Enterprise “Russian Research Institute “CENTER”, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article considers the solution of the actual scientific and practical task of managing the costs of planning and implementing organizational and production changes at enterprises from high-tech industries. The authors present a modification of M. Porter's model of competitive forces for high-tech industries and single out a separate managerial function – constant management of timely changes. The article considers the function of cost management, compares two approaches to change management and gives recommendations for optimization of corresponding costs taking into account the cost of management errors.

Keywords: change management; cost optimization; error cost; management function

For citation: Pashchenko D.S., Komarov N.M. Managing the costs of constant changes in the activities of high-tech enterprises. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):104-112. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-104-112

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Коммерческий успех предприятий в отраслях 6-го и 7-го технологического уклада требует серьезных изменений в моделях управления. Высокие капитальные затраты на организацию (и необходимую постоянную модернизацию) предприятия вместе

с высокими операционными затратами на заработную плату высококлассных специалистов и менеджеров ведут к постоянным поискам методов оптимизации затрат как одной из ключевых функций управления предприятием [1]. С другой стороны, технологическое давление и неопределенность

внешней среды в условиях глобализации конкуренции являются дополнительными факторами, усложняющими как бизнес-планирование, так и адекватную оценку инвестиций в развитие предприятий. Необходимость постоянного управления успешными изменениями в менеджменте технологических компаний стала соответствующим ответом на возмущения внешней среды и самостоятельной конкурентной силой, анализ которой позволяет построить оптимальную конкурентную стратегию в технологических отраслях.

Математические модели управления экономическими системами довольно часто подвергаются справедливой критике ввиду их чрезмерной механистичности, неспособности учитывать психологические и социальные факторы в организации труда, за нерациональность руководителей, недостаточную гибкость в реагировании на непредсказуемость рыночных и геополитических факторов [2, 3]. Иногда такие модели в большей степени адаптированы к описанию реального мира экономики за счет использования специальных математических аппаратов (например, нечеткой логики или элементов самообучения экспертных систем), но и в таких случаях их практическое применение довольно ограничено. Противоположенные по смыслу системные экономические теории, подчеркивающие постоянную недетерминированность всего, вроде «черного лебедя» [4] или «упорядоченного хаоса» [5], хотя и изобилуют яркими практическими примерами, но довольно тяжело адаптируемы для создания успешных конкурентных стратегий предприятий, а значит, теряют значительную часть своей ценности для предпринимателей-практиков.

В данной работе в качестве гипотезы предполагается, что в каждой экономической системе существует параметр, управление которым прозрачно и оказывает значительное влияние на успешность бизнеса — «расходы на управленческую функцию предприятия». Их оптимизация является важной научно-практической проблемой и не может быть универсальной для каждой отрасли или сегмента в экономике. Более перспективным представляется оптимизация отдельных составляющих функции управления предприятием. В предлагаемой гипотезе утверждается, что выделение функции постоянного управления изменениями в менеджменте предприятий экономически обосновано с точки зрения минимизации общих затрат. Главным принципом данной гипотезы является теоретическое положение о модификации модели конкурентных сил М. Портера,

описывающее основы отраслевого конкурентного анализа.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ

Управление изменениями имеет солидную историю развития, однако для высокотехнологичных отраслей цифровой экономики привычные модели Э. Деминга [6] и И. Адизиса [7] нуждаются в серьезной модификации. Более того, сам менеджмент изменений из управленческой практики для решения определенного класса проблем превратился в движущую силу получения конкурентных преимуществ [8].

В основе гипотезы выделения самостоятельной функции управления изменениями из структуры всех управляющих воздействий (на предприятие со стороны менеджмента) лежит идея о ценности постоянного управления своевременными изменениями как движущей конкурентной силы. Наиболее простой визуализацией отраслевого анализа конкурентных сил является модель Майкла Портера [9]. В рамках авторской идеи предложено внести в данную модель существенную модификацию [8]. Она предполагает исключение влияния товаров-заменителей и замену данного типа конкурентных сил на риски, связанные с управлением своевременными изменениями в IT-бизнесе (см. рисунок).

Предложенная модификация классического отраслевого анализа связана со следующими обстоятельствами [8]:

1. С одной стороны, в технологических отраслях изменилось и само понятие «товары-заменители», и источники их появления. Сектора экономики 6-го и 7-го технологических укладов и продукция соответствующих предприятий основаны на применении глобальных экономических трендов: информатизации, автоматизации и цифровизации. Почти любой ручной труд, бумажный документооборот и приблизительные качественные оценки параметров бизнеса, применяемые вместо управленческих подходов, основанных на обработке информации в электронном виде и оперировании с точными числовыми параметрами, устарели и часто экономически неэффективны.

2. С другой стороны, сами продукты и услуги технологических отраслей развиваются стремительно, что обусловлено, прежде всего, острой и глобальной конкурентной борьбой между самими технологическими компаниями. Так, например, в 80-х гг. прош-

Рис. / Fig. Модификация модели конкурентных сил М. Портера для технологичных отраслей /
Modification of the model of competitive forces of M. Porter for technological industries

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

лого века на место мини-ЭВМ пришли персональные компьютеры, а их, в свою очередь, вытеснили с рынка современные ноутбуки, планшеты и моноблоки. Однако такая модернизация, связанная с введением новых моделей аппаратного обеспечения и версий компьютерных программ, с точки зрения теории М. Портера, может быть отнесена к конкурентной борьбе между технологическими компаниями, а не к появлению товаров-заменителей.

3. Управление своевременными изменениями в технологических отраслях — это условие выживания на рынке, оно требует существенных ресурсов и сопряжено со значительными рисками. Вся история слияний и поглощений технологических компаний показывает, что запаздывание в реакции на конкурентные вызовы или игнорирование постоянного давления новых технологий в таких отраслях быстро приводят к потерям долей рынков сбыта, снижению маржинальности продукции, оттоку талантливых специалистов и менеджеров [8].

Рыночная власть поставщиков в технологических отраслях — это не только аппаратное обеспечение (АО) и средства телекоммуникаций, но также базовые системные технологии (коммуникативные, энергети-

ческие и т.п.). В течение десятилетий она снижается, что связано с появлением аналогов китайского производства и постоянным ростом предложений от производителей со всего мира в условиях удешевления логистики. Снижение власти поставщиков приводит к повышению рентабельности производства в части отраслей, что делает вход в них для новых игроков более доступным.

Следует отметить, что в технологических отраслях появляются тысячи новых игроков в год (особенно в ИТ, финтехе и биотехнологиях), хотя входной порог капитальных инвестиций постоянно увеличивается. Несмотря на то что лидирующие позиции известных американских корпораций не вызывают никаких сомнений, на постоянно растущем рынке открываются все новые и новые ниши, которые занимают появляющиеся на рынке игроки. Часть таких компаний — это стартапы, создающие абсолютно новые технологические решения, как правило, нишевые. Другая часть — это команды инженеров из традиционного бизнеса, чье руководство решило перенести положительный опыт внутренних бизнес-инициатив на внешний рынок. Такие «начинающие компании», как правило, длительное время не в состоянии создать

конкурентоспособный продукт, а в отношении производственных, управленческих и маркетинговых процессов они безнадежно проигрывают соперникам [10].

Рыночная власть потребителей в технологических отраслях неоднозначна. С одной стороны, для распространенных и легко повторяемых услуг и продуктов давление корпоративных заказчиков довольно существенно: они ожидают постоянного улучшения качества услуг при снижении их стоимости для потребителей. Корпоративные заказчики (банки, сетевой ретейл, сотовые операторы и т.п.) действительно заставляют производителей работать над качеством продукции, значительно улучшая его. Схожим образом физические лица, малый и средний бизнес осуществляют заметное давление на целые классы продуктов (услуг): гаджеты, услуги связи и интернета и т.п.

С другой стороны, если речь идет об инновационном или лучшем в классе продукте, занимающем почти монопольное положение на рынке, то власть потребителя чрезвычайно мала. До появления и распространения конкурентных аналогов производитель всегда успешно продает продукт (услугу) на выгодных для себя условиях и с тем уровнем качества, который сам сочтет нужным предоставить.

Конкурентная борьба между технологическими компаниями довольно сильно отличается по степени накала в зависимости от конкретной отрасли: разного уровня капиталоемкости производства, сложности логистики и требований регуляторов. Однако следует выделить общую черту для отраслей 6-го и 7-го технологических укладов: представители «новой экономики» стремятся создавать «голубые океаны» [11], автоматизировать новые области и формировать потребности у своих потребителей [12].

Не менее значимым фактором является постепенное размывание отраслевой принадлежности технологических компаний. С одной стороны, это связано с появлением новых отраслей и специализаций: финтех (технологичные финансовые услуги), эдтех (технологичные услуги образования), био- и фармтех (технологичные разработки в здравоохранении, ветеринарии и т.п.). В таких компаниях именно технологии (программное и аппаратное обеспечение, ноу-хау, цифровые бизнес-модели) определяют конкурентные возможности в определенной сфере деятельности.

С другой стороны, качество продукции, технологии и создаваемые ими конкурентные возможности сближают технологические компании вне зависимости от принадлежности к отрасли [13]. Так, IT-компании, специализирующиеся на автоматизации, например,

машиностроительной промышленности, и высокотехнологичные и наукоемкие машиностроительные предприятия, создающие продукцию, чьи конкурентные возможности определяются информационными технологиями, значительно больше похожи друг на друга, чем на подобные из другой прикладной области (например, на предприятия добывающей промышленности и IT-компании, занимающиеся автоматизацией бухгалтерского учета соответственно).

Показанный в данном разделе сдвиг в конкурентном анализе для технологических отраслей позволяет рассматривать управление изменениями в менеджменте компании как движущую силу для коммерческого успеха предприятия. Это означает возможность ее выделения из общей функции управления и задает вектор поиска направлений ее оптимизации. Ключевым параметром при рассмотрении такой функции может быть выбрано как время, так и затраты. Однако реактивность мышления сотрудников и психологические аспекты организации труда (организационное сопротивление, сочетание рациональных и иррациональных, подготовленных и спонтанных управленческих решений, отрицательный уровень безработицы в высокотехнологичных отраслях) [14] позволяют сделать выбор в пользу рассмотрения функции финансовых затрат, в которой математическим аргументом является параметр времени.

ФУНКЦИЯ ЗАТРАТ НА УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ И ОПТИМИЗАЦИЯ ЦЕНЫ КАЖДОЙ ОШИБКИ

Расчет затрат непосредственно на управление предприятием включает в себя несколько ключевых аспектов и довольно сильно зависит от выбранной корпоративной модели (структуры совета директоров, участия акционеров, стиля принятия решений и т.п.). Принимая во внимание вышеуказанное обоснование целесообразности выделения функции затрат на управление изменениями в менеджменте компании, рассмотрим только необходимые аспекты, актуальные для данной функции управления:

- Корпоративные коэффициенты — множители, позволяющие определить, сколько реальных денег затрачивает компания на каждую единицу работы произвольного числа сотрудников (одного человека, проектной команды, группы связанных сотрудников, например совета директоров) в единицу времени. Они подсчитываются индивидуально для компаний и включают в себя весь перечень затрат — от заработной платы и налогов до расхода электричества, амортизации оборудования и арендной платы

за офис. В отраслях «новой экономики» корпоративные коэффициенты являются основой расчета переменных операционных расходов бизнеса.

- Капитальные затраты на запуск той или иной управленческой деятельности могут быть оценены как для постоянной операционной деятельности, так и для запуска соответствующих проектов.

- Финансовые резервы — запасы денежных средств на управление рисками (присущи финтех- и фармтех-компаниям как простой способ митигировать риски и неопределенности внешней среды).

Фактическую организацию функции управления изменениями в менеджменте технологического предприятий можно реализовать в виде внутреннего проекта [15].

Пусть $F_{opt}(t)$ — функция затрат предприятия при оптимальном управлении изменениями от затрачиваемого времени, т.е. выражение издержек, связанных с затратами на своевременное изменение бизнес- и технологических процессов, включая мониторинг внешней среды (потребителей, конкурентов, регуляторов и т.д.), тогда:

$$F_{opt}(t) = (a \times t + C_{pro} + R_{pro}) + (b \times t + R_{corp}), \quad (1)$$

где $(a \times t + C_{pro} + R_{pro})$ — часть функции затрат, связанная с регулярной проектной деятельностью в области управления своевременными изменениями в цикле: исследование-анализ-внедрение-закрепление;

a — корпоративный коэффициент издержек на единицу времени работы в проекте;

C_{pro} — капитальные затраты на организацию управления своевременными изменениями;

R_{pro} — финансовые резервы на управление рисками (для упрощения без привязки к параметру функции);

$a(b \times t + R_{corp})$ — часть функции затрат, связанная с реактивным управлением неотложными изменениями в аварийном операционном режиме, требующем экстренного вмешательства топ-менеджмента компании, где:

b — это корпоративный коэффициент издержек на единицу времени работы всех вовлеченных в аварийное управление сотрудников и топ-менеджеров;

R_{corp} — корпоративные финансовые резервы для управления общими рисками предприятия (для упрощения — без привязки к параметру функции).

Рассмотрим данные корпоративные коэффициенты более подробно:

1. Корпоративный коэффициент a можно представить следующим выражением:

$$a = Sal_T \times \left(\frac{Exp_{CC}}{N_{CC}} \right),$$

где: Sal_T — расходы (включая отчисления и налоги) на фонд оплаты труда специалистов, занятых в работах по управлению своевременными изменениями;

Exp_{CC} — эксплуатационные операционные расходы соответствующего центра затрат (Cost Center), в котором работают данные специалисты;

N_{CC} — количество специалистов в данном центре затрат.

2. Корпоративный коэффициент b можно представить следующим выражением:

$$b = Sal_{CL} \times \frac{Exp_{CC}}{N_{CC}} + Er + SP,$$

где: Sal_{CL} — расходы (включая отчисления и налоги) на фонд оплаты труда топ-менеджеров компании, занятых в срочных работах (в «аварийном» режиме) по управлению неотложными изменениями;

Exp_{TM} — эксплуатационные операционные расходы, соответствующие работе топ-менеджеров в их центре затрат (Cost Center);

N_{CC} — количество топ-менеджеров в компании, отнесенных к данному центру затрат;

Er — издержки, связанные с вынужденным простоем специалистов предприятия из-за аварийного операционного управления неотложными изменениями;

SP — издержки, связанные с организационным сопротивлением и последующим снижением производительности при внедрении изменений в аварийном режиме.

Приведем логическое неравенство:

$$a < b, \quad (2)$$

- обладающее экономическим смыслом в силу существенной разницы по следующим показателям:

- оплата труда топ-менеджмента и руководителей среднего звена;

- наличие вынужденных остановок регулярных бизнес-процессов при работе в «аварийном» режиме, а значит — роста корпоративного коэффициента из-за данных издержек;

- дублирование исполняемых активностей при работе в «аварийном» режиме, снижение мотива-

ции (и ухода — с необходимостью поиска и замены) части сотрудников и другие неоптимальные процессы, происходящие при неподготовленных масштабных изменениях в операционной деятельности [16].

Из предыдущего раздела статьи следует, что современные технологичные компании стремятся с минимизации части $(b \times t + R_{corp})$:

$$(b \times t + R_{corp}) \rightarrow \min, \quad (3)$$

таким образом, что функция затрат $F_{opt}(t)$ в значительной части зависит от $(a \times t + C_{pro} + R_{pro})$, т.е. регулярной деятельности в области управления своевременными изменениями. Такая деятельность может быть организована в виде специального проекта или регулярной операционной деятельности.

В противоположном подходе, свойственном компаниям с низкой зрелостью управленческих процессов и компетенций руководителей для управления современным высокотехнологичным предприятием, следует рассмотреть аналогичную функцию $F_1(t)$. Она также определяет издержки предприятия при управлении изменениями от затрачиваемого времени, включая реактивный мониторинг внешней среды (потребителей, конкурентов, регуляторов и т.д.):

$$F_1(t) = (b \times t^2 + R_{corp}), \quad (4)$$

где предприятие отказывается (условно сводит к нулю) от некоторых затрат, связанных с регулярной проектной деятельностью в области управления своевременными изменениями $(a \times t + C_{pro} + R_{pro})$, а использует только часть функции (1).

В (4) выражение $(b \times t^2 + R_{corp})$ определяет функцию затрат предприятия, связанную с реактивным управлением неотложными изменениями в «аварийном» режиме, требующем прямого вмешательства топ-менеджмента компании в ее операционную деятельность.

В данном выражении b — это корпоративный расходный коэффициент на единицу времени работы всех вовлеченных в директивное операционное управление сотрудников и руководителей;

R_{corp} — корпоративные финансовые резервы для управления общими рисками предприятия (для упрощения без привязки к параметру функции).

В данном выражении затраты вырастают прямо пропорционально квадрату затрачиваемого топ-менеджментом времени из-за значительного усиления негативных факторов:

- вынужденных остановок регулярных бизнес-процессов при разворачивании неподготовленных масштабных операционных изменений;

- неоптимальности результатов управления из-за дублирования исполняемых активностей, неточностей в постановке целей и задач, ограниченности исходных данных, связанных с коротким периодом их сбора;

- дополнительных издержек из-за необходимости преодоления организационного сопротивления и последствий соответствующих рисков — снижения мотивации и ухода части сотрудников.

Функция по типу (4) присуща предприятиям, в которых:

- сокращение времени внедрения изменений во многом связано с использованием директивных методов и подавлением сопротивления, что для наукоемких инновационных предприятий чревато прямыми экономическими потерями из-за снижения продуктивности и ухода лучших инженеров;

- параметры времени часто не выдерживаются при значительных изменениях в бизнес- и технологических процессах, что прямо пропорционально увеличивает расходы предприятия на операционное управление в функциях (1) и (4).

Данные выводы показывают, что при отсутствии зрелых практик управления изменениями на корпоративном уровне затрачиваемое на изменения время стремится к максимуму, а выражение (4) приобретает вид:

$$F_1(t) = (b \times t^2 + R_{corp}). \quad (4.1)$$

Сравнение выражений функций затрат (1) и (4.1) при принятии во внимание выражения (2) позволяет сделать следующий вывод № 1:

- **при значительном увеличении времени внедрения изменений на предприятиях высокотехнологичных отраслей, в случае использования функции (4), их расходы растут быстрее, чем при использовании функции (1).**

Не менее важно определить возможности управления функцией затрат предприятия с точки зрения влияния операционных расходов на внедрение необходимых изменений. Функция общих затрат на управление предприятием — $\omega(t)$ — зависит от набора существенных факторов (управленческих издержек, создания резервов, обслуживания акционерных средств и т.д.), в которых присутствуют рассматриваемые выше затраты на операционное управление (5):

$$\omega(t) \sim F(t). \quad (5)$$

Постулируем дискретный (а не непрерывный) характер управленческих воздействий на изменение операционных затрат: каждое решение топ-менеджмента о дополнительных затратах на операционное управление меняет издержки компании на какую-то конкретную величину, которая может быть выражена в деньгах и привязана к корпоративным коэффициентам издержек.

Определим возможности изменения функции затрат (т.е. потенциальную управляемость затратами на управление в единицу времени) для обоих рассматриваемых подходов, продифференцировав выражения (1) и (4.1). Для функции затрат предприятия при оптимальном управлении:

$$\frac{dF_{opt}(t)}{dt} = a + b; \quad (6)$$

с учетом выражения (3) получим:

$$\frac{dF_{opt}(t)}{dt} = a. \quad (7)$$

Для функции затрат при противоположенном подходе:

$$\frac{dF_1(t)}{dt} = 2b. \quad (8)$$

При сравнении выражений (7) и (8), принимая во внимание неравенство (2), мы получим вывод № 2:

• **каждый дискретный шаг при выборе функции затрат по типу (4) значительно больше, чем при выборе типа функции затрат по типу (1). Учитывая обстоятельство стремления затрачиваемого времени на изменения к максимуму, это означает, что любая ошибка в управлении изменениями, требующая дополнительного времени для исправления, стоит для предприятия значительно дороже при выборе функции управления по типу (4), чем при выборе по типу (1).**

Таким образом, ввиду влияния операционных затрат на управление изменениями на общие затраты (5) и выводов № 1 и № 2 для подавляющего большинства технологических и наукоемких предприятий из отраслей «новой экономики» должна быть рекомендована функция по типу (1), предполагающая организацию постоянной деятельности по управлению своевременными изменениями.

Функция по типу (4) может быть рекомендована лишь для узкого сегмента предприятий: малых по численности персонала или имеющих в своей корпоративной культуре четкую преференцию для директивно-командного стиля управления.

ВЫВОДЫ

Представленная функция управления изменениями в менеджменте компании по типу (1), с учетом стремления «аварийного» управления к минимизации, лежит в основе предложенной в работе оптимизации расходов по управлению предприятием. Для технологических предприятий из отраслей «новой экономики» выделение самостоятельной функции управления своевременными изменениями экономически целесообразно в силу того, что это позволяет:

- экономить денежные средства, выделяемые на управление организацией;
- экономить денежные средства на исправление управленческих ошибок в режиме «аварийного» управления.

Более того, дальнейшее развитие самостоятельной функции управления изменениями в менеджменте предприятия для части новых отраслей (финтех, фармтех) может быть связано со стратегической моделью рисков организации, которая традиционно требует выделения соответствующих резервов в виде денежных средств, выводимых из оборотного капитала (фактически замороживаемых). В будущем с развитием данного подхода возможна частичная компенсация операционных затрат на данную управленческую функцию за счет уменьшения необходимых денежных резервов, связанных с основными отраслевыми рисками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ханова И.М. Оптимизация затрат через совершенствование системы управления затратами. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014;(1–2):170–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-zatrat-cherez-sovershenstvovanie-sistemy-upravleniya-zatratami> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1968. 600 с.
3. Лотов А.В. Введение в экономико-математическое моделирование. М.: Наука; 1984. 392 с.
4. Taleb N.N. The black swan: The impact of the highly improbable, *The New York Times*. Apr. 22, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/04/22/books/chapters/0422-1st-tale.html>

5. Поздняков А.В. Порядок и хаос в динамике социально-экономических систем. *Наука и инновации*. 2011;(12):13–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-i-haos-v-dinamike-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem> (дата обращения: 26.01.2022).
6. Нив Г.Р. Организация как система. Принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2011. 370 с.
7. Адизес Ш., Капуста А., Бурда В. Методология Адизеса: Реальный опыт внедрения. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2015. 192 с.
8. Комаров Н.М., Пащенко Д.С. Современная высокотехнологичная компания в IT-отрасли: краткий обзор. *Вестник Евразийской науки*. 2019;11(4):48. URL: <https://esj.today/PDF/58SAVN419.pdf> (дата обращения: 24.10.2021).
9. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс; 2005. 454 с.
10. Пащенко Д.С. Основные ошибки в управлении проектами заказной разработки программного обеспечения. *Программная инженерия*. 2018;9(5):228–234. DOI: 10.17587/prin.9.228–234
11. Ким В.Ч., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 336 с.
12. Жемчугов А.М., Жемчугов М.К. Мотивация и удовлетворение потребностей потребителя. *Проблемы экономики и менеджмента*. 2013;(9):16–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-udovletvorenie-potrebnostey-potrebitelya> (дата обращения: 26.01.2022).
13. Пащенко Д.С. Влияние тенденций отрасли информационных технологий на развитие и трансформацию промышленных предприятий. *Информационные технологии*. 2021;27(7):359–368. DOI: 10.17587/it.27.359–368
14. Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Флинта; 2002. 648 с.
15. Пащенко Д.С. Организационное сопротивление при внедрении производственных инноваций проектным методом в IT-компаниях. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2015;(2):175–186.
16. Пащенко Д.С. Роль руководителя IT-компании в процессе внедрения изменений в производственные процессы. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013;(4–1):165–180.

REFERENCES

1. Khanova I.M. Costs optimization through improvement of cost management system. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014;(1–2):170–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-zatrat-cherez-sovershenstvovanie-sistemy-upravleniya-zatratami> (accessed on 26.01.2022). (In Russ.).
2. Seligman B.B. Main currents in modern economics: Economic thought since 1870. New York: The Free Press of Glencoe; 1963. 887 p. (Russ. ed.: Seligman B. Osnovnye techeniya sovremennoi ekonomicheskoi mysli. Moscow: Progress; 1968. 600 p.).
3. Lotov A.V. Introduction to economic and mathematical modeling. Moscow: Nauka; 1984. 392 p. (In Russ.).
4. Taleb N.N. The black swan: The impact of the highly improbable. The New York Times. Apr. 22, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/04/22/books/chapters/0422-1st-tale.html>
5. Pozdnyakov A. Order and chaos in the dynamics of socio-economic systems. *Nauka i innovatsii = The Science and Innovations*. 2011;(12):13–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-i-haos-v-dinamike-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem> (accessed on 26.01.2022). (In Russ.).
6. Neave H.R. The Deming dimension. Knoxville, TN: SPC Press; 1990. 440 p. (Russ. ed.: Neave H.R. Organizatsiya kak sistema. Printsipy postroeniya ustoichivogo biznesa Edvardsa Deminga. Moscow: Alpina Publisher; 2011. 370 p.).
7. Adizes Sh., Kapusta A., Burda V. Adizes methodology: Real implementation experience. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2015. 192 p. (In Russ.).
8. Komarov N.M., Pashchenko D.S. Modern high-tech IT-company: Brief overview. *Vestnik Evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2019;11(4):48. URL: <https://esj.today/PDF/58SAVN419.pdf> (accessed on 24.10.2021). (In Russ.).

9. Porter M.E. Competitive strategy: Techniques for analyzing industries and competitors. New York: The Free Press; 1998. 397 p. (Russ. ed.: Porter M. Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otraslei i konkurentov. Moscow: Alpina Business Books; 2006. 454 p.).
10. Pashchenko D.S. Basic mistakes in project management in custom software development. *Programmnyaya inzheneriya = Software Engineering*. 2018;9(5):228–234. (In Russ.). DOI: 10.17587/prin.9.228–234
11. Kim W.C., Mauborgne R. Blue ocean strategy: How to create uncontested market space and make competition irrelevant. Boston: Harvard Business Review Press; 2005. 256 p. (Russ. ed.: Kim W.C., Mauborgne R. Strategiya golubogo okeana. Kak naiti ili sozdat' rynek, svobodnyi ot drugikh igrokov. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. 336 p.).
12. Zhemchugov A.M., Zhemchugov M.K. Motivation and satisfaction of customer needs. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*. 2013;(9):16–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-udovletvorenie-potrebnostey-potrebityela> (accessed on 26.01.2022). (In Russ.).
13. Pashchenko D.S. Influence of trends in the information technology industry on the development and transformation of industrial enterprises. *Informatsionnye tekhnologii = Information Technologies*. 2021;27(7):359–368. (In Russ.). DOI: 10.17587/it.27.359–368
14. Zankovskii A.N. Organizational psychology. Moscow: Flinta; 2002. 648 p. (In Russ.).
15. Pashchenko D.S. Organizational resistance in internal projects of innovations' implementation in IT-companies. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2015;(2):175–186. (In Russ.).
16. Pashchenko D.S. The principal role of the chief executive officer of IT-company in the implementation of changes in the production processes model. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2013;(4–1):165–180. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Денис Святославович Пащенко — кандидат технических наук, независимый исследователь в области разработки программного обеспечения, Москва, Россия

Denis S. Pashchenko — Ph.D., independent researcher in the field of software development, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-9089-8173>

denpas@rambler.ru

Николай Михайлович Комаров — доктор экономических наук, научный консультант ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт «ЦЕНТР», Москва, Россия

Nikolay M. Komarov — Dr. Sci. (Econ.), Federal State Unitary Enterprise “Russian Research Institute “CENTER”, Scientific Consultant, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-2431-6195>

nikolai_komarov@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.04.2022; после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.04.2022; revised on 10.05.2022 and accepted for publication on 10.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124
УДК 338.28;336.64;658.14(045)
JEL G18, M2, O32, O38, O44

Экосистемные изменения структуры социально-экономических отношений

В.А. Чернов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

АННОТАЦИЯ

Методологическая база исследования включает теоретические основы кластерного строения, структурной интеграции экосистем, сетевой способ их координации, платформенное взаимодействие, положения глобальной инициативы (GRI), международные и отечественные нормативные акты в области устойчивого развития, научные публикации российских и зарубежных авторов. В статье предложены уточнения отдельных формулировок в дефиниции экосистем и проведена их классификация: биномика, индустриальная экосистема, бизнес-экосистема, предпринимательская, деловая, инновационная экосистемы. Исследована эволюция дефиниции «экосистема», в которой раскрыта ее качественно новая ступень в глобальной концепции устойчивого развития. Выведена формулировка экосистемы устойчивого развития как интеллектуального координационного ядра инновационной экосистемы. Введены понятия составляющих капитала новой экономической формации эксизма. Исследованы риски и угрозы экономической, правовой, государственной безопасности при формировании экономики доступа. Разработана модель интеграции экономического, социального, экологического компонентов, инфраструктурных элементов и направлений. Предложены направления создания новых организационных форм взаимодействия в экосистеме с участием государственных технологий (гостех). Даны рекомендации противостояния угрозам и рискам, обусловленным экосистемными изменениями структуры социально-экономических отношений, имеющими историческое значение.

Ключевые слова: устойчивое развитие; инновации; экосистемные платформы; финансизм; эксизм; информационный капитал; платформенно-организационный капитал; гостех

Для цитирования: Чернов В.А. Экосистемные изменения структуры социально-экономических отношений. *Мир новой экономики*. 2022;16(3):113-124. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124

ORIGINAL PAPER

Ecosystem Changes in the Structure of Socio-Economic Relations

V.A. Chernov

National research Nizhny Novgorod state University of N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT

The methodological base of the research includes the theoretical foundations of cluster structure, structural integration of ecosystems, the network method of their coordination, platform interaction, global reporting initiative (GRI), international and domestic regulations in the field of sustainable development, scientific publications of Russian and foreign authors. The article proposes clarifications of individual formulations in the definition of ecosystems and conducts their classification: bionomic, industrial ecosystem, business ecosystem, business, innovative ecosystem. The evolution of the definition of “ecosystem” is investigated, in which its qualitatively new stage in the global concept of sustainable development is revealed. The formulation of the ecosystem of sustainable development as the intellectual coordination core of the innovation ecosystem is derived. The concepts of capital components of the new economic formation of “accessism” are introduced. The risks and threats of economic, legal, and state security in the formation of the access economy are investigated.

© Чернов В.А., 2022

A model of integration of components has been developed: economic, social, environmental, infrastructural elements and directions. The directions of creating new organizational forms of interaction in the ecosystem with the participation of state technology (Gostech) are proposed. Recommendations are given to counter threats and risks caused by ecosystem changes in the structure of socio-economic relations that have historical significance.

Keywords: sustainable development; innovation; ecosystem platforms; financialism; accessism; information capital; platform and organizational capital; Gostech

For citation: Chernov V.A. Ecosystem changes in the structure of socio-economic relations. *The World of the New Economy*. 2022;16(3):113-124. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124

ВВЕДЕНИЕ

Из-за низких темпов развития отечественная промышленность нуждается в новых подходах к активизации инновационных производств, новых формах взаимодействия субъектов социально-экономических отношений, что делает исследуемое направление актуальным. Поиск таких подходов ведется с использованием новых моделей интеграции экономических систем с кластерным строением и сетевым способом координации, способных объединить и аккумулировать имеющиеся ресурсы и усилия, обеспечить инфраструктурное взаимодействие для решения проблем инновационного устойчивого развития [1–3].

Под влиянием цифровой трансформации происходят стремительные изменения в структуре средств производства и социально-экономических отношениях, что ведет к новой исторической стадии развития. Меняется доминирующая форма капитала, который мы рассматриваем как совокупность используемых в производстве ресурсов с целью получения прибыли (что вполне соответствует марксистской трактовке капитала как стоимости, приносящей прибавочную стоимость, а также цели коммерческой деятельности). Как известно, использование ресурсов с целью получения прибыли невозможно без производственных отношений, поэтому капитал — это ресурсы (материальные, финансовые, трудовые), предметы труда, средства труда в аспекте социально-экономических отношений, а не в отношении любого имущества. Вне социально-экономических отношений имущество не может приносить прибыль и поэтому не является капиталом.

На смену первоначальной стадии капитализма, ключевым капиталом которой были технические средства производства (заводы, конвейер, энергетические мощности), пришел финанализм с доминированием банковского эмиссионного капитала в социально-экономических отноше-

ниях, включая управление, контроль, владение и распоряжение эмиссионно-кредитными потоками фиатных, резервных валют и кредитов. Социально-экономические отношения в марксистской терминологии принято называть производственными отношениями.

Переход к цифровой экономике приводит к доминированию новой формы — информационного капитала. Информационный капитал представляет собой совокупность информационно-коммуникационных ресурсов и технологий, приносящих прибавочную стоимость. Открытие доступа к этим ресурсам и технологиям их владельцами становится ключевым в системе международных социально-экономических отношений. При этом изменения происходят как в структуре базиса — производственных отношениях, так и в общественной надстройке: политике, идеологии, религии, морали и др. Так, на смену финанализму приходит экономика доступа — эксизм. Данный термин введен Е. Лариной [4].

В такой смене формации при всех ее преимуществах к угрозам финанализма добавляются новые специфические угрозы глобального значения. Владельцы информационного капитала обретают колоссальное влияние и контроль над обществом, превосходящие возможности всех предшествующих исторических формаций, так как они могут с помощью интернета вещей (IoT), а затем и интернета всего, извлекать, собирать и регулировать потоки всеобъемлющей информации от пользователей, которыми становятся все граждане, организации и институты государства. Управляя информационными потоками в производственных отношениях и геополитике, владельцы информационно-коммуникативных ресурсов, систем и технологий способны ограничивать доступ или лишать вовсе к ресурсам как отдельных граждан и организации, так и целые государства, если они не владеют достаточным

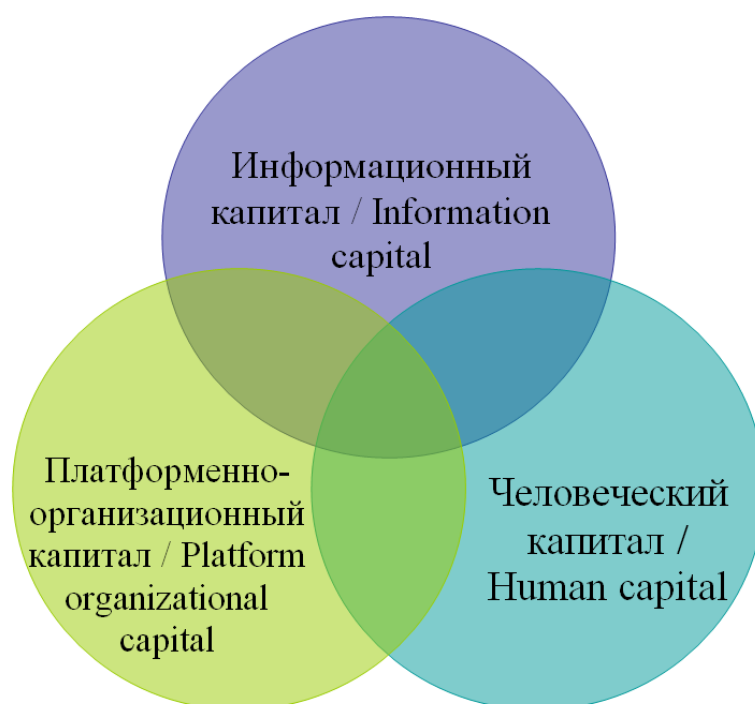

Рис. 1 / Fig. 1. Структурные составляющие социально-экономических отношений эксизма / Structural components of socio-economic relations of accessism

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

количеством (критической массой) информационного капитала для сохранения независимости. Информационный капитал открывает дополнительные возможности при ведении гибридных войн для установления марионеточных режимов в государствах и их разрушения.

В формирующейся общественной надстройке ведется борьба за контроль над духовной сферой человека и его социальным поведением с помощью информационных систем и технологий (гаджетов, социальных сетей и т.д.). Когда человек попадает под внешнее влияние, его личные качества утрачиваются, он превращается в ослепленный, деморализованный, ведомый «человеческий капитал», приносящий прибавочную стоимость, лишенный общечеловеческих ценностей и норм, ориентиров, самосознания.

Таким образом, ключевыми средствами производства при эксизме становятся три вида капитала: платформенно-организационный, информационный, человеческий (рис. 1). К платформенно-организационному капиталу относят экосистемы, открывающие доступ их участникам к взаимодействию на платформе с целью получения прибыли.

Влияние владельцев платформенно-организационного капитала в обществе зависит от того, в какой мере им принадлежат информационно-коммуникативные ресурсы и технологии, работающие на цифровой платформе. Экосистемный подход открывает новые возможности активизации инновационного развития, но при этом сопровождается новыми рисками и угрозами, обусловленными доминирующей ролью информационного капитала, усиленного платформенным взаимодействием. Эти риски и угрозы значительно опаснее тех, что были на предыдущих стадиях капитализма.

Цель исследования состоит в поиске новых форм интегрированного взаимодействия государства и бизнеса по отношению к информационному капиталу для решения проблемы роста экономики, развития высокотехнологичных производств, преодоления угроз и элиминирования рисков.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ДЕФИНИЦИИ «ЭКОСИСТЕМА»

Понятие «экосистема» было включено в научную лексику в 1935 г. благодаря А. Тенсли [5,

с. 284]. Экосистемами стали обозначать относительно устойчивые системы, образующие среду обитания сообществ живых организмов [6, с. 71].

По определению Л. Бергаланфи, экосистема — сложная самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система. Ей присущ относительно замкнутый, стабильный в пространстве и времени обмен веществами и энергией между ее биотической и абиотической составляющими. Исторические изменения в терминологии экосистем были отмечены У.С. Подвербных [6, с. 75].

В экономике и бизнесе теория экосистем впервые нашла свое выражение в концепции индустриальной экосистемы [7, с. 144]. Аналогия развития живых систем была заимствована из-за усложнения цепи операций в создании ценностей, повышения рыночной неопределенности и появления новых форм взаимодействия субъектов экономики.

Экстраполяция закономерности взаимодействия биологических явлений в процессы экономики появляется в трудах М. Ротшильда [8]. Д. Мур в исследованиях бизнес-стратегий выявил сходство бизнес-процессов с поведением организмов в биосфере в виде пищевых цепочек [9, с. 76]. Проведение аналогий экологических процессов с теми, что происходят в бизнес-среде, позволило установить постулаты теории сетевого общества [10]. Так, конкурирующие компании переходили к открытому сотрудничеству, взаимной поддержке при создании новых продуктов, стараясь максимально удовлетворить потребности клиентов; повышалась их инновационная активность.

В процессе эволюции экономических экосистем появилось два их вида: транзакционные и инновационные. Обычные бизнес-экосистемы относятся к первому виду — *транзакционным экосистемам* (платформам). На таких платформах строятся отношения в виде транзакций между взаимодействующими участниками. Среди них могут быть отдельные граждане или организации: пользователи, покупатели, поставщики и др. Взаимодействуя на платформе экосистемы, участвующие стороны находят друг друга. Примерами подобных экосистем являются: Uber, Alibaba, Airbnb, Google Search, Amazon Marketplace, eBay, Waze и др.

На *платформах инновационных экосистем* взаимодействуют различные разработчики новых

приложений. В роли разработчиков могут быть различные граждане и организации из любых точек мира. Так работают, например, экосистемы iPhone, Android, Windows.

Инновационная экосистема — это открытая, динамичная, самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, в состав которой входят организационные, структурные и функциональные подразделения (институты). Их взаимоотношения проявляются в создании, потреблении и трансформации научных знаний и идей в инновационные продукты [11, с. 93]. Причем знания могут формироваться с помощью автоматизированных экспертных систем, которые встроены в цифровые технологии [12, 13].

Для балансирования роста производств, расходования ресурсов и сохранения окружающей среды экосистемам бизнеса необходимо развиваться во взаимосвязке с экологическими императивами. Это приводит к энвайронментальному направлению дальнейшей эволюции экосистемного подхода, что соответствует концепции устойчивого развития, принятой в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015, где сказано: «Мы преисполнены решимости добиваться устойчивого развития в трех его компонентах — экономическом, социальном и экологическом — сбалансированным и комплексным образом»¹.

Другими словами, в стратегическом эволюционировании бизнес-экосистемы приходят к неизбежной взаимосвязи с концепцией устойчивого развития, определенной ООН, инициированной Global Reporting Initiative (GRI) и Dow Jones Sustainability (DJS) [14].

Обобщая сказанное, мы подходим к новому понятию — «экосистема устойчивого развития» (рис. 2).

В итоге мы наблюдаем трансформацию понятий экосистемного подхода, которые можно классифицировать следующим образом: экосистема в сфере отношений живых организмов с окружающей средой; индустриальная экосистема; биномика, бизнес-экосистема, предпринимательская экосистема, деловая экосистема, инновационная экосистема; экосистема устойчивого развития (табл. 1). Причем экосистема устойчивого развития может включать в себя в качестве структурной составляющей организационные

¹ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

Рис. 2 / Fig. 2. Компоненты экосистемы устойчивого развития /
Components of a sustainable development ecosystem

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

формы других экосистем более узкого порядка. А инновационная будет относиться к экосистеме устойчивого развития, если она охватывает три компонента: экономический, социальный и экологический. Таким образом, эволюционный цикл экосистем, берущий свое начало от обозначения среды обитания сообществ живых организмов, пройдя индустриальные стадии, возвращается к биосфере, но на уровне возникающей необходимости ее сохранения.

Схема интегрированного взаимодействия комплекса структурных составляющих и целевых функций, направленных на достижение устойчивого развития в трех его компонентах, представлена на рис. 3. В ее основе — интегрированное мышление, предполагающее активное рассмотрение организацией связей между ее различными операционными и функциональными единицами и капиталами, которые она использует или оказывает на них воздействие [15, с. 97]. При этом основными сторонами в указанной модели являются участники платформы и обслуживающие объекты.

ПЕРЕХОД ОТ ТРАДИЦИОННЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ К ПЛАТФОРМЕННЫМ ЭКОСИСТЕМАМ

В настоящее время внешние условия для инновационного устойчивого развития российской экономики неблагоприятные. Низкие темпы экономического роста усиливаются долговременным режимом неправовых санкций, ограничением возможностей привлечения средств на мировых рынках для российского бизнеса, условиями пандемии COVID-19. Это приводит к ужесточению кредитно-денежной политики, увеличению альтернативных издержек, повышению уровня риска.

Традиционные бизнес-стратегии во многих случаях не способны нивелировать возникающие глобальные угрозы и реализовать появляющиеся возможности. Инновации в стране пока не являются ключевым фактором экономического роста, поскольку еще не преодолена сырьевая направленность национальной экономики.

Среди элементов инновационных экосистем наиболее значимыми участниками являются

Эволюция экосистемного подхода / Evolution of the ecosystem approach

Экосистемы / Ecosystems	
Наименование / Concept	Понятие / Definition
Экосистема	Сложная самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система. Ее основной характеристикой является наличие относительно замкнутых, стабильных в пространстве и времени потоков вещества и энергии между ее биотической и абиотической частями [5, с. 284]
Индустриальная экосистема	Концепция развития живых систем применяется к трансформации индустрий под влиянием усложнения цепочек создания ценности, роста неопределенности среды и появления новых форм взаимодействия экономических субъектов [7, с. 144]
Биономика	Перенос биологических концепций на реальные экономические явления с использованием понятия «экосистема» и выделением специфического подхода в отдельное направление исследований, именуемое «биономика» [16, с. 39]
Бизнес-экосистема	Сеть взаимосвязанных «ниш», организаций, сообществ, институтов, которые согласованно развивают свои продукты и услуги, оказывают друг другу поддержку, чтобы инвестиции и текущая деятельность давали синергетический эффект [8, 9]
Предпринимательская экосистема	Среда, благоприятная для появления быстрорастущих предприятий. Совокупность взаимосвязанных субъектов предпринимательства (включая предприятия, венчурный капитал, бизнес-ангелов, банки), различные учреждения (университеты, государственные агентства, финансовые органы), которые соединены формальными и неформальными связями [17, с. 44]
Деловая экосистема	Совокупность компаний, причастных к созданию или производству ценности, развитию и коммерциализации инноваций [17, с. 44]
Инновационная экосистема	Межорганизационные, политические, экономические, технологические и энвайронментальные системы, посредством которых формируется, поддерживается и развивается бизнес-среда, создающая, потребляющая и превращающая научные знания и идеи в инновационные продукты*
Экосистема устойчивого развития	Открытая динамическая самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, состоящая из организационных, структурных и функциональных компонентов (институтов), которые согласованно развивают свои продукты и услуги для достижения экономического, социального и экологического развития

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: * URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/06b/Innovation_ecosystem_analytical_report.pdf

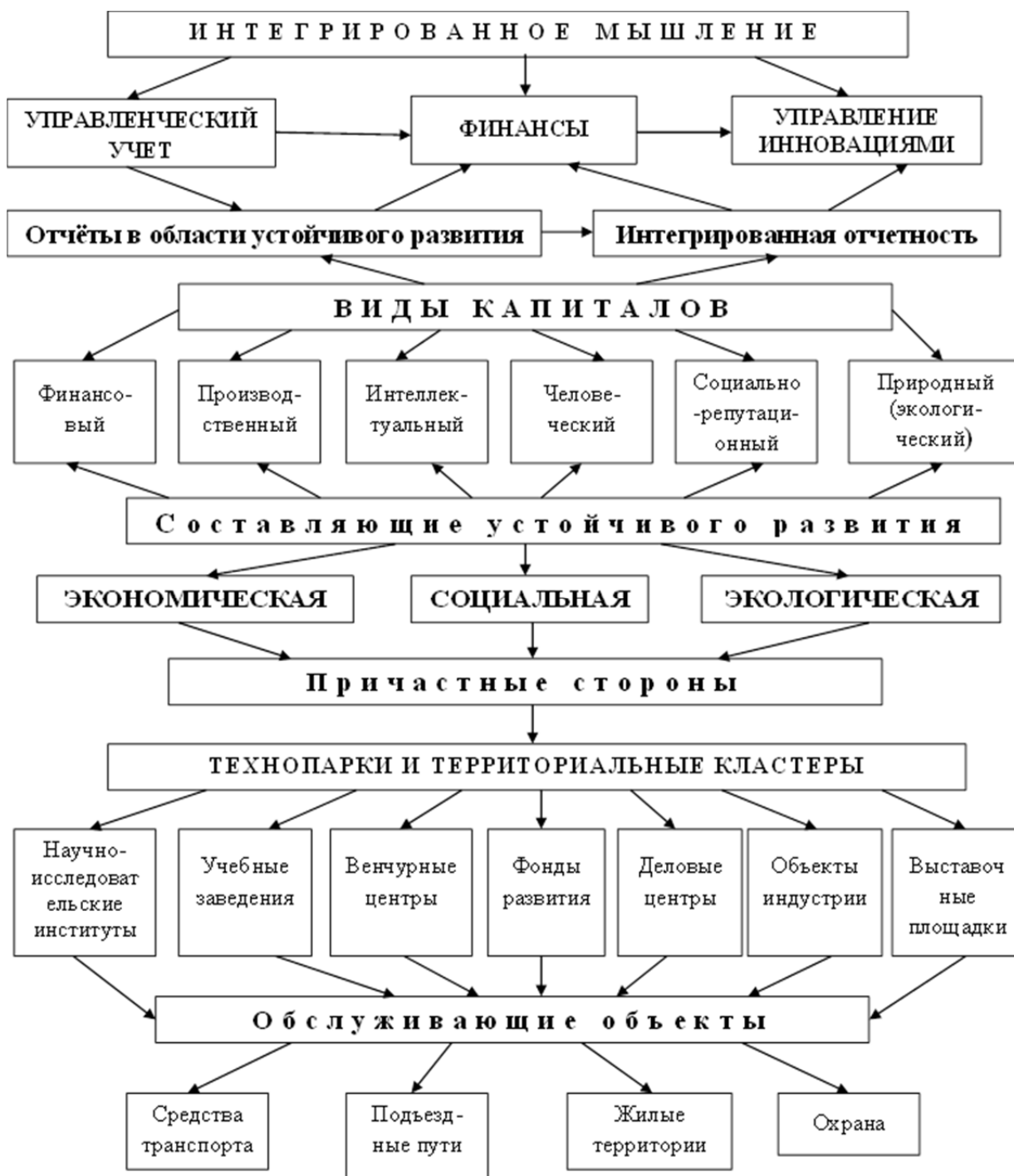

Рис. 3 / Fig. 3. Модель интеграции компонентов и направлений, определяющих инновационное устойчивое развитие экосистемы / Model of integration of components and directions that determine innovative sustainable development of the ecosystem

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

университеты и исследовательские лаборатории. Финансовым ядром экосистемы выступает венчурной фонд. Примером системы венчурного финансирования является Российская венчурная компания (РВК). В России из-за недостатка в фи-

нансировании со стороны частного сектора государство является одним из ключевых участников и занимает около трети рынка венчурных фондов.

Проблемы низкого финансирования кроются в финансовой и налоговой политике государ-

ства. В настоящее время Налоговым кодексом РФ² экспорт топливно-сырьевых ресурсов освобожден от уплаты налога на добавленную стоимость. Введение НДС на экспорт топливно-сырьевых ресурсов и увеличение таможенных пошлин на них могли бы стать дополнительным источником пополнения венчурных фондов. Поскольку поставки топлива и сырья осуществляются за рубеж, налогообложение их экспорта не приведет к удорожанию топливно-сырьевых ресурсов внутри страны, а, напротив, будет стимулировать увеличение продаж энергоресурсов на российском рынке, тем самым способствуя снижению цен на топливно-сырьевые ресурсы для российского бизнеса. Таким образом, природные богатства страны будут становиться конкурентным преимуществом российских производителей и способствовать освобождению нашей экономики от топливно-сырьевой зависимости.

Обоснования налоговой политики при экспорте топливно-сырьевых ресурсов раскрыты в монографии [18, с. 137]. Они указывают на то, что введение НДС и таможенных пошлин на экспорт топлива и сырья существенно повысит доходную часть бюджета, которая позволит пополнять венчурные фонды, участвующие в формировании новых платформ для инновационных коллабораций, а также повышать конкурентные преимущества за счет топлива и ресурсов страны.

Экосистемный подход реализуется с помощью платформенного взаимодействия, которое существенно отличается от традиционных бизнес-моделей. В традиционной бизнес-модели ценности создаются посредством линейных процессов, цепочек создания стоимости. Поэтому такая модель именуется «линейной» или «трубопроводной». На входе поступают сырье и материалы, из которых на выходе создается готовый продукт более высокой стоимости.

Экономическая экосистема строится на определенной платформе, в состав которой включены ключевые активы. В нее входят:

- движимое и недвижимое имущество платформообразующей фирмы, которое называется платформенным;
- члены (участники) экосистемы из юридических и физических лиц в составе платформы;

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/35cc6698564adc4507baa31c9cfdbb4f2516d068/

- ресурсы, вкладываемые в экосистему ее членами, включая программные приложения (Андроид, Windows и др.), помещения, транспортные средства, товары, идеи, информацию.

Фирма-платформа сама по себе непосредственно не создает стоимости. Ее ценность (продукт) — организация условий (платформы) для взаимодействия членов экосистемы и использования ее ресурсов, а также выработка политики — правил взаимодействия участников экосистемы и использования ее ресурсов, обеспечивающих рост экосистемы.

В отличие от линейной модели, фирмы-платформы не владеют и не распоряжаются этими активами, а лишь координируют их посредством стандартизации (например, API³ и SDK⁴) и политики.

Традиционные (линейные) бизнес-модели используют внутренние ресурсы в виде собственного имущества. Платформенная бизнес-модель строится на внешних ресурсах, без затраты средств на них. Например, экосистемы Uber, Airbnb, Alibaba являются двусторонними платформами.

В экосистеме Uber (крупнейшем в мире перевозчике) на одной стороне платформы — личные автомобили граждан различных стран, решивших оказывать услуги по перевозке на своих автомобилях под эгидой Uber, а на другой стороне — люди, нуждающиеся в такси.

Платформенные бизнес-модели экосистем проявляют большие конкурентные преимущества в сравнении с традиционными (линейными) бизнес-моделями. Они дают быстрый рост и распространяются в различных отраслях экономики.

Обладея существенными преимуществами, платформа имеет и негативные стороны. Многие начинающие предприятия, не способные конкурировать с экосистемой, решаются стать ее частью. Это приводит к поглощению отдельных предпринимателей и бизнес-структур, к централизации производств и, как следствие, к появлению новых рисков и угроз. Такие процессы требуют правового, антимонопольного регулирования и контроля со стороны государства.

В этой связи большая доля участия государства в организации и финансировании инновацион-

³ Программный интерфейс для интеграции приложений к Windows (API — Application Programming Interface).

⁴ Стандартные исходные блоки для создания приложений к Windows (SDK — Software Development Kit) — библиотеки программ, инструкции, образцы кодов, руководства.

Таблица 2 / Table 2

Основные показатели науки, инноваций и передовых производственных технологий по субъектам Российской Федерации в 2020 г. / The main indicators of science, innovation and advanced production technologies for the entities of the Russian Federation in 2020

Субъекты РФ / Subjects of the Russian Federation	Численность персонала в инновационной сфере / Number of staff in innovation	Затраты на научные исследования и разработки, млрд руб. / R&D costs, bln rub.	Число разработанных передовых технологий / Number of advanced technologies developed	Число используемых передовых технологий / Number of advanced technologies used	Доля инновационных товаров в общем объеме, % / Share of innovative products in total volume, %
Российская Федерация в целом	679 333	1174,5	1989	242 931	5,7
Центральный федеральный округ	345 756	621,9	686	69 612	5,2
Северо-Западный федеральный округ	87 411	155,8	268	24 693	6,3
Южный федеральный округ	26 716	29,8	143	13 355	3,3
Северо-Кавказский федеральный округ	6 816	5,8	55	3 060	5,1
Приволжский федеральный округ	101 929	180,9	323	70 100	11,3
Уральский федеральный округ	44 486	74,5	321	30 512	3,8
Сибирский федеральный округ	52 304	86,5	125	22 734	3,7
Дальневосточный федеральный округ	13 915	19,4	68	8 865	3,1

Источник / Source: составлено автором по данным Российского статистического ежегодника / compiled by the author according to Russian Statistical Yearbook.

ных высокотехнологичных проектов в России имеет свои преимущества. Участие государства в экосистемных платформах способно повысить их безопасность и сократить риски. Цифровая платформа экосистемы приводит к совершенствованию систем государственного управления и планирования. Планирование, мониторинг реализации планов, контроль, отклик системы на всех участках и этапах реализации плана, исправление ошибок и адаптация к изменяющимся условиям при этом происходят в режиме реального времени.

В международной практике для этого создаются модели использования государственных техноло-

гий — гостех (Government Technologies, GovTech). Гостех функционирует на платформе с нейросетевой технологией искусственного интеллекта «умное государство». Платформа объединяет всевозможные государственные информационные системы, создавая общую онлайн-среду взаимодействия граждан, бизнеса и госструктур. Ее ресурсы позволяют совершенствовать механизмы координации и коммуникации между государством, гражданами и бизнесом. Гостех дает возможность государству регулировать доступ участников платформы к ее ресурсам. Таким образом, государство сдерживает хаотизацию социально-экономических процессов,

устанавливая «правила игры», что особенно необходимо в условиях ослабления возможностей госрегулирования и планирования [19].

Экосистемный подход получает распространение в российских инновационных проектах. Среди основных примеров территориальных экосистем — не только зарубежные [«Силиконовая долина», MIT (Бостон), Кембридж, Гарвард], но и Томская область, Татарстан, Самара, Калуга Дальний Восток [11, с. 93], Краснодарский край [20, с. 202] и др. В Нижегородской области функционирует технопарк «Анкудиновка» — государственное учреждение, которое оказывает поддержку малому и среднему инновационному бизнесу, образуя экосистему.

Экосистемы становятся центрами развития инноваций и высоких технологий (табл. 2). По доле инновационных товаров в общем объеме лидирует Приволжский федеральный округ (11,3%) — преимущественно за счет используемых передовых производственных технологий в количестве 70 100 ед., что также превосходит показатели других субъектов Российской Федерации.

ВЫВОДЫ

В связи с возникающими и усиливающимися угрозами и рисками при переходе к экономике доступа главной задачей государств становятся

обладание и взятие под управление и контроль ключевых ресурсов информационного капитала, разработка отечественных информационно-коммуникационных систем.

Наиболее значимые риски и угрозы эксизма обусловлены тем, что центр управления международными серверами, операционной системой, кибербезопасностью, облачные хранилища находятся за рубежом. В центре управления находится американская компания Wmware — разработчик программного обеспечения для виртуализации, штаб-квартира которой размещается в Калифорнии.

Кибербезопасность серверов обеспечивается средством Radar американской компании IBM. Управление облачными сервисами хранения данных реализовано с помощью продуктов Azure от Microsoft.

Ни одна из этих компаний системно не сотрудничает с российским правосудием, не предоставляет исходные коды и не помогает в раскрытии носителей, зашифрованных с помощью ее продуктов.

Разработка подконтрольных государству и регулируемых им информационно-коммуникационных технологий и ресурсов становится первостепенной задачей, имеющей историческое значение при переходе к экономике доступа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gandia R., Parmentier G. Managing open innovation through digital boundary control: The case of multi-sided platforms in the collaborative economy. *Journal of Innovation Economics & Management*. 2020;2(32):159–180. DOI: 10.3917/jie.032.0159
2. Gay C., Szostak B. From territorialised innovation to collaborative innovation space: What are the issues for contemporary organisations? *Journal of Innovation Economics & Management*. 2020;2(32):135–158. DOI: 10.3917/jie.032.0135
3. Солодилова Н. З., Маликов Р. И., Гришин К. Е. Методический инструментальный оценки состояния региональной предпринимательской экосистемы. *Экономика региона*. 2018;14(4):1256–1269. DOI: 10.17059/2018-4-16
4. Ларина Е. Общество доступа или эксизм. HRазведка. 21.01.2020. URL: <http://hrazvedka.ru/blog/obshhestvo-dostupa-ili-eksizm.html> (дата обращения: 30.01.2022).
5. Tansley A. G. The use and abuse of vegetational concepts and terms. *Ecology*. 1935;16(3):284–307. DOI: 10.2307/1930070
6. Подвербных У. С. Экосистема оценки труда команд перспективных промышленных проектов. *Организационная психология*. 2019;9(2):70–92.
7. Frosch R. A., Gallopoulos N. E. Strategies for manufacturing. *Scientific American*. 1989;261(3):144–152. DOI: 10.1038/scientificamerican0989-144
8. Rothschild M. L. Bionomics: Economy as ecosystem. New York: Henry Holt & Co.; 1992. 423 p.
9. Moore J. F. Predators and prey: A new ecology of competition. *Harvard Business Review*. 1993;71(3):76–86.
10. Castells M. The rise of the network society. Oxford: Wiley-Blackwell; 2009. 597 p. (The information age: Economy, society, and culture. Vol. 1).

11. Шашло Н.В., Петрук Г.В. Потребительская ценность знаний в инновационной экосистеме Дальнего Востока России. *Университетское управление: практика и анализ*. 2017;21(5):93–102. DOI: 10.15826/umpra.2017.05.065
12. Чернов В.А. Реализация цифровых технологий в финансовом управлении хозяйственной деятельностью. *Экономика региона*. 2020;16(1):283–297. DOI: 10.17059/2020–1–21
13. Чернов В.А. Информационно-аналитическая подготовка решений, встраиваемых в алгоритмы цифрового управления. *Управленческие науки*. 2022;12(1):6–16. DOI: 10.26794/2304–022X–2022–12–1–6–16
14. Чернов В.А. Финансовое управление капиталами и устойчивое развитие бизнеса. Бо-Бассен: Palmarium Academic Publishing; 2018. 117 с.
15. Чернов В.А., Тихова А.Д. Интегрированный менеджмент устойчивого развития: методологические предпосылки и их практическая реализация. *Мир новой экономики*. 2018;12(1):92–103. DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–1–92–103
16. Андросик Ю.Н. Бизнес-экосистемы как форма развития кластеров. *Труды БГТУ. Серия 7: Экономика и управление*. 2016;(7):38–43.
17. Ефимов В.С., Лаптева А.В., Румянцев М.В. Наука и образование региона в экосистемной перспективе (на примере Красноярского края). *Университетское управление: практика и анализ*. 2019;23(3):40–55. DOI: 10.15826/umpra.2019.03.018
18. Малкина М.Ю., Захаров В.Я., Безрукова Н.А. и др. Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации России. М.: Русайнс; 2022. 268 с.
19. Мухаметов Д.Р., Симонов К.В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России. *Мир новой экономики*. 2021;15(3):17–27. DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–3–17–2
20. Щербинина М.Ю., Кулишова А.В., Глазунова Е.З. Диагностика инновационных экосистем Краснодарского края. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017;6(1):220–222.

REFERENCES

1. Gandia R., Parmentier G. Managing open innovation through digital boundary control: The case of multi-sided platforms in the collaborative economy. *Journal of Innovation Economics & Management*. 2020;2(32):159–180. DOI: 10.3917/jie.032.0159
2. Gay C., Szostak B. From territorialised innovation to collaborative innovation space: What are the issues for contemporary organisations? *Journal of Innovation Economics & Management*. 2020;2(32):135–158. DOI: 10.3917/jie.032.0135
3. Solodilova N. Z., Malikov R. I., Grishin K. E. Methodological tools to measure the state of regional entrepreneurial ecosystem. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2018;14(4):1256–1269. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018–4–16
4. Larina E. Access society or accessism. HRazvedka. Jan. 21, 2020. URL: <http://hrazvedka.ru/blog/obshhestvo-dostupa-ili-eksizm.html> (accessed on 02.02.2022). (In Russ.).
5. Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms. *Ecology*. 1935;16(3):284–307. DOI: 10.2307/1930070
6. Podverbnykh U. The measurement ecosystem of project teams performance in the industrial enterprises. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*. 2019;9(2):70–92. (In Russ.).
7. Frosch R.A., Gallopoulos N.E. Strategies for manufacturing. *Scientific American*. 1989;261(3):144–152. DOI: 10.1038/scientificamerican0989–144
8. Rothschild M.L. Bionomics: Economy as ecosystem. New York: Henry Holt & Co.; 1992. 423 p.
9. Moore J.F. Predators and prey: A new ecology of competition. *Harvard Business Review*. 1993;71(3):76–86.
10. Castells M. The rise of the network society. Oxford: Wiley-Blackwell; 2009. 597 p. (The information age: Economy, society, and culture. Vol. 1).
11. Shashlo N.V., Petruk G.V. The consumer value of knowledge in the innovative ecosystem of the Far East of Russia. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2017;21(5):93–102. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpra.2017.05.065

12. Chernov V. A. Implementation of digital technologies in financial management. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2020;16(1):283–297. (In Russ.). DOI: 10.17059/2020–1–21
13. Chernov V. A. Algorithms for making managerial decisions in the digital economy. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*. 2022;12(1):6–16. (In Russ.). DOI: 10.26794/2304–022X–2022–12–1–6–16
14. Chernov V. A. Financial management of the capitals and sustainable development of business. Beau Bassin: Palmarium Academic Publishing; 2018. 117 p. (In Russ.).
15. Chernov V. A., Tikhova A. D. The integrated management of sustainable development: Methodological prerequisites and their practical realization. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2018;12(1):92–103. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–1–92–103
16. Androsik Yu. N. Business ecosystems as a form of cluster development. *Trudy BGTU. Seriya 7: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of BSTU. Series 7: Economics and Management*. 2016;(7):38–43. (In Russ.).
17. Efimov V. S., Lapteva A. V., Rumyantsev M. V. Science and education of the region: The ecosystem perspective (the case of the Krasnoyarsk territory). *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2019;23(3):40–55. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2019.03.018
18. Malkina M. Yu., Zakharov V. Ya., Bezrukova N. A. et al. Economic security in the context of Russia's digital transformation. Moscow: RuScience; 2022. 268 p. (In Russ.).
19. Mukhametov D. R., Simonov K. V. "Smart government": Prospects for introduction of digital technologies in public administration in Russia. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(3):17–27. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–3–17–27
20. Shcherbinina M. Yu., Kulishova A. V., Glazunova E. Z. The diagnosis of innovation ecosystems of Krasnodar region. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = ASR: Economics and Management (Azimuth of Scientific Research)*. 2017;6(1):220–222. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Анатольевич Чернов — доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита; профессор кафедры финансов и кредита Института экономики и предпринимательства, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Vladimir A. Chernov — Dr., Sci. (Econ.), Prof., Department of accounting and audit; professor of department of finance and credit, Institute Economics and businesses, National research Nizhny Novgorod state University of N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7703-1660>
chernovva@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.02.2022; после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 12.06.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 06.02.2022; revised on 19.02.22 and accepted for publication on 12.06.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.